

ПИСЬМА К ДОЧЕРИ ТАТЕ

(1867—1869)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ (ПАРИЖ)*.

Публикация Л. Я. Гинзбург

Настоящая публикация включает 69 писем Герцена к его старшей дочери и другим членам семьи. Из всех своих детей Герцен выделял Наталью Александровну, считая ее самым близким человеком, наиболее достойным его откровенности и доверия. Характеристике Н. А. Герцен и ее отношениям с отцом посвящена обстоятельная статья Н. П. Анциферова в предыдущем томе «Литературного наследства».

Публикуемые письма охватывают период от февраля 1867 г. по октябрь 1869 г. Двадцать два письма 1869 г. отделены от предыдущих перерывом в несколько месяцев: Наталья Александровна из Флоренции приехала погостить к отцу в Ниццу и заболела там оспой; она вернулась во Флоренцию только в конце апреля 1869 г.

Переписка возобновляется и продолжается до 28 октября 1869 г. В этот день написано последнее письмо Герцена к старшей дочери; в этот же день Герцен получил известие о ее психическом заболевании.

Для Герцена вторая половина 60-х годов — время трудных испытаний: утрата популярности «Колокола», травля Герцена в русской реакционно-либеральной печати, окончательный разрыв со старыми друзьями, столкновения с «молодой эмиграцией» и притом тягостная семейная обстановка. С 1865 г. начинается полоса беспокойных скитаний Герцена по Европе.

В письмах к дочери особенно ясно видна усталость Герцена, все возрастающая потребность наконец прочно где-нибудь осесть. В последних письмах Герцен взвешивает возможности постоянной жизни в Брюсселе, в Париже. В Париже Герцен обосновался в сентябре 1869 г., примерно за четыре месяца до смерти.

Но при всей своей трудности, напряженности период 60-х годов был вместе с тем для Герцена периодом высших идейных достижений, углубления его революционно-демократических взглядов. В публицистической и пропагандистской деятельности Герцена 60-х годов новая трактовка явлений общественной жизни определяется двумя основными моментами — оба они указаны Лениным. Герцен увидел революционный народ в России, и он до известной степени начал понимать значение организованного движения рабочего класса.

Безудержный муравьевский террор и ренегатство либералов в России после выстрела Каракозова в 1866 г., реакционнейший режим Наполеона III, укрепление

* Текст писем был подготовлен редакцией «Лит. наследства» по публикации «Современных записок» (Париж, 1939). Уже во время печатания настоящего тома, редакция установила, что подлинники писем находятся в Национальной библиотеке (Париж). С любезного разрешения г-жи Жермены-Шарль Рист фотокопии этих писем были присланы редакции, что дало возможность устранить бесчисленное количество грубых искажений и восполнить пропуски, допущенные в публикации «Современных записок». — *Ред.*

Бисмарк, победа буржуазно-либеральных тенденций в итальянском национально-освободительном движении — все это вызывает у Герцена суждения, полные горечи и скептицизма.

Но в письмах Герцена конца 60-х годов сквозь мрачность, навеванную общественными и личными бедствиями, угадывается закал испытанного политического борца. Герцен твердо владеет революционным критерием оценки происходящего — критерием, определяемым идеалом социалистического переустройства общественных отношений.

Взгляды, интересы, настроения Герцена этих лет с особенной полнотой отражены в его письмах к Огареву (в частности, в письмах, опубликованных в 61-м томе «Литературного наследства»). Кроме Огарева, Герцен никому, пожалуй, не писал с такой откровенностью, с такой широтой охвата многообразных явлений жизни, как старшей дочери.

В письмах к дочери — по сравнению с письмами к Огареву — тематика, понятно, другая. Издание французского «Колокола», отношения с молодой эмиграцией, европейская политика, события в России — все эти темы в письмах к дочери играют меньшую роль. На первый план выступают вопросы морали, воспитания, семейных отношений (эти же темы Герцен затрагивает и в публикуемых в настоящем томе письмах к сыну).

Однако суждения о политическом положении, о международном революционном движении разбросаны и в публикуемых письмах к Наталье Александровне. Порою Герцен затрагивает в них те же явления политической жизни Европы, которые с такой силой запечатлены в восьмой части «Былого и дум». Последняя часть «Былого и дум» создавалась именно в тот период, к которому относятся публикуемые письма, создавалась в разъездах между Швейцарией, Италией, Францией.

«Генуя, 31 декабря 1867 г.» — так датирована глава, завершающая последнюю часть «Былого и дум» в восьмой книжке «Полярной звезды». Это глава «После набега» — знаменитое предсказание франко-прусской войны: «Граф Бисмарк, теперь ваше дело!».

«Войну натягивает Франция, — писал Герцен Огареву 3 февраля 1867 г., — в этом не сомневайся <...> Если не в нынешнем, то в будущем году весной — *sauf** иных перемен — будет война» (XIX, 202).

Тема войны несколько раз всплывает в письмах Герцена к дочери. В письме от 21 апреля 1867 г. он задает тревожный вопрос: «Что-то будет после коллизии Франции с Pруssen?» **

Герцен имеет здесь в виду острый конфликт между Францией и Пруссией, помешавшей Франции присоединить к себе герцогство Люксембургское. Вопрос о нейтралитете Люксембурга решался на конференции европейских держав. Несколько позднее, 12 мая, в Лондоне был подписан акт о нейтралитете. Но Герцен понимал, что любые соглашения — это временная оттяжка, что продолжают действовать силы, неудержимо влекущие к вооруженному столкновению две милитаристские державы — Францию Наполеона III и Пруссию Бисмарка.

В письме от 28 декабря 1867 г. Герцен отмечает: «Войну ждут почти все». Об ожидании войны говорится и в публикуемых письмах от 26 апреля и от 14 ноября 1868 г.

Герцен предвидел для капиталистической Европы ряд разрушительных войн («После набега»); он был убежден в том, что милитаризм не остановится. Поэтому так знаменательно его замечание в письме от 21 апреля 1867 г.: «Столкновение с славянским миром неминуемо».

В письмах к дочери Герцен касается и событий, связанных с международным освободительным движением, за которым он пристально следил. 18 февраля 1867 г. Герцен, гостивший у своих детей во Флоренции, приехал оттуда в Венецию. В письме к Наталье Александровне из Венеции от 23 февраля Герцен, узнав, что Гарибальди во Флоренции, осведомляется о причинах его приезда. В 1867 г., вразрез со всей политикой итальян-

* если не случится (франц.).

** Пруссией (нем.).

ского короля Виктора-Эммануила, Гарибальди подготовлял поход для освобождения Рима от гнета папской власти (эта попытка окончилась неудачей). Чтобы завоевать общественное мнение, Гарибальди в начале 1867 г. совершил поездку по Италии. 27 февраля он прибыл в Венецию, где Герцен виделся с ним в тот же день (см. письма Герцена к Огареву от 26 и 27 февраля — XIX, 224—227). В письме к дочери от 21 апреля Герцен возвращается к вопросу о Гарибальди: «Зачем он во Флоренции <...> он в парламенте только может *fiasco* сделать». Герцен понимал, что ни король, ни дворянско-буржуазный парламент не поддержат Гарибальди.

«Моя статья о Венеции, — пишет Герцен дочери в том же письме от 21 апреля, — вышла очень хороша...». Речь здесь идет о статье «*Venezia la bella*», впоследствии в качестве главы «Былого и дум» напечатанной в восьмой книжке «Полярной звезды» на 1869. И тут же Герцен признает, что эта «очень хорошая» статья рассердит всех — и Наполеона, т. е. идеологов наполеоновской империи, и итальянцев, в том числе самого Маццини. В «*Venezia la bella*» Герцен с беспощадной проникательностью констатировал слабость и обреченность Второй империи: «Как только немцы убедились, что французский берег понизился, что страшные революционные идеи ее поветшали, что бояться ее нечего, — из-за крепостных стен прирейнских показалась прусская каска» (XIV, 735). С другой стороны, понятно, почему статья Герцена должна была вызвать неудовольствие Маццини и его сторонников. В 1867 г. Герцен считал уже, что объединяющаяся Италия складывается в государство помещиков и капиталистов. Основная мысль «*Venezia la bella*» — это мысль о том, что подлинное (народное, социальное) содержание выветривается из итальянского национального движения, живящегося после объединения страны в общеевропейский буржуазный порядок. Маццини для Герцена по-прежнему великий народный герой. Но в 1867 г. Герцен видел, что «Рим — Америка Маццини... Дальнейших зародышей *viables** в его программе нет — она была рассчитана на борьбу за единство и Рим» (изд. АН, т. XI, стр. 476).

В письме от 23 февраля Герцен выражает тревогу по поводу того, что его встреча с Гарибальди может быть омрачена «польскими сплетнями». Герцен намекает здесь на конфликт, разыгравшийся осенью 1866 г. В 229-м листе «Колокола» появилась статья Огарева «Продажа имений в Западном крае», написанная по поводу принудительной продажи царским правительством земель польских помещиков. Выражая сочувствие полякам, Огарев в то же время утверждал, что раз уже совершается принудительное отчуждение имений, то следовало бы передавать их не русским и прибалтийским помещикам, а русским крестьянам. Статья эта вызвала возмущение польских эмигрантов. К протестам поляков присоединился А. А. Серно-Соловьевич, выпустивший (по-видимому, в декабре 1867 г.) полемическую брошюру (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 113—115)**. Серно-Соловьевич подчеркивал, что представители революционной России не должны были ни при каких обстоятельствах мириться с насильственной руссификацией Польши. Еще до выхода этой брошюры Герцен написал листовку «Нашим польским братьям», в которой стремился «братски покончить» с возникшим «важным недоразумением». «Предложение автора <Огарева>, — писал Герцен, — совершенно логически истекает из всего воззрения нашего. Может, оно выражено не во-время, в таком случае мы первые от души скорбим, что прибавили еще горькую минуту к великому сетованию вашему. В этом вы судьи, и мы умоляем. Безусловное, неопровержимое право польской народности было всегда одним из наших догматов» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 136). Герцен, судя по публикуемому письму, опасался, что этот эпизод в тенденциозном освещении был доведен польскими эмигрантами до сведения Гарибальди.

В публикуемых письмах имя Гарибальди всплывает еще раз в связи с взволновавшим Герцена эпизодом национально-освободительного движения 60-х годов. «Они после тюрьмы сделали опыт взорвать что-то в City, — пишет Герцен дочери 21 декабря 1867 г. — Не хотели люди революцию Гарибальди — вот им идет Яга-бальди...».

* жизнеспособных (франц.)

** Автограф этой статьи сохранился в «пражской коллекции».

Здесь речь идет о террористических актах ирландских революционеров — фениев. Об этом же говорится в главе «После набега», датированной 31 декабря: «А! господа консерваторы, вы не хотели <...> ни Мадзини-стоика, ни Гарибальди-героя <...> Вы боялись социальных реформ, — вот вам фениане с бочкой пороха и зажженным фитилем» (XIV, 765).

Борьбу фениев против английского владычества породили неимоверная нищета и бесправие ирландского народа. Маркс и Энгельс горячо сочувствовали этой борьбе, вместе с тем осуждая террористическую тактику фениев. В сентябре 1867 г. в нескольких городах Ирландии вспыхнули восстания, поднятые фениями и жестоко подавленные правительством. 23 ноября трое ирландских революционеров были казнены по приговору английского суда в Манчестере. В ответ на это 13 декабря фении, пытаясь освободить арестованных товарищей, взорвали стену лондонской тюрьмы — с помощью фитиля и начиненной порохом бочки. Почти одновременно с публикуемым здесь письмом, 20 декабря Герцен писал Тургеневу: «Вот что из-за туч и тумана поднимается — фенианизм. Четыре взрыва в Лондоне — и капитал разбежится» (XX, 117). «Читаешь ли о фенианах?» — спрашивает Герцен Огарева в письме от 29 декабря («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 409). К этим же событиям, очевидно, относится и фраза в письме к Н. А. Герцен от 28 декабря: «Читаете ли вы о ужасе в Лондоне от фениан?»

В конце 60-х годов, с горечью наблюдая торжество реакции, Герцен тем не менее не верил в прочность этого торжества. Накануне франко-прусской войны и Парижской коммуны его суждения и оценки проникнуты ожиданием больших политических событий.

Особенно отчетливо эти ожидания сформулированы в письмах 1869 г. В письме от 27 мая Герцен с удовлетворением отмечает результаты французских парламентских выборов 1869 г.: успех вождя республиканской оппозиции Гамбетты и Распайля, который на президентских выборах 1848 г. был выставлен кандидатом от социалистов; наряду с этим правительственный кандидат, перебежчик из республиканского лагеря Эмиль Оливье, был забаллотирован в Париже (попутно Герцен упоминает об обычной беспринципности короля бульварной прессы Эмиля Жирардена). «Они не без важности», — подводит Герцен итог значению выборов, видя в них симптом пробуждения Франции. Та же тема в письме от 13 июня. А 13 июля Герцен пишет: «Вероятно вы как-нибудь следите за новостями из Франции. Двинулась и эта старуха».

Надвигающиеся события Герцен рассматривает как социальные столкновения, социальный переворот. 2 июня 1869 г. он пишет из Женевы: «Здесь на этот раз интересно. Война социальная близится, и война страшная — по буржуазной тупости и озлоблению работников <...> Разгром будет ужасен и в России, как здесь».

Всякая подлинная современная революция непременно будет социальной революцией — эта мысль для Герцена не нова; он высказывал ее еще в связи с событиями 1848 г. Но в конце 60-х годов Герцен все большее значение придает организованному рабочему движению и все непримиримее относится к анархическому началу в революции. Публикуемые нами письма 1869 г. писались в период острого идейного конфликта Герцена с Огаревым, подпавшим под влияние Бакунина и Нечаева, в период работы Герцена над письмами «К старому товарищу», где полемика с Огаревым и Бакуниным перерастала в глубокие теоретические обобщения.

В публикуемых письмах к дочери Герцен несколько раз касается конфликта с Огаревым и Бакуниным. «Полемика с Бакуниным, — пишет он 13 июня 1869 г., — идет своим чередом. Я из письма моего вымарал все личные намеки — и написал еще два. За него отвечал Огар'ев, и я уж отвечал ему; все это может с легкими изменениями напечататься».

Речь идет здесь о первоначальной, дошедшей до нас в отрывках, редакции первых трех писем «К старому товарищу», носившей название «Между старичками», и об «Ответах» Огарева на эти статьи: «Ответы» на первоначальную редакцию первых двух писем Огарев написал в мае 1869 г. Герцен, очевидно, возражал ему в утраченной первоначальной редакции третьего письма. Всю эту дискуссию Герцен собирался напечатать («Полемика открытая будет напечатана, ответ писал Огарев», — сообщает он дочери

ГЕРЦЕН

Портрет маслом работы Н. А. Герцен (дочери), 1867 г.

Подлинник у г-жи Жермены-Шарль Рист, Версаль

Воспроизводится по негативу «пражской коллекции»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

в письме от 22 июня), но отказался от этого замысла по просьбе Огарева, опасавшегося, что обнародование полемических материалов повредит пропаганде в России (о статьях «Между старичками» и огаревских ответах «Старому другу» см.: В. А. П у т и н ц е в и Я. З. Ч е р н я к. Новые материалы к истории текста писем «К старому товарищу». — «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 181—240).

«Ответы» Огарева и первоначальная редакция герценовского третьего письма создавались в мае—июне 1869 г. во время пребывания Герцена в Женеве, откуда написаны девять из публикуемых здесь писем 1869 г.

Огарев вдруг мне написал, — сообщает Герцен дочери 30 апреля, — что какому-то человеку по одному дельцу нужно на секундочку повидаться в каком-нибудь местечке — хотя я в крайность не верю (Огарев требовал сейчас телеграфировать ...о Бакунии, Бакунии!).

27 апреля 1869 г. Герцен писал Огареву: «Воля твоя, телеграфировать не стану. Ты все порешишь горячку. К 10-му мая буду в Женеве, если не встретится беды (<...> Да в чем дело? Что за таинственность?» (XXI, 370).

«Человечек», о котором идет речь в публикуемом письме к Н. А. Герцен, — очевидно, С. Г. Нечаев. Нечаев приехал в Женеву в начале апреля 1869 г. и сразу же завязал самые тесные отношения с Бакуниным и Огаревым. Огарев настаивал на личной встрече Герцена с Нечаевым для переговоров об использовании «бахметевского» фонда (см. «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 32—40). 10 мая Герцен приехал в Женеву, и, понятно, личные впечатления могли только усугубить его настороженность по отношению к тому влиянию, которое Бакунин и Нечаев оказывали на Огарева.

В цитированном уже письме от 13 июня читаем: «Он (<Бакунин>) везде проповедует общее разрушение (<...>) русская молодежь принимает au pied de la lettre* его программы. Студенты собираются составлять разбойничьи банды» (о том же идет речь в письме от 22 июня). Герцен имеет здесь в виду изданную в мае в типографии Чернецкого брошюру Бакунина «Постановка революционного вопроса»; в ней Бакунин между прочим призывал использовать разбойничий мир при подготовке народного восстания. Эта крайне вредная брошюра являлась одним из звеньев в пресловутой «агитационной кампании», которую в 1869 г. вели Нечаев и Бакунин и в которую они втянули Огарева.

В Женеве, помимо упомянутой брошюры Бакунина, был выпущен ряд листовок и брошюр, вызвавших своей анархической направленностью резкое неодобрение Герцена. Позднее, 2 октября, уже из Парижа Герцен с горечью писал Огареву: «Вчера в „Presse“ была статейка о русских Flugschrift'ax**, печатаемых в Женеве и найденных в большом количестве, будто бы, в Тверской губернии и между студентами. Авторами всего этого „La Presse“ называет Бакунина и меня» (XXI, 462).

Публикуемые нами письма к дочери проливают таким образом некоторый дополнительный свет на историю последнего конфликта Герцена с Огаревым и Бакуниным и на историю его тщетных попыток приостановить женевскую агитационную кампанию 1869 г.

Мы уже упоминали о том, что в письмах к дочери Герцен уделял много внимания семейным отношениям и конфликтам, омрачившим его жизнь и жизнь близких ему людей. В частной жизни Герцена тяготит многое: непоправимо враждебные отношения между его старшими детьми и Н. А. Тучковой-Огаревой, отчужденность от семьи и от идейных интересов Герцена его дочери Ольги, которую М. Мейзенбург воспитывает «иностранкой», неправильное воспитание младшей дочери Лизы, женитьба сына, болезнь и образ жизни Огарева, его собственная болезнь (в 1868 г. С. П. Боткин обнаружил у Герцена диабет).

На фактической стороне домашней жизни Герцена конца 60-х годов (письма к дочери дают в этом плане немало нового материала) не будем останавливаться подробно; она освещена в публикации Н. П. Анциферова, напечатанной в т. 63 «Лит. наследства». Письма к Наталье Александровне особенно интересны тем, что факты, житейские обстоятельства все время подвергаются в них теоретическому осмыслению. Тео-

* буквально (франц.).

** листовках (нем.).

ретическая мысль Герцена охватывает многообразные явления жизни; и даже семейная неурядица нередко служит ему материалом для больших морально-философских обобщений. Герцен обращается к дочери как духовный наставник, как воспитатель в самом широком смысле слова. И в письмах к ней он нередко касается тех больших проблем, которые волновали его на протяжении всего жизненного пути и находили выражение в его творчестве.

Вопросы воспитания были для Герцена вопросами первостепенной важности. И здесь дело не только в его горячей привязанности к своим детям; педагогические его интересы коренятся в самых основах мировоззрения Герцена — просветителя, борца за новую разумную организацию общественных отношений.

В публикуемых письмах много внимания уделено конкретным вопросам воспитания Лизы. Герцен со страхом следит за тем, как в руках неуравновешенной, истеричной женщины искажается характер одаренного ребенка. Противовесом этим вредным влияниям должно было явиться влияние Таты. Но с успехом воспитывать младшую сестру Наталья Александровна сможет только при одном условии — одновременно она должна воспитывать самое себя. Этот принцип *самовоспитания воспитывающих* чрезвычайно важен в системе педагогических взглядов Герцена. «...Для воспитания нужен тебе труд самовоспитанья» (письмо от 20 апреля 1868 г. Сходные высказывания в письмах от 12 мая, 1 июля, 22 сентября 1868 г.).

Особенно полно развивает Герцен концепцию самовоспитания в письме от 23 мая 1868 г. Самовоспитание для Герцена — это прежде всего творческий труд, деятельность. В упомянутом письме Герцен дает замечательную формулу: «...Жить надобно там, где есть *наибольшее дело* для нас, а уж в Клину или в Специи — о том знают обстоятельства. — That is my humble philosophy*».

Последняя шуточная фраза имеет, в сущности, вовсе не шуточный смысл. Сформулированная здесь концепция *наибольшего дела* ведет нас к самым основам мировоззрения Герцена, каким оно сложилось еще в 40-х годах. Здесь и основополагающее требование материалистической философии Герцена — требование перехода теории в практику; и этика Герцена, для которой решающим критерием является общественно-значимое деяние. Как все утопические социалисты, Герцен верил в право человека на наслаждение, на счастье. Но в герценовском понимании человек стремится не к пассивному наслаждению, а к деянию, к творчеству: «...Одно действие может вполне удовлетворить человека. Действование — сама личность» («Дилетантизм в науке» — изд. АН, т. III, стр. 69). Герцен при этом убежден, что общественные интересы не только не противостоят стремлениям нормальной человеческой личности, но что лишь они могут дать ее целеустремленности выход и применение. Мимоходом высказанная в письме к дочери мысль о *наибольшем деле*, определяющем жизнь человека, — необычайно важна для понимания этики зрелого Герцена. В публикуемом выше письме к сыну от 21 мая 1869 г. Герцен связывает вопросы воспитания, т. е. подготовки человека к предстоящей ему деятельности, с неизбежностью надвигающегося социального переворота.

Герцен хотел вывести в разумную организованную жизнь не только своих детей, но и близких ему взрослых; обстоятельства не позволили добиться ни того, ни другого. Практически усилия Герцена были обречены на неудачу, поскольку он пытался логическими доводами, убеждением воздействовать на женщину, которая в конце 60-х годов явно уже находилась в состоянии патологической неуравновешенности. Но самая апелляция Герцена к началам разумности и моральной дисциплины в высшей степени характерна. Противоречиям, раздиравшим его семью, Герцен пытается противопоставить просветительское решение жизненных вопросов.

В 1868 г. Н. А. Тучкова-Огарева настойчиво требовала, чтобы Герцен открыто признал существовавшие между ними отношения и удочерил Лизу, которая носила фамилию Огарева. Герцен медлил, и это до крайности обострило конфликт; медлил он главным образом потому, что боялся впечатления, которое эти открытия произведут на Лизу. В то же время Герцен считал, что Ольге пора узнать, что Лиза — ее сестра. Всеми

* Такова моя скромная философия (англ.).

этими намерениями и сомнениями Герцен откровенно делится с Натальей Александровной в письме от 7 ноября 1868 г. Существенно для истории отношений Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой письмо от 7 июня 1867 г.; Герцен называет это письмо своей «исповедью» и просит дочь держать его втайне. Только в июне 1869 г. Герцен осуществил свое намерение раскрыть Ольге истинный характер семейных связей между нею, Н. А. Тучковой-Огаревой и Лизой. Вскоре правду узнала и Лиза. Эти семейные события отражены в публикуемых здесь письмах от 2 и 13 июня и от 19 июля 1869 г.

В связи с вызвавшим крайнее его неудовольствие предстоящим браком сына Герцен пишет 26 апреля 1868 г.: «...Есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать <...> Вспомни, сколько я писал и проповедовал о том, что любовь не должна играть главную роль, — а одну из главных ролей — в жизни. Даже вообще все личное должно быть балансировано общим — иначе беда».

Здесь Герцен касается тех проблем, на которых мысль его останавливалась неоднократно, начиная с 40-х годов, которые он ставил в «Дневнике», в «Кто виноват?», в статье «По поводу одной драмы», в «Былом и думах» (особенно отчетливо в разделе пятой части, озаглавленной «Раздумье по поводу затронутых вопросов»). Уже в 40-х годах Герцен предлагает решение, которому он останется верен в дальнейшем: люди должны стремиться не к тому, чтобы избавиться навсегда от личных страданий и конфликтов (это несбыточно), но к тому, чтобы из личных страданий и крушений уметь выходить в сферу общих интересов.

Герцен непримиримо враждебен стихийной неразумности, необузданности вожделений. Отсюда настороженное отношение Герцена к дружбе дочери с Е. Володимировой. Володимирова по своему социальному и психологическому облику — представительница того «аристократического камелизма», которому в последней части «Былого и дум» (1867) посвящен этюд «Махровые цветы».

Проблемы любви, брака, семьи в этот период волнуют Герцена и теоретически, и практически, применительно к судьбе его детей. Герцен мечтал о том, чтобы его дети сохранили живую связь с родиной. В особенности ему хотелось, чтобы любимая старшая дочь стала женой русского; со временем это могло бы открыть ей дорогу в Россию. Герцен подчеркивал, что не считает себя вправе оказывать давление на выбор дочери, но он не скрывал, что его обрадовал бы ее брак с А. Н. Мещерским или В. Ф. Лугининым. Владимир Федорович Лугинин, вращавшийся за границей в кругах русской революционной эмиграции, — симпатичен Герцену; и он несколько раз возвращается в письмах к отношениям Лугинина с Татой.

В публикуемых письмах основные теоретические высказывания о браке связаны с женитьбой Александра Александровича Герцена на юной работнице, итальянке Терезине Феличе.

Этот брак, оказавшийся удачным и прочным, вызвал сопротивление Герцена и потому, что Герцен не хотел, чтобы его дети растворились в среде иностранцев, и потому, что брак сына представлялся ему проявлением неразумной стихии, слепого влечения страстей. Он боялся отсутствия общих духовных интересов, боялся и материальных трудностей как возможной помехи в деятельности молодого ученого (см. письма Герцена к Огареву от 2, 5 и 15 апреля и 8 июня 1868 г.).

«Всякий брак, — формулирует Герцен в письме к дочери от 23 мая 1868 г., — может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развитий, на общей религии, на взаимном уважении, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям, — тот имеет больше шансов рациональных».

15 апреля 1868 г. Герцен писал по тому же поводу Огареву: «Inter pares* не значит по происхождению, даже по состоянию, а значит — иметь общую историческую базу и что-нибудь общее во внутренней жизни» (XX, 251). Подобные мысли Герцен высказывал еще в 1857 г. в очерке о Кетчере (включено теперь в четвертую часть «Былого и дум»).

Институт брака является для Герцена предметом теоретического интереса. В письме от 18 декабря 1867 г. Герцен подробно говорит о книге французского врача, химика

* Между равными (лат.).

и политического деятеля Альфреда Наке (Naquet) «Religion, propriété, famille» («Религия, собственность, семья»). В книге Наке были подвергнуты критике современные формы семьи и брака; это дало повод судебным органам Второй империи приговорить автора за оскорбление общественной нравственности к штрафу и тюремному заключению, а также к пожизненному лишению гражданских прав. Наке бежал в Испанию, где принял участие в республиканском восстании 1869 г.

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА ТАТА И ОЛЬГА

Дагерротип с дарственной надписью Герцена Е. Б. Грановской: «Лизавете Богдановне. 17 августа и прощайте. — До свиданья», 1853—1855 гг.

Литературный музей, Москва

Знаменательно, что в книге Наке сочувствие Герцена прежде всего вызывает взгляд на семью как на исторически изменчивую, эволюционирующую форму общественной жизни. Сходные мысли Герцен подробнее развивает в письме от 1 июня 1868 г. Прежде всего он отвергает антиисторический подход к этому вопросу, отвергает самую возможность раз навсегда заданной нормы. Причем попытки создания подобных норм он относит к области *утопического* мышления: «Не могу я тебе писать никакой теории брака. Нормального брака нет. Это все неверные приемы — так Платон, Томас Морус писали свои идеальные республики». И далее Герцен формулирует: «Брак — изменяющаяся, историческая форма отношений мужчины и женщины — друг к другу — и к детям».

Письмо от 1 июня — замечательное свидетельство историзма герценовской мысли. Герцен шутил назвал это письмо «диссертацией». В самом деле, в нем затронуты большие морально-философские и социальные проблемы. Понимание брака как исторически изменяющейся формы — частный случай по отношению к тому историческому пониманию всех вообще явлений общественной жизни, которое Герцен провозглашает в том же письме: «Нравственность — дело историческое, человек, поступающий соответственно своему понятию о добре и зле — поступает хорошо, и почти везде под влиянием исторического развития. На сию минуту, для полной практической свободы — брак так же необходим, как капитал, наследство и др. вещи, в которые, в сущности, мы не верим».

Герцен с его историзмом, еще не материалистическим, но уже проникнутым революционной диалектикой, рассматривал исторический процесс как борьбу нарождающихся общественных форм с отмирающими. Герцен, однако, считал, что в индивидуальном, частном порядке человек не должен отказываться от средств и возможностей, которыми он владеет в пределах данной социальной системы. В письме от 23 мая Герцен говорит, что если бы он отказался от своего имущества, то «остался бы полунищим и лишил бы себя во время борьбы оружия и возможности бороться». И тут же находим теоретическое обоснование этого утверждения: «Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить — но не как исключение *для себя*, а *comme règle générale* для всех». Герцен трактует вопросы общественного поведения человека в плане социально-политическом, а не с точки зрения морального самосовершенствования отдельной личности.

В том же письме от 1 июня 1868 г. Герцен касается серьезной проблемы соотношения между естественно-научным и социально-историческим объяснением явлений действительности, и в этой связи — проблемы свободы воли. «... И на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга, — а физиология общественной, исторической жизни важна, социология в обществе и изучение страстей и влечений в частном важны. Не верить религиозным бредням — еще не значит сводить все вопросы на химию». Для Герцена, остановившегося перед историческим материализмом, характерно, что он, говоря о жизни общества, не может еще уйти от естественно-научных аналогий («физиология общественной жизни»). И в то же время он выступает против вульгарного естественно-научного материализма, сводящего «все вопросы на химию». О тех же вопросах идет речь и в письме от 9 июня.

Затронутые в этих письмах темы были в то время для Герцена очень актуальны. Летом 1868 г. в флорентинском кружке, к которому принадлежал его сын, шли горячие споры по вопросу о свободе воли. В спорах принимали участие А. А. Герцен, его руководитель физиолог Мориз Шиф, близкий к семье Герценов французский эмигрант Доманже (последний стоял, очевидно, на антидетерминистических позициях). Герцен был убежденным детерминистом, но он ясно понимал невозможность сведения вопроса к физиологическим процессам.

Флорентинские дискуссии (Герцен внимательно за ними следил) отразились в брошюре А. А. Герцена о первой деятельности (1868), написанной с позиций узкого позитивизма. На эту брошюру Герцен отозвался полемическим письмом (см. XXI, 1—9), которое было опубликовано А. А. Герценом только в 1876 г. в «Revue philosophique». «Физиология мужественно выполнила свою задачу, — говорит Герцен в этом письме, — разложив человека на бесконечные действия и противодействия и сведя его к крещению, вихрю рефлексивных актов. Пусть она позволит теперь социологии восстановить его цельность. Социология вырвет человека из анатомического театра и возвратит его истории» (XXI, 5; см. также частное письмо к сыну от 8 июня 1868 г. — XX, 310).

Для позитивизма человек — безответственный, пассивный продукт обстоятельств; для Герцена — обусловленный действительностью человек в то же время сам воздействует на действительность, поэтому он несет моральную и социальную ответственность за свои поступки. Тем самым Герцен открывает дорогу этическим оценкам поведения человека. Об этом именно, в связи со спорами у Шифа, Герцен писал Огареву 22 февраля 1867 г.: «Ни ты, ни Шиф всей сложности задачи, особенно в ее историческом воплоще-

нии, не касались. Тебя обрадовало слово *volition**,— назови практическим разумом, разумом деятельным и объясни его законы и отношения, так, чтоб я, сказавши теперь: „Это — дурной поступок*, не говорил нелепости» (XIX, 219; см. также письмо к Огареву от 3 февраля — XIX, 202) и письма Огарева от 28 января и 6 февраля 1867 г., напечатанные в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 428—429).

Человек отвечает за свои поступки; тем самым он отвечает за *последствия* своих поступков. Мысль о логике последствий, очень важную для него в плане этическом, историческом, педагогическом, Герцен развивает в публикуемом письме от 20 апреля 1868 г.: «... Несчастье почти всегда—простое последствие, люди это называют наказанием,—а оно просто силлогизм. Ты промочила ноги <...> — у тебя насморк от мокрых ног, — то пенять нечего, и ты виновата перед собой». Человек выбирает свое поведение; он детерминирован, но в цепь обуславливающих его судьбу причин включена и его собственная воля.

Для данных писем, как и вообще для творчества Герцена, характерно, что житейские факты, конкретные ситуации, отдельные люди рассматриваются в свете основных положений его философского мировоззрения. В письмах от 12 мая и 1 июня 1868 г. интересна, например, в этом плане сравнительная характеристика Н. А. Огаревой и М. Мейзенбуг, которая строится, исходя из характеристики двух разновидностей идеализма. Этот анализ исследовательской точностью, специфически герценовским сочетанием пристального наблюдения с широтой теоретических обобщений напоминает портретные зарисовки «Былого и дум».

Письма Герцена к старшей дочери — это письма дружеские, в которых он откровенно говорит о самых болезненных сторонах своей личной жизни. И в то же время это письма отца, воспитателя; понятно, что в них идет речь и о прочитанных книгах и о том, что следует прочесть.

Для философской литературы Герцен считал Наталью Александровну недостаточно подготовленной. Об этом он говорит в письме от 21 апреля 1867 г., но все же советует попробовать прочитать «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». «Разумеется, я во многом ошибался. Прочитай у Гёте в „Фаусте“, что Мефистофель говорит студенту о метафизике и collegium logicum».

Герцен имеет здесь в виду разговор между Мефистофелем и школяром в первой части «Фауста»:

Mein teurer Freund, ich rat Euch drum
Zuerst Collegium logicum.
Da wird der Geist Euch wohl dressiert,
In spanische Stiefeln eingeschnürt.

.....
Nachher, vor allen andern Sachen,
Müßt ihr Euch an die Metaphysik machen!
Da seht, daß Ihr tiefsinnig fast,
Was in des Menschen Hirn nicht paßt;
Für was drein geht und nicht drein geht,
Ein prächtig Wort zu Diensten steht **.

В письме от 17 января 1868 г. речь идет о книгах по истории, которые Герцен посылает дочери. В трудах историков Герцена особенно привлекали широкие философские обобщения и то художественное воспроизведение действительности, которое Герцен ценил у Тьерри, Карлейля, Мишле. В то же время история для Герцена проецируется на современность; она источник живых политических аналогий, иногда и прямой политической агитации. Еще в 1841 г., поместив в «Отечественных записках» свой перевод отрывка из книги Тьерри «Рассказы о временах меровингских», Герцен писал

* хотение (франц.).

** Дорогой друг, прежде всего советую вам пройти курс логики. При этом ваш разум как следует вымуштруют и зашнуруют в испанские сапоги <...> Затем вы должны прежде всего заняться метафизикой. Постарайтесь глубокомысленно познать все то, что не воспринимает человеческий мозг; для того что вмещается в него и для того, что не вмещается — к нашим услугам имеются великолепные слова (нем.).

во вступительной статье: «...Для него <Тьерри> изучение истории имело современный, живой, общественный интерес: он принался за древнюю Францию, чтоб уяснить себе тяжкие вопросы о новой Франции, в которой он жил и для которой жил» (изд. АН, т. II, стр. 8). Понятен острый интерес Герцена к книгам, посвященным истории революционных движений, государственных переворотов, переломных моментов в жизни народов. Герцен воспринимает их в неразрывной связи со всем увиденным и пережитым в 1848—1852 гг.

В письме от 17 января 1868 г. Герцен сообщает, что послал Наталье Александровне «Кромвеля», и советует внимательно прочитать. 8 января он писал Ольге Александровне: «Тате на днях пошло историю Кромвеля; советую ей прочесть до конца — в этой книге большое историческое поучение» (XX, 129). Из письма от 17 января явствует, что речь идет о книге, которую Герцен сам читает впервые, т. е. не о давно известных Герцену работах Карлейля, Гизо и проч., но, по-видимому, о книге, недавно появившейся. Скорее всего это изданная в 1868 г. (фактически могла выйти в конце 1867 г.) книга Andrews «Life of Oliver Cromwell» («Жизнь Оливера Кромвеля»).

«Что за величественные лица всех главных участников английской революции, — пишет Герцен в публикуемом письме, — что за сила и энергия, и восстановленный король <Карл II Стюарт, сын казненного Карла I> — шалопай и воришка, дрянь и папист, казнит их и бьет, как мух, хлопущих — и стада народа стоят и смотрят». «Стадо народа» — это одно из тех исполненных горечи суждений, которые вырвались у Герцена, когда он в прошлом или в настоящем сталкивался с политической инертностью масс, с неумением масс отстоять свои собственные интересы.

Вторая книга, которую Герцен собирается прислать дочери — «Les derniers montagnards» * принадлежала перу французского романиста и историка Жюль Кларти **. Появилась она в октябре 1867 г. 20—23 мая (1—3 прериаля) 1795 г. произошло восстание народных масс Парижа против контрреволюционного термидорианского Конвента. 4 прериаля восстание было подавлено военной силой. Последние депутаты-якобинцы — Ромм, Гужон, Субрани, Бурбот, отстаивавшие интересы народа, были приговорены к смерти. После приговора они покончили самоубийством: закололись кинжалом, который передавали друг другу. Двое из них не успели умереть от нанесенных себе ран; их гильотинировали. Кларти в своей книге рисует героические образы Ромма и его товарищей. В то же время он разоблачает неприглядную роль Буасси д'Англа, председательствовавшего в прерияльские дни в Конвенте, которого реакционно-буржуазная литература прославляла как спасителя «порядка». Понятно, что книга «Les derniers montagnards» вызвала сочувственный интерес Герцена.

Герцен посылает дочери не только книги по истории Французской революции, но портреты деятелей революции: Сен-Жюста (письмо от 23 марта 1868 г.), А. Шенье (письмо от 2 апреля 1868 г.).

В связи с восстанием 1—3 прериаля и процессом Ромма Герцен упоминает Мишле, очевидно имея в виду его «Историю французской революции», вышедшую в 1847—1853 гг. ***

В письме от 1 июня 1868 г. Герцен сообщает во Флоренцию: «Я послал вам Мишле „Louis XVI“ — превосходный том...». Книга «Людовик XVI», изданная в 1867 г., завершала обширный цикл работ Мишле, объединенных общим заглавием «История Франции» (1855—1867). Интерес Герцена к этому произведению также совершенно понятен. В «Людовике XVI» Мишле с антимонархических антицерковных позиций трактует и события Великой французской революции, и те предосудки старого режима, которые сделали революцию неизбежной. Не отказывая королю, как «частному

* «Последние монтаньяры» (франц.).

** С Кларти Герцен был связан личным знакомством. Содержательные воспоминания-некролог Кларти о Герцене были обнаружены Л. Р. Ланским в парижской газете «La Cloche», № 41 от 29 января 1870 г. под названием «Погребальный салют. Гражданин мира».

*** Тут же упоминаемое заглавие нового произведения Мишле «La montagne» («Гора») может дать повод к недоразумению. Речь идет здесь не о горе — якобинской партии. Вышедшая в 1868 г. «Гора» Мишле относится к циклу его книг, посвященных явлениям природы («Птица», «Насекомые», «Море»).

человеку», в сострадании, Мишле в то же время решительно обвиняет его в измене Франции, и в преступлениях против народа.

В произведениях Мишле Герцен ценил подчеркнутую политическую тенденцию, отнюдь не прячущуюся за академическим «беспристрастием». Мелкобуржуазный радикал, идеалист, противник якобинства, противник социализма, Мишле все же привлекал Герцена искренностью своих республиканских и антиклерикальных убеждений. С 1851 г. и до конца своей жизни Герцен поддерживал дружеское общение с Мишле, несмотря на серьезные разногласия, существовавшие между ними по многим принципиальным вопросам. В письме от 17 января Герцен отмечает: «Вероятно, он недоволен «Колоколом»; 3 февраля Герцен сообщает уже о своей полемической переписке с Мишле и о своем желании опубликовать ее в «Kolokol'e».

В письме к Герцену от 27 января 1868 г. Мишле откликнулся на герценовскую статью «Ответ на призыв польского республиканского центра к русским», помещенную в № 2 «Kolokol'a». Мишле полемизирует в этом письме с Герценом, отрицавшим реальность «республиканских стремлений» в буржуазной Европе конца шестидесятых годов

А был накануне 3 фев. в Париже
и писал мое письмо об нем А. Мишле
и французской прессе, и в Париже
и Нью-Йорке. Письмо мое Герцену
и Мишле.

ЗАПИСЬ ГЕРЦЕНА О ПАРИЖЕ, 1868 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

(см. публикацию Г. Моно «Jules Michelet et Alexandre Herzen d'après leur correspondance intime» («1851—1869») — «La Revue», 1907, № 68, p. 321). Герцен ответил Мишле 3 февраля, то есть в тот же день, когда было написано и публикуемое нами письмо (см. XX, 155—156). В конце он писал: «Уполномочьте меня напечатать в «Колоколе» отрывок из вашего письма вместе с этим ответом; напишите мне еще: быть может, нам удастся пролить немного света». См. также письмо Герцена к Мишле от 11 февраля (XX, 158—159).

Наряду с книгами об английской и французской революциях Герцен (в письмах от 20 апреля и 1 мая 1868 г.) рекомендует дочери книгу Дрепера «Развитие европейской цивилизации». «...Хорошее и здоровое чтение — он уютнее Бекля и местами жив», — пишет Герцен в письме от 1 мая 1868 г. Речь идет здесь об американском естествоиспытателе и историке (уроженце Англии) Джоне-Уильяме Дрепере и его книге «History of the intellectual development of Europe» («История умственного развития Европы», 2 тт., Лондон, 1864). Герцен неточно переводит заглавие явно потому, что книга Дрепера ассоциируется у него с трудом Бокля «История цивилизации в Англии», пользовавшимся в 1860-х годах самой широкой известностью. Дрепер «уютнее Бекля» — вероятно, в том смысле, что он доступнее, что он не ставит себе столь грандиозных целей. О монументальном труде Бокля Герцен неоднократно отзывался с уважением; но есть у него высказывания, позволяющие предполагать, что он все же сумел критически подойти к этому памятнику позитивистического мышления середины XIX в. Так например, еще в статье 1861 г. «Repetitio est mater studiorum» Герцен характеризует Англию (в противовес Франции) как страну, «где митинг покоен, свобода книгопечатания не вводит в грех, и Бокль так флегматически спокойно проповедует прогресс исподволь...» (XI, 229). Тем более критическим было отношение Герцена к Дреперу, несмотря на то, что он считал полезным для дочери знакомство с подобной литературой. В те самые

дни, когда он рекомендовал это чтение Наталье Александровне (27 апреля 1868 г.) Герцен писал о Дрепере Огареву: «План хорош и есть превосходные места, но широкой боклевской реки нет, и он иногда просто замирает по части религиозного консерватизма и американского лицемерия» (XX, 262). Дрепер уподоблял в своей книге историческое развитие народа биологическому развитию отдельного человека. В этой связи история народов подразделялась на особые «века»: век веры, век исследования, век разума. Дрепер, таким образом, отчасти следовал за Контом с его тремя стадиями развития человечества — теологической, исторической и позитивной. Для зрелого Герцена эти построения неприемлемы.

В публикуемых письмах встречаются и суждения о литературе, впрочем, немногочисленные. Интересны высказывания о Шиллере в письме от 21 апреля 1867 г. Герцен любил вспоминать свое юношеское восторженное увлечение Шиллером, поэтом «благородных порывов», как он назвал его в «Записках одного молодого человека». Уже на рубеже 40-х гг. Герцен преодолел романтизм «шиллеровского периода» своего развития, но до конца своей жизни Герцен считал творчество Шиллера драгоценным элементом гражданского и эстетического воспитания юношества. В образцах Шиллера молодой читатель не найдет подлинного *историзма* («...у него дон-Карлос — немецкий студент, Физаско — студент...»), но образы эти воспитывают пафосом свободолюбия и высокой гуманности. В письме от 21 апреля Герцен в этом смысле и называет Шиллера «великим пропагандистом». В связи с Шиллером — замечание о Шекспире, которого «трудней уличить, что его лица несогласны с историей». Герцен имеет в виду то обстоятельство, что прототипы таких героев Шекспира, как Гамлет, Макбет, Лир, Фортинбрас — в качестве лиц исторических почти неизвестны читателю, в отличие от ряда героев Шиллера, принадлежащих более поздним, разработанным историей эпохам.

Письмо от 27 января 1868 г. заканчивается фразой: «Романов Ж. Санд читать не могу — скучны». Как большая часть передовых русских людей его времени, Герцен был горячим почитателем Жорж Санд; начиная с 30-х годов, он внимательно следил за развитием ее творчества. Возможно, конечно, что в конце 60-х годов проблематика Жорж Санд и ее художественный метод уже устарели для Герцена, что он пересмотрел свое отношение к произведениям, некогда его восхищавшим. Но скорее всего дело не в этом, и отрицательная характеристика относится к позднейшим романам, тогда еще только появившимся («Господин Сильвестр», «Последняя любовь» и т. п.). Последний период творчества Жорж Санд отмечен отходом от волновавших романистку социально-утопических идей и от боевых политических настроений 40-х гг.

Из отзывов о русских писателях наибольший интерес представляют упоминания о Тургеневе и Толстом. «А „Дым“ прочти, — пишет Герцен 17 января 1868 г., — за ним остается копоть и чад». Крайне отрицательное отношение Герцена к роману Тургенева «Дым» связано с их давнишними спорами, в которых Герцен отстаивал «особый путь» развития русского народа и возможность социальной революции в России. В 1867 г. свое отрицательное отношение к «Дыму» Герцен выразил и в частных письмах к Тургеневу, и на страницах «Колокола»; особенно отчетливо в заметке «Отцы сделали дедами». Приведенная фраза из письма от 17 января вполне соответствует этим высказываниям. Очевидно, опасаясь, как бы дочь не сделала из его суждений о «Дыме» опротивительных выводов, Герцен пишет ей в следующем же письме (от 19 января): «„Дым“ мне действительно не нравится — но в русской литературе Тургенев все же не такой джониник, чтоб позволительно было не знать его сочинений».

В публикуемых письмах встречаются два отзыва о Толстом. «Я читал с Лизой „Детство“ Толстого. Что это за прелесть» (письмо от 3 февраля 1868 г.). И второй: «О романе Толстого надобно толковать много. Общая картина верна и интересна (вопреки Огарева-Мерчинского amendement), лица плоше, а есть места просто *глупые*, да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места» (письмо от 27 июня 1868 г.). Речь здесь идет несомненно о «Войне и мире» (в марте 1868 г. вышел в свет четвертый том первого отдельного издания «Войны и мира»).

1 августа 1868 г. Герцен писал Огареву: «Ты, кажется мне, просмотрел хорошую сторону Толстого романа...» (XXI, 33). Эта фраза, хотя и одобрительная,

показывает, что и Герцен, так горячо приветствовавший «Детство», недооценил «Войну и мир». Публикуемое нами письмо от 2 июня прибавляет к этому отзыву еще один, свидетельствующий о том же. В романе «есть места просто *глупые*, да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места», — ключ к этому замечанию, по-видимому, дают герценовские отзывы о Толстом после их личной встречи в Лондоне в 1861 г. 7 марта 1861 г. Герцен писал Тургеневу: «Толстой — короткий знакомый; мы уж и спорили; он упорен и говорит чушь, но простодушный и хороший человек <...> Только зачем он не думает, а всё, как под Севастополем, берет храбростью, нагиском...» (XI, 43—44). И в письме к Тургеневу от 12 марта 1861 г.: «Гр<аф> Толстой сильно завирается подчас; у него еще мозговарение не сделалось после того, как он покушал впечатлений» (XI, 46). «Глупые места» Толстого — это, очевидно, те его философские и политические суждения, которые были для Герцена совершенно неприемлемы в 1861 г. Аналогичным образом Герцен, скорее всего, определяет и неприемлемые для него философские и исторические размышления автора «Войны и мира».

Второе упоминание о «Войне и мире» в публикуемых письмах относится уже к 1869 г. 22 июня Герцен пишет Наталье Александровне: «Посылаю <...> V книжку Толстого <...>, в ней много уродств, но много необыкновенно знакомящего с тем временем, даже мой отец на сцене — но глупо и неверно...». Герцен имел здесь в виду упоминание Толстого о том, что Наполеон в Москве призывал к себе «ограбленного и оборванного капитана Яковлева» и отправил его в Петербург с письмом к Александру I («Былое и думы», ч. IV, глава XXV).

В письме от 18 декабря 1867 г. из Милана мы находим несколько замечаний об изобразительном искусстве. «... Я здесь видел превосходную гравюру той картины Фландрена, о которой говорил Уст<инов>. Действительно, замечательно хорошо, в джиготтовском вкусе <...> Он отошел назад несколько веков, чтоб быть настоящим христианином, и удалось. Это уж не Овербеку чета и всей компании Кранахов...».

Речь идет, очевидно, о гравюре с картины «Вход в Иерусалим» французского художника Ипполита Фландрена (1809—1864). Это предположение подтверждается письмом Герцена к Тургеневу, написанным из Милана через два дня после публикуемого нами (20 декабря): «Лучшая новая картина из тех, которые я видел, — *ложь*, гениальная ложь: Фландрин так подделался под Джиготто, что натянул действительно христианское вдохновение... Даже маленький осел возле большого... святой осел...» (XX, 117). Фландрена Герцен противопоставляет знаменитому Овербеку (1789—1869), немецкому художнику, пытавшемуся возродить религиозную живопись. В живописи Герцен восхищается классическими образцами итальянского, голландского, испанского искусства. Замечательное творчество художников Кранахов оставляет его равнодушным; вероятно, Герцену оно казалось совершенно архаичным, лишенным живописности и гармонии.

В письмах от 18 и 22 февраля 1867 г. отразилось герценовское восприятие Венеции. Они дополняют ранее напечатанные венецианские письма Герцена от 20 февраля к Мейзенбуг и к Огареву. «Венеция — величайшая и самая поэтическая нелепость в мире» (письмо к Огареву — XIX, 218). В письме к дочери от 22 февраля 1867 г. Герцен пишет: «Венецию вне Венеции понять нельзя, особенно прошедшую. Она должна была быть аристократической республикой — дворцы, и внизу, как слизняки, лгнущие к скалам, бедные, задавленные плебеи». Эти строки — интересный образец герценовского восприятия городов, восприятия единства их исторического содержания и архитектурной формы. Вспомним страницы, посвященные Риму в «Письмах из Франции и Италии». Герцен чтит величие древнего Рима, восторженно созерцает развалины Колизея, любит памятниками «человечественного» Возрождения. Но папский, католически-средневековый Рим ему враждебен; и архитектурные обломки этого Рима возбуждают в нем только гнетущее чувство. Так повимал Герцен единство содержания и формы.

В предлагаемых читателю письмах Герцена к дочери разнообразные вопросы политики, морали, искусства, быта освещены его революционной и демократической мыслью.

1

18 <февраля 1867 г.>. Понедельник.
Venezia. Albergo reale. Schiavoni

Вот я в двух шагах от святого Марка и грешного льва¹. Нет города, который бы так поражал, — наружный вид до того оригинален, изящен и великолепен, что бедная Флоренция *soulée* *.

Я проспал до Болоньи — в девять был уже в гондоле, в *Hôtel de l'Eugore* не нашел путной комнаты и отправился в *Alb(ergo) reale* **. Жаль, что туман и серый день. Что ж при солнце?

Иду на почту.

Я забыл мои золотые пуговицы от рубашки, Ольга видела, где они, — приберите и сыщите.

Всех обнимаю и целую.

Видеть Венецию необходимо так, как Неаполь, — человек не полон без этого. Не знаю, каково жить. Отели дороги и набиты.

¹ Поблизости от собора св. Марка в Венеции водружено гигантское скульптурное изображение крылатого льва — эмблема Венеции.

2

<Венеция.> 22 февр<аля 1867 г.>
Albergo reale. Пятница.

Всем

Нет карты, которая лучше бы, нагляднее передавала Венецию, как та, что на этом листе, — большие здания на маленьких пресс-папье, опущенных в воду¹.

Суббота.

На этом мне помешали русские соседи, которые очень хорошие люди, и один знает Тату и видел даже копию с Тициана в Риме. Сын поэта Жуковского². А между тем пришло и письмо с описанием бала. Изредка, несмотря на Гюго, не Виктора, а Шифа³, можно *mitmachen* ***. Здесь карнавал растет не по дням, а по часам, — толпы, маски, кричат, иногда дерутся, но всё вместе еще ничего, скорее глупо. Завтра и в среду — самые решительные дни — увидим завтра. Я не думаю, чтоб я остался до среды; вероятно, приеду во вторник вечером или в среду утром.

Каким образом попал Гарибальди во Флоренцию? И надолго ли? Уж не сюда ли едет? Саша**** мог бы явиться к нему и сказать, что я в Венеции, что стремлюсь его видеть — и не видать Онагра⁴. Я боюсь встречи с ним, то есть с Гарибальди, — по поводу польских сплетней. Господи... что за неисправимая нация... я здесь встретил удивительнейший. *Lasciate ogni speranza* *****⁵.

Ты спрашиваешь, продолжает ли Венеция нравиться, — я уже писал Мейзенбуг, что жить здесь безумно, но приехать, *ex(empli) gr(atia)*, осенью или в начале лета на месяц, даже на два, *если есть деньги*, — очень хорошо. Венеция захватывает своей странной красотой и необычайным богатством зданий, своей резкой оригинальностью. Венецию вне Венеции понять нельзя, особенно прошедшую. Она должна была быть аристократической республикой — дворцы, и внизу, как слизняки, льющие к скалам, бедные, задавленные плебеи. Размеры всего колоссальны, от Академии *delle belle arti* ***** свербит в глазах, так много.

* сошла на-нет (франц.).

** Королевскую гостиницу (итал.).

*** действовать совместно (нем.).

**** Если Мальвида желает, вы можете все съездить к Гарибальди. — *Примеч. Герцена.*

***** Оставьте всякую надежду (итал.).

***** изящных искусств (итал.).

Мелких неудобств миллион: 1-е, народ, искаженный австрийским гнетом и туристами, — подло обманывает на каждом шагу, 2-е, тупое правительство — как будто на смех себе — позволяет величайший сумбур в деньгах — ходят деньги серебряные австрийские, ассигнаций *тосканских* не принимают, променных денег и франковых бумажек почти нет или не у всех. Менялы, пользуясь, берут франк со ста — за маленькие ассигнации. Казна не берет ничего, кроме 5 ф. — Купцы немцо-жиды срывщики *sous cäre* * хохочут и говорят: «А вот во время Австрии деньги ходили просто».

При ВЫЕЗДЕ из Венеции по железной дороге осматривают все чемоданы и ящики — это всё против табаку, и пр., а *regia* ** здесь та же. Если б я был генерал Ауг⁷ я всё бы переменял это.

Не поплывет ли он с Гарибальди сюда — за этим я остался бы день лишний.

Был на вечере у книгопродавца Мюнстера (второе больше всех Лёшеров и Бренеров⁸ у вас) — всё немцы, немцы и для вариации немки. Если б не давали сандвичей — я бы очень скучал, к тому же был в фраке.

NB Известно ли вам, что здесь все картавят и пришепечивают, что, впрочем, очень мило.

От Огар(ева) два письма — всё заедает *libre arbitre****. А каков Пет(р) Вл(адимирович)? Сын его, делая химические опыты, обжегся, и сильно — он телеграфировал в III Отдел(ение) вопрос о его здоровье — и через несколько часов получил уведомление, что «ему лучше». Это прелесть. Как же они его боятся!⁹

Прощайте. Переведите Мальвиде письмо. Monod выговор за болезнь, *Levier*¹⁰ за то, что не починил его.

Лизе лучше.

С понедельника начиная ни писем, ни газет не посылайте (разве, может, по первой почте, то есть до 12 часов утра).

Ольге доношу следующее: *ровно в два* (часы на башне бьют два чугунных арапа) — голуби со всех сторон летят на Маркову площадь — закусывают и улетают на 24 часа — это очень оригинально. Посылаю ей вид берега *Schiavoni*¹¹ с нашим отелем. Она увидит, что крыса с крыльями здесь спать никому не мешает, потому что ее держат на столбу¹².

Прощайте.

Везде ли щенок Доманже¹³ гадит — и стала брать опять Ольга уроки у *Ras-pofky*¹⁴?

Письмо Кине о немцах¹⁵ — *chef-d'œuvre*, привезу с собой.

¹ *Карта* — т. е. вид Венеции с птичьего полета, напечатанный на почтовом листке.

² Павел Васильевич *Жуковский*. В тот же день Герцен писал Огареву: «Сын В. А. Жуковского и еще племянник А. П. Ермолова обедают со мною за одним столом, — мило» (XIX, 220).

³ Шутка Герцена, который имеет здесь в виду *Гуго Шифа*, брата известного физиолога, ассистентом которого был в это время А. А. Герцен.

⁴ По-видимому, *Онагро* (онагр — дикий осел). Герцен называет Франческо Онгаро (1808—1873) — итальянского писателя и деятеля национально-освободительного движения, сподвижника Гарибальди. В 1860-х годах Онгаро занимал во Флорентинском университете кафедру драматической литературы.

⁵ *Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate* — в «Божественной комедии» Данте надпись над входом в ад.

⁶ Правительство итальянского короля Виктора-Эмануила. После поражения Австрии в войне 1866 г. с Пруссией и Италией, Венеция была присоединена к Итальянскому королевству.

⁷ Ауг — Эрнест Гауг (Haug).

* исподтишка (франц.).

** откуп (итал.).

*** свобода воли (франц.).

⁸ С венецианским книгопродавцем Мюнстером Герцен вел деловые переговоры, предлагая ему свои издания. См. об этом письмо к Огареву от 20 февраля 1867 г. (XIX, 218). — *Лешер* и *Бреннер* — по-видимому, флорентинские книгопродавцы.

⁹ *Петр Влад(имирович)* — Долгоруков. Факт, приведенный Герценом, скорее всего свидетельствует о том, что у П. В. Долгорукова в высших бюрократических сферах имелись личные знакомые и приятели. О П. В. Долгорукове см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 126—132.

¹⁰ *Levier* — флорентинский врач.

¹¹ *Riva Schiavoni* — набережная в Венеции, идущая по берегу лагуны, от площади св. Марка по направлению к острову Лидо.

¹² Крылатый лев св. Марка (см. примеч. 1 к письму № 1) водружен на огромной колонне.

¹³ Французский эмигрант Жозеф Доманже в Лондоне был учителем А. А. Герцена. В 1867 г. Доманже давал уроки Ольге, которой он, по-видимому, подарил щенка.

¹⁴ Музыкант-педагог Г. Пачовка, о котором см. ниже.

¹⁵ Речь идет, очевидно, о вышедшей в 1867 г. брошюре Кине «La France et l'Allemagne». В письме от 15 марта 1867 г. Герцен советует Огареву непременно прочитать эту брошюру (см. XIX, 243).

3

21 апреля 1867. Женева

Письмо ко мне и потом ко мне и Огар(еву) получил. Ну, что же, Саша был у Гарибальди? Зачем он во Флоренции, уж эта Марья — славная воевательница¹, а его не бережет, он в парламенте только может fiasco сделать. Моя статья о Венеции вышла очень хороша — но боюсь печатать — она рассердит всех — Наполеона, Бердушка², Онагра и самого Осип Ив(ановича)³.

Насчет истории философии я тебе говорил — что серьезной книги ты не одолеешь — а поверхностное знание дает фальшивую уверенность и идет больше для внутренней головной прически — чем для дела. Есть у вас мой «Письма об изуч(ении) природы» и «Дилетантизм в науке»? — могу прислать. Попробуй. Разумеется, я во многом тогда ошибался. Перечитай у Гёте в «Фаусте», что Мефистофель говорит студенту о метафизике и *collegium logicum**. Ну что же ты хочешь делать с полковым штаб-лекарем Шиллером⁴ за то, что у него Дон-Карлос — немецкий студент, Физеско — студент, а студент Мор — разбойник. Шиллер был великий пропагандист и делал пропаганду из всего. Конечно, Шекспира трудней уличить, что его лица несогласны с историей,

ищи Гамлета,

ищи Макбета,

ищи Лира...

Где они?... Есть ли портрет хоть у Фортинбраса?⁵

А если ты хочешь читать исторические драмы Шиллера, то их две — и обе *chef-d'œuvre*': «Wilhelm Tell» и «Wallenstein»... Все три части. Принимайся за них сейчас — если прежде уж читала — то тем паче.

У нас тишина, ко мне почти не ходит никто. Сегодня иду к Долг(орук-ову) обедать первый раз. Огар(ев) с ним не в ладах, и он все-таки бесконечно скучен.

О Ницце я тебе писал подробно, к концу июня я буду наверное там, если ничего не случится, раньше второй половины мая ездить нечего — а может и совсем не придется. Я пространно писал тебе отсюда уж — получила ли?

К 1 мая я не съеду — Банку все равно.

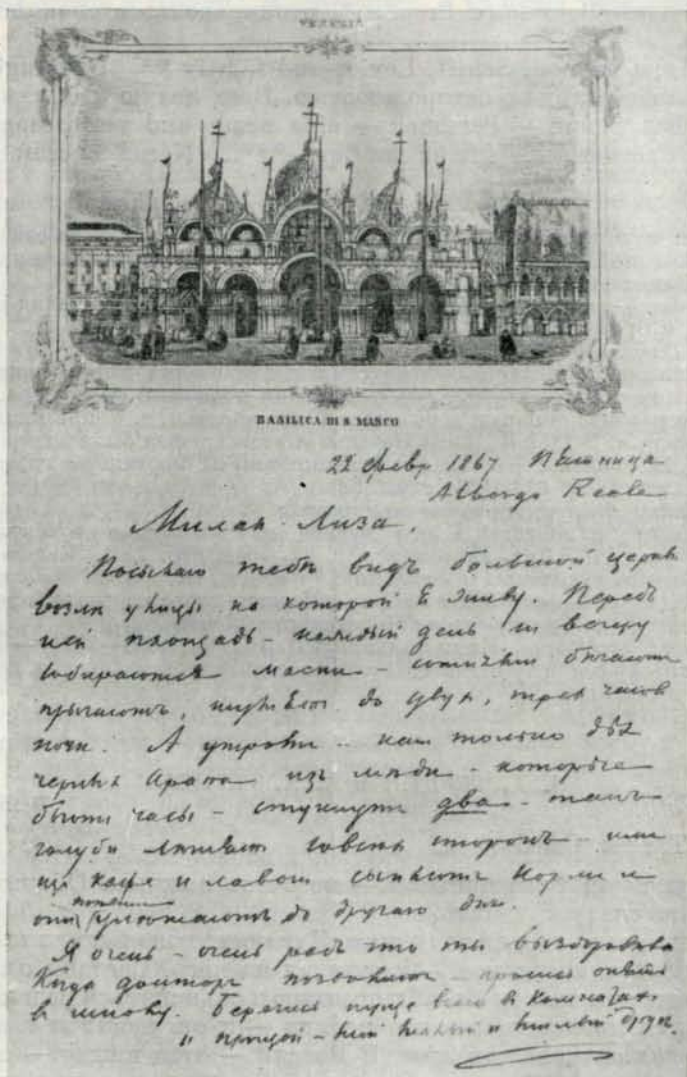
Теперь комиссии.

Я очень серьезно прошу сей час мне отвечать на следующее:

1. Саша пусть мне напишет рецепт мази с йодием против шишки — она опять сильно растет, и я боюсь, что соревнование с Монбланом сравняет ее с Луи Бланом⁶.

* курс: логики (лат.).

2. Чернецкий просит, чтоб Железнов ему отвечал как можно скорее, начать ли печать второй части Вазари (которую я привез) — у него нет работы ⁷.

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ДОЧЕРИ ЛИЗЕ ОТ 22 ФЕВРАЛЯ 1867 г. ПИСЬМО НАПИСАНО НА ПОЧТОВОЙ БУМАГЕ С ВИДОМ СОВОРА СВ. МАРКА

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

3. Тхоржевский просит Аделизью, или Гаэтану, или Коко, или Сандрилиона из Спекулы написать, в чем секрет от него, что Тата скрывает (несмотря на несколько вопросов), должна ли она какому башмачнику 18 фр(анков).

4. Не хотите ли что печатать у Чернец(кого) по-французски? Ех(еmр-li) gr(atia) «Физиологию»... Он берет без бумаги 57—59 фр(анков) с листа.

Об этом прошу отвечать тотчас.

У меня тож Zahn'ом меньше, вчера выдернул. Я рад, что и у вас уехал Zahn*. Меньше немцев. Лучший немец — Мальвида, и единственный. Их ненависть к славянскому и русскому доходит до комизма. Что-то будет после коллизий Франции с Preußen*, столкновение с славянским миром неминуемо.

Кланиямесь Monod, Schiff, Levier and family **, Domangé etc., etc.

Ольга, амазонствуй с осторожностью. Всех целую и обнимаю.

Здесь был роман — Personen — eine arme und verlassene Seele, ein Rußischer Priester, — élément tragique ***... Когда совсем узнаю, напишу.

¹ Герцен шутя называет *Марьей* жену участника итальянского освободительного движения Альберта Марио — английскую писательницу Уайт. Она была в близких отношениях с Гарибальди.

² *Бердушек* — знакомый М. Мейзенбуг. См. выше упоминания о нем в письмах Герцена к Огареву и А. А. Герцену.

³ *Осип Иванович* — Маццини.

⁴ Ф. Шиллер, обучавшийся на медицинском отделении вюртембергской военной академии, должен был отбывать службу в звании полкового фельдшера.

⁵ Герцен называл старшую дочь своим *Фортинбрасом*, т. е. преемником, наследником своего дела. В 1852 г., когда Наталья Александровна была еще ребенком, Герцен писал М. К. Рейхель, сравнивая себя с Гамлетом: «И Фортинбрас готов — это Тата» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 362).

⁶ Луи Блан был чрезвычайно мал ростом.

⁷ Речь идет о жившем в этот период во Флоренции русском художнике М. И. Железнове (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 742). Железнов переводил труд итальянского художника и писателя XVI в. Дж. Вазари «Жизнь знаменитейших художников, скульпторов и архитекторов». Издание этого перевода, начатое в Лейпциге, продолжено было в типографии Чернецкого в Женеве.

⁸ Вероятно, это Иоганн-Карл-Вильгельм Цан (Zahn, 1800—1871) — немецкий художник, архитектор и искусствовед. Изучая античное и итальянское искусство, Цан долго жил в Италии.

4

Н. А. ГЕРЦЕН и А. А. ГЕРЦЕНУ

9 мая 1867. Genf

Тата и Саша,

Я к вам с коротким письмом — но очень важным. Обдумайте на все стороны, что следует делать.

Недели две тому назад я получил от Лугинина довольно длинное письмо, очень дружеское, печальное — и отвечал на него. Сегодня он пишет мне вдруг, что он решился ехать в Флоренцию и объясниться решительно с тобой. Его отец приедет через два месяца — и он решился *возвратиться*, в случае, если ему нет надежды. В России — отец пишет — его все-таки сошлют, но он спасет именье. Оставаясь здесь, отец ему не дает ничего, кроме 320 000 (что за осел).

Я написал длинное письмо, — сказал, что ты едешь в Ниццу, — что не лучше ли ему писать, предлагал сам писать (хоть и сказал, что, по-моему, надежда плоха).

Итак, на всякий случай скажи мне всю мысль, все, что на сердце. — Подумай с Сашей — и отвечай в ту же минуту. Посоветуйся и с Мальвидой — ей было бы больно, если б ты ей не сказала.

Теперь я с своей стороны скажу в первый раз одно слово в пользу Лугинина — меня больше всего трогает постоянство его чувства к тебе и

* Пруссией (нем.).

** с семьей (англ.).

*** действующие лица — бедная и покинутая душа, русский священник, — трагический элемент (франц. и нем.).

глубокая грусть его писем. Это с одной стороны — с другой брак без взаимной любви — двойная нелепость.

И затем *liberté complète**.

Когда ты едешь в Ниццу? Я, вероятно, к 15 июня уеду отсюда.

5

⟨Женева.⟩ 7 июня 1867. Пятница

Милая Тата, твоим письмом я очень доволен и целую за него от души. Что ты права насчет Лизы — в этом нет сомнения. Но главное, что надобно, — это иметь влияние на Nat⟨alie⟩. Я тебе скажу с полнейшей откровенностью — фонд ** дурного в ее натуре идет из двух источников: ревность и необузданность. Она может любить людей — и из ревности делать над ними бог знает что. Если б я не видал явно, что главное чувство в ней — привязанность ко мне (в какой бы форме она ни выражалась) — многое было бы иначе. Если ты можешь настолько победить ее, чтоб иметь влияние на Лизу — это великое дело. Но я думаю, что вряд нужно ли теперь оставаться — может, лучше возвратиться зимой, если N⟨atalie⟩ действительно в том положении. Кстати — ты говоришь о *неловком* положении. Я думаю, что мы, толкуя много о новом воззрении, — такие же старые люди, как и те, которые не толкуют. Выше всех нас головою Огар⟨ев⟩ — и он всего дельнее говорит, что скрывать поздно и глупо. (Не афишировать и не скрывать). — Я хочу с тобою быть совершенно откровенным. Когда Ог⟨арев⟩ заметил у N⟨atalie⟩ сильную любовь ко мне — ему не пришлось еще сказать слова, как она ему все сказала — и *тогда же* сказала мне. Это был поступок чистый и смелый. Огар⟨ев⟩ был, как всегда, бесконечно благороден и, не имея больше с своей стороны особенной страсти, сказал, что он свободно передает мне N⟨atalie⟩ — и остается ее братом.

Все дурное вышло не из этого, а из сумасшедшего нрава и необузданности. Капризы отдалили Огар⟨ева⟩, капризы отдалили вас — страшнейшее бедствие в Париже¹ — все идет из одного источника. Но Лиза стояла тут — великой связью, — и я понимал мой долг к ней, не одну мягкую — но и жесткую сторону его.

Переезд из Буасьеры положил новую черту². Ог⟨арев⟩ переехал в Лансу, и вся наша жизнь, как бусы, у которых шнурок порван, рассыпалась. Если б кто-нибудь умел их собрать?.. Сумей ты.

Береги это письмо. Это моя исповедь.

К Лугин⟨ину⟩ теперь писать не стану, я жду еще ответ от него³. Пусть он едет в Россию, — кажется теперь он подойдет под амнистию... потом может приехать снова с своим вопросом. Думаешь ли ты, что ты тогда примешь его предложение? Ог⟨арев⟩ полагает, что он очень ревнив, — а почему, не знаю.

Прощай. Целую тебя как ближайшего друга. Отчего не ехать в Геную на зиму? Мне теперь от 1 июля до 1 декаб⟨ря⟩ свободно.

Знай, что ты имеешь право ехать, когда хочешь. Пора бы сделать свиданье с Ольгой и ей сказать обо всем.

Прощай.

Храни это письмо в тайне.

¹ В декабре 1864 г. в Париже умерли дети Герцена и Н. А. Огаревой, близнецы Алексей и Елена. На пребывании в Париже, где дети стали жертвой эпидемии дифтерита, настаивала Н. А. Огарева; она сама считала себя виновной в их гибели.

² В Château de la Boissière близ Женевы семья Герцена жила с 1865 г. до января 1866 г.

³ Письма Лугинина к Герцену и Герцена к Лугинину неизвестны.

* полная свобода (франц.).

** основа (от франц. «fond»).

18 декабря 1867 г. > Среда. Milano

Кто говорит о Милане, тот говорит о соборе, но я уже почтенной предстательнице Гессен-Касселя¹ на него жаловался — а тебе скажу, что я здесь видел превосходную гравюру той картины Фландрена, о которой говорил Уст<инов>². Действительно, замечательно хорошо, в джиготтовском вкусе. Если где-нибудь в лавке в Флоренции есть, постарайся посмотреть. Он отошел назад несколько веков, чтоб быть настоящим христианином, и удалось. Это уж не Овербеку чета и всей компании Кранахов с Луком³ и пр. — Иду сегодня взглянуть на музей и на Леонарда да Винчи вечером. Затем пойду в Scala — взглянуть «Ромео» Гуно и залу — затем баста. Ничего не хочется смотреть — город, à propos, шире, богаче и больше Флоренции — новая галерея, или пассаж, между собором и la Scala необыкновенно изящна и грандиозна. Вот чего требует наш век от зодчих. Au reste, такой галереи и в Париже нет.

Письмо Огар<ева>⁴, пересланное тобой, получил, и из Турина тоже, там все готово — а потому я в пятницу ночью или в субботу поутру туда поеду — и оттуда в Геную. Там пробуду дни три — а может и больше. Особенно важного туда не посылайте — а лучше прямо в Ниццу, — а там чтонибудь черкните — и именно чтоб моя безграмотница Ольга написала обо всех, сверх вас самих. Расчет немудрен.

Письмо это придет 19<-го> утром.

Если вы тотчас напишете, то я здесь или в Турине получу, — если же напишете в Геную *ferma in posta* через сутки — то я получу там.

Газет, о которых пишет Ог<арев>, еще не получал.

Мое письмо, вероятно, дошло.

Засим всем бенедикции*, а кому следует поклон.

Огарев пишет, что уже о «Кол<околе>» шумят.

Тата должна помнить, что ее рождение не 25 декабря, а *bien*** 6 января.

Р. S. Книгу Наке⁵ я прочитал — плохо, бедно и угловато. Зато смело. Я ее пришлю Саше — из Швейцарии. Саша, совершенно свободный в сфере науки и теологии, — далеко не так свободен в понятии о семье, да и о практической жизни вообще. Наке не сделает переворота — он даже в многом врет, но распатает и заставит подумать. Мысль, что семья, так же, как государство, — форма и притом необходимая для развития, — но что она должна быть перейдена, *donne à penser****.

Книга о работниках Бехера⁶ очень полезна — я и ее пришлю.

¹ М. Мейзенбург была уроженкой княжества Гессен-Кассель. — Своими впечатлениями от миланского собора Герцен поделился с Мейзенбург в письме, написанном в тот же день, 18 декабря 1867 г. (см. XX, 116).

² В марте 1864 г. Н. А. Герцен познакомилась в Риме с приехавшим из России семейством Устиновых-Володимировых. В письме к Огареву Наталья Александровна характеризовала Г. Г. Устинова как горячего почитателя Герцена и Огарева. Н. А. Герцен подружилась с сестрой жены Устинова, Е. Володимировой (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 453—455).

³ Каламбур: Герцен имеет в виду немецких художников XVI века — Лукаса (Луку) Кранаха Старшего и Лукаса (Луку) Кранаха Младшего.

⁴ По-видимому, письмо Огарева к Герцену от 13 декабря 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 478—480).

⁵ О книге Наке см. вступительную статью к настоящей публикации.

⁶ Речь идет о книге Э. Бехера «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению», впоследствии переведенной на русский язык под редакцией П. Н. Ткачева. См. примеч. 2 к письму № 54.

* благословения (от лат. «benediction»).

** точно (франц.).

*** заставляет думать (франц.).

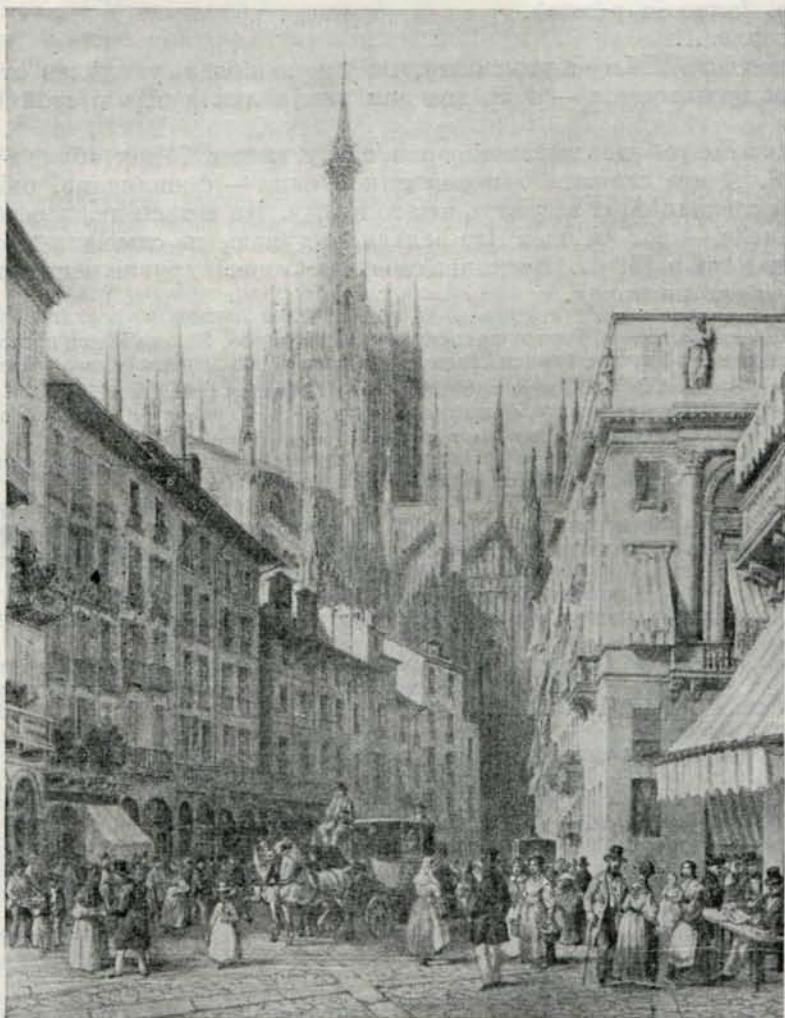
7

〈Турин. 21 декабря 1867 г.〉¹

Также и от Таты получил рапорт. Вот ей приписка.

Тата,

All right * — но несколько замечаний скажу. Вы очень рассеиваете ваши силы и средства — это раз. Другое — я никогда не выбрал бы для

МИЛАН

Литография Деруа, 1860-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

подарка серьги — пустые вещи поддерживают пустые вкусы — не лучше ли было бы купить или материи, или что-нибудь на плечи etc. Обедом я доволен (хотя только завтракаю) — но погода ужасная. Бегу в Геную. — О деньгах писал.

Получил длинное послание от Тургенева о «Колоколе». Он против — но очень любезен². Вам всем кланяется.

* все в порядке (англ.).

Напомни Домангаю, что он хотел писать возражение — это для нас очень полезно³. Огар(ев) пишет, что полемики ждут, то есть многие говорят, что «это вовсе несосно», как говорил Зонненберг⁴.

Получил от Тхоржев(ского) длинное послание и от Огар(ева) извещение⁵, что он будет писать и что ему некогда; получил и вторые газеты — а первые? Что ж, их сжег Муций Сцевола или извела на папильотки Аскефизия? — Или их бросил Саша, или их забыла ты?.. Прошу прислать Genova, fermo in p(osta).

Довольно...

В утешение Мейз(енбург) скажи, что у меня кашель усилился от дождя. Сегодня проясняется — а то два дня ливня лил дождь и стоял туман.

Если в Генуе будет так же скверно, поеду, может, 24 дек(абря) в Ниццу.

P. S. А что скажете о новой дикой силе — фенианизме, они после тюрьмы сделали опыт взорвать что-то в City. Не хотели люди революцию Гарибальди — вот им идет Яга-бальди (я думаю, ты слышала о бабе-Яге и о Гауг-Пара-baldi⁶)... Представь себе, как Савич и другие капиталы⁷ дрожат в своих конторах.

¹ 20 декабря 1867 г. Герцен находился еще в Милане, 22 декабря он приехал в Геную. По дороге, в Турине, Герцен 21 числа улаживал свои денежные дела в банкирском доме Fidel, Berné et C^{nie}. Об этом он пишет сыну 21 декабря (см. XX, 120—121). Комментируемое письмо написано после этого письма к А. А. Герцену («О деньгах писал...») и до прибытия в Геную, поэтому мы и датируем его 21 декабря.

² Здесь и далее речь идет о французском издании «Kolokol», которое Герцен принял после прекращения (в июле 1867 г.) русского «Колокола».

В письме от 12 декабря 1867 г. Тургенев благодарил Герцена за присылку первого номера «Kolokol» (датирован 1 января 1868 г., но фактически вышел в декабре) и в то же время полемизировал с помещенной там статьей Герцена «Prolegomena» (см. «Письма Р. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892, стр. 196).

³ Домангай — Доманже. «Возражение» Доманже, предназначавшееся Герценом для «Kolokol», по-видимому, не было написано; по крайней мере, в «Kolokol» его обнаружить не удалось.

⁴ Карл Иванович Зонненберг изображен Герценом в первой части «Былого и дум». «Это вовсе несосно» — выражение Зонненберга, когда он, выведенный из терпения насмешками и придирками И. А. Яковлева, на время покидал его дом («Былое и думы», гл. V).

⁵ Упоминаемые письма Огарева и Тхоржевского нам неизвестны.

⁶ Э. Гауг в своей речи, обращенной к Гарибальди, сказал, что популярность итальянского героя в Германии настолько велика, что дети зовут своих отца и мать «Пара-baldi» и «Мама-baldi» (см. XV, 71). На это и намекает здесь Герцен.

⁷ Иван Иванович Савич, изображенный Герценом в «Былом и думах» (глава «Апогей и перигей»), долгие годы жил в эмиграция в крайней нужде, впоследствии он разбогател на поставках угля. Слово «капиталы» Герцен употребляет в смысле «капиталисты».

8

23 декаб(ря) 1867 г.). Genova. Hôt(ел) Feder

Я с 1852 был много раз в Генуе и никак не попадал в тот отель, где был тогда — с Тесье и Сашей. Наконец-то добрался до него. Тот же коридор и старинные переходы, массивные лестницы — чуть ли даже не та же комната, в которой Медичи у меня на постели поймал скорпиона (прочти в «Был(ое) и думы», вероятно это в той же главе, где об Орсини), к тому же Записки Орсини так и воскресили давнопрошедшее. Ты с Ольгой были тогда в Париже у Мар(ьи) Каспар(овны). Кстати, Зап(иски) Орсини я завтра вам пошлю — читайте их с Ольгой, они очень интересны — жаль, что он увлекается тогдашней злобой на Мац(цзини)¹.

Воздух здесь мягче — видится, что нас балует морской, сыроватый воздух, и сыроватый на свой манер. В Милане и Турине — без огня нельзя было сидеть, здесь я еще не топил, и кашель, кажется, уменьшается.

Писем еще ни от кого здесь не получил, — может, поеду завтра или в Рождество². И море тихо, и дилижанс для Рождества пустой — еще не решил. А старые-то времена — из отеля посылаются паспорта во Францию в консульство. Без визы решительно не пропускают через французскую границу.

Avant de partir je vous informerai — et certainement à l'adresse de l'honorable Olga — représentante de m-selle Bakoffen*³.

Ну что же Мещерский⁴ пропал?

Если не будет контр-ордра, пишете в Ниццу 27 d<écemb>re.

Мне досадно, что я нагрузил себя туринскими бумажками, — это ужасно мешает двигаться, фланировать и пр. Надобно лучше прикладывать papier rayé<le>**.

Мальвиде поклон от меня и перевод от вас⁵.

¹ «Воспоминания» Орсини были написаны в Лондоне в 1856 г. В 1857 г. появилось на итальянском языке нелегальное их издание под заглавием «Политические мемуары». В том же 1857 г. они вышли в Эдинбурге в английском переводе с рукописи — «Memoirs and adventures of Felice Orsini, written by himself». В своих «Воспоминаниях» Орсини несколько раз повторяет, что был разочарован в Маццини, которого некогда он считал подлинным вождем итальянского освободительного движения. Орсини характеризует Маццини как кабинетного теоретика и особенно сурово осуждает его роль в неудавшемся миланском восстании, которое, по словам Орсини, привело к полному крушению авторитета Маццини (см. Феличе Орсини. Воспоминания. М. — Л., Академия, 1934).

² Герцен направлялся из Генуи в Ниццу, которая с 1860 г. принадлежала Франции.

³ Личность г-жи Бакофен нами не установлена. Возможно, что речь идет о вымышленном лице.

⁴ Александр Николаевич Мещерский.

⁵ Герцен просит перевести его письмо М. Мейзенбург, забывшей к этому времени русский язык, который она изучала в 1850-х годах.

Н. А. ГЕРЦЕН, ДРУГИМ ЧЛЕНАМ СЕМЬИ И М. МЕЙЗЕНБУРГ

25 décem<bre 1867>. Genova. Середа. Федорова гостиница

Во-первых, я все еще не решил, завтра ли еду или нет. Морем или сущью. Кашель уменьшился — но зато я à la Schiff*** совершенно потерял обоняние — так что не отличил бы Ess-Bouquet от Зонненберга. Во-вторых, Геную я рассмотрел в детали... Et voilà mon rapport que tu dois lire à Malvida. Gênes est sans doute une des plus belles villes de l'Italie, tout à côté, à Nervi, il y a des maisons et des cités magnifiques sur une colline en vue de la mer. La ville très tumultueuse n'offre rien que sa beauté... C'est une chose étonnante, tout ce qui est très beau en Italie est en même temps absurde. Ex<empli> gr<atia> Venise, le dôme de Milan, les rues de Gênes... on voit partout les traces d'un enfant de génie¹ — et nulle part les traces d'un officier du Génie. Le calembour vient de soi-même — comme aussi que les rues de Gênes — gènent², écrasent, on n'est plus habitué à vivre à la manière de punaises en circulant dans des fissures. Résultat. On peut admirablement passer ici de mai jusqu'en septembre, et on peut aussi s'en passer³. S'il y avait un besoin de quitter Nice je recommanderais sans hésitation Gênes. Il y a même des maisons à côté du jardin — qui sont de toute beauté (Piazza Corvetto etc).

Mais je pense qu'on pourra rester jusqu'au printemps à Nice — et ensuite chercher q<uel>q<ue> chose nella Srizzera.

* Прежде чем уехать, я вас извещу — и непременно на адрес почтенной Ольги — представительницы г-жи Бакофен³ (франц.).

** бумаги, подлежащие оплате (франц.).

*** на манер Шифа (франц.).

J'ai fait tort à Turin — je l'ai vu l'autre jour à travers un cathare,
une migraine,
un brouillard.

Cette fois la ville m'a paru très animée, et je regrette que je n'y sois pas resté 24 h<eures> de plus. (Figurez-vous que c'est en allant au chemin de fer pour partir que je me suis souvenu de Moleschott).

Milan, et au plus haut degré Florence, sont *affectés*... натянуты — се не'est pas simple, les ruines et les monuments, le bon et le mauvais — font d'éternelles décorations. Turin est tout de bon une ville — comme Brighton, comme Lyon, peu de *«memento mori»* et beaucoup de cafés. Il me semble que les habitants à Turin et à Milan — sont meilleurs que chez vous. A Gênes on court trop — on ne peut fixer les figures — embarquement, débarquement — *Partenza*... fourmillière navale*.

Вчера я послал Ольге Записки Орсини. Шляясь по улицам, я купил у букиниста Записки Тренка, которого Фридрих II полжизни продержал в тюрьме. Хвастун он страшный — а сравнение двух эпох, двух тюрем и двух личностей — забавно.

Заметьте, какая здесь превосходная бумага, я купил на 3 ф<ранка> 50 сант<имов> целую провизию.

Прощайте.

26 декабря

Иду как Фауст — без Вагнера — смотреть, как пирует народ — всю ночь решительно пели песни — и изредка молитвы. Погода удивительная (обыкновенно в Генуе я видал проливной дождь) — тепло и ясно, даже ночью. — А пока я писал, поднялась биза.

6 часов вечера

Omnibus**

В 7 я на пароходе, в 8 — пар, в 5 утра Ницца. С паспортами возня, как в Австрии сто лет тому назад.

Stabilim<ento> della concordia ***.

¹ Каламбур: «génie» — по-французски — гений и инженерное дело.

² Каламбур: «Gênes» — Генуя и «gènet» — теснят — по-французски звучит одинаково.

³ Каламбур: по-французски слово «passer» означает «провести», а «s'en passer» — «обойтись».

* И вот мой отчет, который ты должна прочесть Мальвиге. Генуя, бесспорно, — один из красивейших городов Италии; совсем рядом, в Нерви, есть великолепные дома и старые кварталы на холме, обращенном к морю. Сам город, очень шумный, ничем, кроме красоты, не отличается... Странное дело, но все что в Италии очень красиво, в то же время и бессмысленно. Ех<empli> gr<atia>, Венеция, Миланский собор, генуэзские улицы... повсюду чувствуется рука гениального ребенка... и нигде — рука инженера¹. Сам собой напрашивается каламбур, — так же, как хочется сказать, что генуэзские улицы теснят², давят, мы уже отвыкли жить, как клопы, ползая по шелям. Вывод. Можно превосходно провести здесь время с мая до сентября, но можно обойтись и без этого³. Если бы встретилась необходимость покинуть Ниццу, я не задумываясь рекомендовал бы Геную. Там, рядом с садом, есть дома даже просто прекрасные (Пиацца Корветто и др.).

Однако я думаю, что можно остаться в Ницце до весны, а затем поискать что-нибудь *nella Svizzera* <в Швейцарии (итал.)>.

Я обидел Турина. Я видел его наемднн сквозь простуду, мигрень, туман.

На этот раз город показался мне очень оживленным, и я жалею, что не остался там еще на 24 часа. (Представьте себе, что я вспоминал о Молюшоте только по пути на железную дорогу, уезжая обратно).

Милая, а еще в большей степени Флоренция, *напыщенны*, натянуты, — в них нет простоты; руины и памятники древности, хорошее и дурное — образуют вечные декорации. Турин просто город как Брайтон, как Лион, мало «*memento mori*» <«помни о смерти» (лат.)> и много кафе. Мне кажется, что жители Турина и Милана лучше, чем у вас. В Генуе слишком много бедотни — нельзя разглядеть лиц — посадка на суда, высадка — *partenza* <отплытие (итал.)>... морской муравейник (франц.).

** Всем (лат.).

*** Водворение согласия (итал.).

28 декаб^ря 1867 г.). Nice

Проспавши целую ночь на пароходе без малейшей качки, я прибыл в Ниццу. Светло, ярко и не холодно. Я возвращаюсь к прошлому письму¹ — что итальянские города — памятники, их надобно изучать, уважать, а жить в таких трактирах, как Ницца.

Подарки все вручил. Лиза хлопочет о репетиции для меня «Сандрильоны»². Всё по-старому. Monod кричит, Крафт стягивает лицо, Висконти³ — etc., etc. Рошроль etc.

Казино открыт под почетным президентством баварского короля⁴... Экой старый шут. Завтра возьму билет на месяц.

«Колок<ол>» франц<узский> идет, и Георг⁵ взял уже сверх обыкновенного числа 400 экз<емпляров>. Виск<онти> всё продал — да по дороге и русс<кий> за целый год.

Засим поздравляю с новым годом*.

Мальвида Филиппевна — матушка и милостивая государыня — поздравляю вас с Новым годом, который, вероятно, будет хуже всех предшествовавших.

Читаете ли вы о ужасе в Лондоне от фениан⁶ Войну ждут почти все. Игнатъев еще не назначен на место Горчакова⁷. Русских здесь mille e tre**.

Посылаю «Pensée Nouv<elle>», когда же у вас подпишутся?

После обеда

Все окна открыты, теплынь как летом, я снова надел летний пальто.

Всех обнимаю.

Нефтал⁸ почти совсем ослеп.

Je charge spécialement Olga de me faire un rapport sur la présentation du marbre Zabiela⁹ à Schiff. Effet, speechs...

Tu ajouteras mes félicitations.

Je salue tout spécialement la petite Schiff — elle a été indisposée, lorsque j'ai quitté Flor<ence>***.

У Огар'ева, опять невралгия надглазного нерва — спроси у Левье рецепта, нет ли какого; хинину он дуэт — но она не помогает.

¹ См. письмо № 9.

² «Сандрильона» («Золушка») — драма Н. А. Тучковой-Огаревой, специально написанная для семейного спектакля (см. Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминания. Л., 1929, стр. 370 и XX, 127).

³ О каком Крафте здесь идет речь, установить не удалось. — Висконти — книгопродавец в Ницце.

⁴ Король баварский — Людвиг I (1788—1868), который в 1848 г. вынужден был отречься от престола.

⁵ Георг — книгопродавец в Женеве.

⁶ См. предисловие к настоящей публикации.

⁷ Очевидно, распространились слухи, что во главе министерства иностранных дел вместо А. М. Горчакова будет поставлен Н. П. Игнатъев, занимавший в 1867 г. пост посланника в Турции; слухи эти не оправдались.

⁸ О В. Ф. Нефтеле (Нефтале) см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 399—400 и 745.

⁹ Пармен Петрович Забелло — скульптор; впоследствии создал надмогильный памятник Герцена.

* Следующий абзац написан более крупным почерком и предназначался для М. Мейзенбург. — Ред.

** Тысяча и три (итал.).

*** Особо поручаю Ольге представить мне донесение о том, как мрамор Забелло⁹ представлялся Шифу. Эффект, спичи... Ты поздравись и от моего имени. Особый привет маленькой Шиф — она была нездорова, когда я покинул Флоренцию (франц.).

Тате

<Ницца.> 17 янв<аря> 1868. Пятница

Вчера я послал тебе «Кромвеля». Советую прочесть с вниманием. Особенно последние главы. Все одно и то же. Людей ничем не научишь. Что за величественные лица всех главных участников англ<ийской> революции, что за сила и энергия, и восстановленный король — шалопай и воришка, дрянь и папист, казнит их и бьет, как мух, хлопнушкой — и стада народа стоят и смотрят. Человечество вырабатывает на мильон негодяев в сто лет одного порядочного человека... кто же уроды — он или стадо?

Только что я дочитал «Кромвеля», взял «Les derniers Montagnards» — par Jules Claretie*¹. Это возмущение 3<-го> прериаля и процесс Ромма и др<угих>; мы читали у Мишле вкратце — а это то же — да совершенно то же — я и ее пришлю. Мишле, говорят, в Кане с Ж. Санд. Вероятно, он недоволен «Колоколом». Он напечатал «La Montagne»**. Надобно выписать.

Ницца как полная чаша, такого сезона давно не было, да и погода блестящая. Все окна настежь... На променаде толпа — в блесках и шелках. Русских бездна. Суворова ходит в белой грузинской одежде, с башлыком на голове. Если б не так напоминала театр — то ничего, даже хорошо.

А на днях явится и Владимиров². Вот что значит молитвы Батанова³. У нее разболелась грудь, и Устинов спрашивал, каким путем ее везти во Флоренцию — и оттуда на юг. Я сказал Ницпей и советовал ехать в Пизу. Рекомендовал остановиться у Адельгайды⁴ — и ее предупредить от твоего имени. Помни, что Тхор<жевский> на нее жалуется — за царизм, консерватизм и полонофагию. Ты ее поостроже прими в передел. Это, мол, ничего, что коса длинная, — напротив, русская пословица говорит: «У бабы волос длинен — а ум короток». Пусть же она покажет, что у нее оба длиннее. Будто где-то на гулянье с ней поговорил Осударь... так и «очаровал» ее. Это zu lakeiisch***. Вот и всё.

В России новый журнал «Современное обозрение»⁵ — и старый на новый лад «Отеч<ественные> записки» — я подписался.

А «Дым» прочли? — За ним остается копать и чад.

¹ Об отношениях Жюль Кларти с Герценом см. в приложении к настоящей публикации. О книге «Кромвель» — см. во вступительной статье.

² О семье Володимировых-Устиновых см. примеч. 2 к письму № 6. Герцен с неодобрением относился к легкомысленному поведению Володимировой и опасался ее влияния на Н. А. Герцен.

³ О Батанове см. «Лит. наследство», т. 61, 1955, стр. 409—410.

⁴ Адельгейда Меассалер — бывшая горничная Л. И. Гааг; в 1851 г. вместе с Л. И. Гааг находилась на тонувшем пароходе. Впоследствии Адельгейда была содержательницей ресторана и гостиницы в Ницце.

⁵ «Современное обозрение» — ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1868 г. под редакцией Н. Тиблена. Вышло только шесть книжек. В «Современном обозрении» сотрудничали М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский.

<Ницца.> 19 <января> 1868 г.>. Воскресенье

Милая Тата,

«Дым» мне действительно не нравится — но в русской литературе Тургенев все же не такой дюжинник, чтоб позволительно было не знать его сочинений. «Кромвеля», вероятно, ты получила.

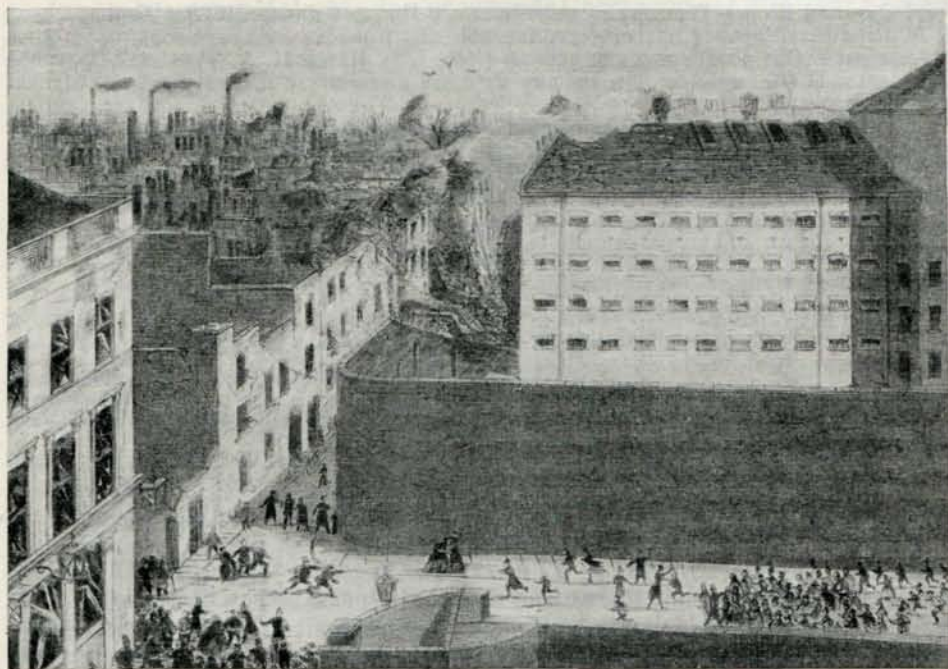
* «Последние монтаньяры» Жюль Кларти (франц.).

** «Гору» (франц.).

*** слишком по-лакейски (нем.).

Сегодня я пошлю вам «Liberté», там для Мальвиды — письмо Persigny¹, для Саши — о Тесье, а для тебя — букет, от которого я с утра прыгаю. Это распоряжение Бернского совета о высылке всех поляков, которые не представляют 1500 обеспеченья или не хотят натурализироваться и за 800 фр<анков>. — Я подлее мало видал дел. Читая это, я почувствовал, что еще не совсем состарился... Я выписываю текст — ну уж я заплачу «кобюргерам» * моим. Мошенники.

Завтра должна приехать «Владимировка»², как ее называет Тхорж<евский>.

ВЗРЫВ ТЮРЬМЫ В ЛОНДОНЕ. ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ФЕНИЯМИ 13 ДЕКАБРЯ 1867 г.

«Illustrierte Zeitung», от 4 января 1868 г.

Ольгу целую — она никогда не выйдет из простуд, если будет греться своей печью и не выходить или мало. О сем прошу Мальvidу.

Дело маленькой Жирар все разыгрывается больше и больше — она умоляет ее спасти, хочет бежать и бог знает что. Мать грозит ее запереть. Власть над шпеш<ами> ** страшная, а ей только 18 лет. Я должен был остановить и человеческое чувство и Нат<али>. Хоть бы мать ее отпустила куда-нибудь ехать, ex<empli> gr<atia> в Швейцарию, — она, то есть дочь, готова на всё — и все это кончится тем, что она un beau matin *** бросится в море. Вот изверги-то!³

Леони учится — она с этой Сандрильоной хороша.

Отец страдает и не смеет защитить, а маленький брат по части шпионства — доносит матери. Меня это занимает, как рассечение собаки Шифом. До чего человек зол и мерзок.

* «согражданам» (от нем. «Bürger»).

** несовершеннолетними (франц.).

*** в одно прекрасное утро (франц.).

Скажи Саше, что Тургенев получил от меня его вторую лекцию — в восторге от нее, он всем доволен, ясностью, свежестью и пр. ⁴ Он ему и всем вам кланяется.

Прощайте.

Сейчас получил письмо от Огар<ева>. Смерть Касатк<ина> ⁵ его перевернула, и он имел обморок на улице. Жена Кас<аткина> в отчаянии. Он вечером здоровый ходил в город — лег спать и не проснулся.

¹ Герцог Жан-Жильбер-Виктор Персиньи (1808—1872) — бывший министр внутренних дел Второй империи, ревностный сторонник режима Наполеона III.

² Володимирова.

³ С семьей Жирар Герцены познакомились в Ницце 1 января 1868 г. Герцен писал Н. А. Герцен: «Жирар <...> совершенная злодейка; она хочет замучить вторую дочь до монастыря. Она делает над ней ужасы» (XX, 128). Пьеса Н. А. Тучковой-Огаревой «Сандрильона» (см. примеч. 1 к письму 9) была написана с целью «тронуть сердце» матери «маленькой Жирар».

⁴ 15 октября 1867 г. Герцен сообщает Тхоржевскому: «Саша издает целую книжку о физиологии мозга на французском языке». Очевидно, об этой именно брошюре Тургенев писал Герцену 25 декабря: «... Спасибо <...> за брошюру твоего сына, которую я прочел с великим удовольствием: ясно, дельно, интересно» («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену», Женева, 1892, стр. 197).

⁵ В. И. Касаткин скоропостижно умер в Женеве, в ночь с 27 на 28 декабря 1867 г.

13

ДЕТЯМ и М. МЕЙЗЕНБУГ

21 янв<аря 1868 г.>. Понедельник

Никогда переписка у нас не шла так быстро — одно дело за другим — теперь требую от вас совет и очень серьезный.

Malvida et Tata,
Alexandre et Olga,
avisez.

Lorsque Tchor<zevski> m'a écrit que m-selle Wolodimiroff est très malade et qu'elle veut aller au sud de l'Italie passant par Florence — pour prendre le conseil de Schiff et voir Tata — j'ai écrit à Tchor<zevski> — que comme M. Oustinoff ne va que jusqu'à Florence — elle peut passer un jour ou deux chez vous.

Voilà ce que ces braves Russes ont fait:

1° Elle est ici et bien portante.

2° Elle ne veut aller nulle part qu'à Florence — et attendre chez vous sa sœur — qui viendra quand? *Dio lo sa*.

3° Elle est tout à fait rétrograde, au dire d'Oustinoff.

J'ai été ébahi de cette manière d'agir — tellement je me suis déshabitué de manières russes.

Il faut donc chercher conseil. Je tâcherai de l'arrêter ici jusqu'à la réponse (pourtant elle veut partir jeudi) — n'avez vous pas chez l'Anglaise en bas une pension? Ou que Tata lui écrive ce qu'il y a à faire.

Moi je m'en lave les mains. Donner un lit pour une malade pour un ou deux jours, ou garder une demoiselle gâtée — indéfiniment est une différence de tout en tout.

Prenez donc vos mesures et répondez.

Cette lettre restera chez m-selle Meysenbug — car Tata jette tout dans la chambre — et chacun peut lire*.

Действительно я взбешен был этой нецеремонностью — ну да придумайте же, что делать. |

Прощайте.

* Мальвида и Тата, Александр и Ольга, решайте.

Когда Тхор<жевский> мне написал, что m-selle Володимирова очень больна и хо-

14

<Ницца. 22 января 1868 г.>

Милая Тата,

Твое письмо от 17-го получил сегодня, 22<-го> — т. е. на пятый день, или у вас лежат они долго — или это странно. Ветер такой. Ты знаешь, что я с мнением Мальвиды и Саши согласен.

Ты видишь, что не я один о Флоренции так думаю. Я и в том согласен, что немецкое движение интереснее и живее. Но что же можно думать о поездке — разве летом. Я полагаю, что летом буду в Швейц<арии> (и N<atalie>) — увидим тогда.

Je prie beaucoup Malwida de s'occuper de l'arrangement ultérieur à prendre pour m-selle Volodimiroff — c'est dommage, mais évidemment impossible de rester chez vous. Sur quoi nous sommes d'accord avec M. Oustinoff *.

15

<Ницца.> 27 янв<аря> 1868 г.>. Понедельник
Тата

Вот что здесь было. Дни четыре тому назад, в десять часов вечера приехала m-me Gar<ibaldi>, заплаканная, с Нини¹, — сказала, что с ее отцом что-то случилось на охоте в S. Remo, и поскакала с мужем туда — Нини осталась у нас. Гар<ибальди> воротился через два дня. Старик 60 лет, в минуту меланхолии, — застрелился. Дочь очень огорчена. Нини — мила, смеется. Лиза всё слышала — и не проговорила ни одним словом (это фамильная черта вас всех — и очень хорошая).

О Влад<имировой> писать больше не хочу, отделайтесь от нее. Я ею совершенно недоволен. Спроси подроб<ности> у Саши и письмо Тхор<жевского>. — Требую твердости.

Я писал к Ольге, что фортепьяны ваши общие — я их купил по совету Мейз<енбуг> и для Ольги — но не то, чтоб так в частную ее собственность.

О Германии я только потому не писал ответ, что твое письмо пришло поздно, — и я всегда отвечаю после вопроса — а не прежде. О Волод<имировой> я писал. Выдумай план, комбинацию — что-нибудь, а то как же «так взять да и ехать» в Каценеленбоген или в Кревинкель.

Я N<atalie> предлагаю все же весной (то есть в мае) ехать в Альзас, хоть посмотреть школы. Разве тогда что-нибудь придумаем.

чет ехать на юг Италии через Флоренцию — чтобы посоветоваться с Шифом и повидать Тату — я написал Тхор<жевскому>, — так как г. Устинов дальше Флоренции не поедет — что она может провести у вас день-другой.

А вот как поступили эти милые русские:

1. Она здесь, и здорова.
2. Она никуда, кроме Флоренции, ехать не желает и хочет дожидаться у вас своей сестры, которая приедет, а когда? Dio lo sa. <Одному богу известно (итал.)>.
3. Она, по словам Устинова, страшная ретроградка.

Я был потрясен подобным образом действий — я до такой степени отвык от русских поवादок.

Итак, надо поразмыслить. Я попытаюсь задержать ее здесь до получения ответа (хотя она хочет уехать в четверг). Нет ли у вас, внизу, у англичанки, пансионата? Или пусть Тата ей напишет, как нужно поступить.

А я умываю руки. Предоставить на один-два дня постель больной, или пустить к себе на неопределенное время избалованную барышню — это совершенно разные вещи.

Итак, примите меры и отвечайте.

Пусть это письмо останется у m-selle Мейзенбуг, ибо Тата все разбрасывает по комнате — и каждый может прочесть (франц.).

* Я очень прошу Мальvidу заняться дальнейшим устройством г-жи Володими<ровой>. Жаль, но очевидно, что оставаться у вас невозможно. В чем мы одного мнения с г-ном Устиновым (франц.).

Сегодня пишу мало. Лучшее, что можешь сделать с Влад<имировой> — возьми выкройку с башлыка и сделай себе.

Что она скажет о голосе Ольги?

Прощай. До следующего письма. Напиши что-нибудь Лизе, она все ждет. Я нахожу, что она себя ведет лучше. У детей бывают полосы — не объясненные физиологиею.

Романов Ж. Санд читать не могу — скучны.

¹ *Мадам Гарибальди* — жена двоюродного брата Джузеппе Гарибальди. — *Нини* — ее дочь.

16

A Tata

3 févr<ier> 1868. Nice

Не знаю, что за полоса — но всякое письмо начинается у нас дурной вестью. Третьего дня ночью умер отец Мари Донади¹ от аневризма — à la Kassakine, он был болен, ему стало лучше, — и вдруг умер — 43 лет.

Ты так неясно пишешь, что я до сих пор не понял, где татарка², у вас — или на квартире. Напиши. Если у вас, я отпишу об этом Устинову.

Страшная история с девочкой Жирар — продолжается, но что ж она будет делать у Вол<оdimировой>? Разве только для начала.

Gromort³ пишет мне, что подрядился издать несколько частей переводов с русского для Biblioth<èque> de Chemin de fer. — Я предложил отрывки из «Былого и думы» (сашин перевод) — там будут «Прерв<анные>» рассказы и «Кто виноват?».

Ольгу целую. Я читал с Лизой «Детство» Толстого. Что это за прелесть... А пророс, Лиза на мои глаза много лучше себя ведет, и мне кажется, что ты не попала в такт — когда была здесь.

Затем прощайте. — Я весь распростужен.

J'ai écrit une longue réponse à Michelet⁴. S'il m'autorise de l'imprimer — cela sera une bonne fortune. Je me rouille sans polémique. Il n'y a rien de plus ennuyeux que le monologue. Figurez-vous que dans ce petit trou de Nice et de Cannes on vend le *Kolok* admirablement*.

¹ По-видимому, речь идет о Дональди — виноторговце в Ницце.

² «Татаркой» Герцен называет здесь Володимирову.

³ *Громор* — парижский издатель произведений русских писателей на французском языке. Письмо его к Герцену неизвестно.

⁴ Об отношениях Герцена с Ж. Мишле и об упоминаемом здесь «ответе» см. во вступительной статье к настоящей публикации.

17

<Ницца.> 15 <февраля 1868 г.>. Суббота¹

Любезная Тата, милая Ольга и Dr Herzen.

Переписка с вами очень затрудняется отсутствием от вас писем — или получением записочек вроде огаревских, в которых вы извещаете о том, что писать некогда.

Неужели это следствие приезда Володимировой?

А потому до писем прощайте.

Здесь умерла русская девочка 9 лет от крупа, — и ей делали операцию, да возле умер англичанин 20 лет с чем-то, тоже от крупа. N<atalie> испугалась, и есть чем.

* Я написал длинный ответ Мишле. Если он разрешит мне его напечатать — это будет большой удачей. Я ржавею без полемики. Нет ничего скучнее, чем монолог. Вообразите, что в этой крошечной дыре — Ницце и Канне — прекрасно продается «Колокол» (франц.). — Далее следует одно неразобранное слово с росчерком. — *Ред.*

В России голод страшный.

А прогроз, пишут, что я скоро увижу Кельсиева². — «Che cosa che?»*, как говорил Франсуа.

Как идет «Кромвель»?

NB. Письма во Францию 40 сен<тимов>, а не 30 — как Тата поставила.

¹ По содержанию письма оно примыкает к письму от 18 февраля 1868 г. В обоих письмах идет речь о «записочках» дочерей, о начавшейся эпидемии крупа. В 1868 г. суббота приходилась на 15 число в феврале.

² В 1867 г. В. И. Кельсиев добровольно отдался русским властям. Здесь, по-видимому, намек на слухи о будто бы предстоящем возвращении Герцена в Россию.

18

<Ницца.> 18 февр<аля 1868 г.>. Вторник

Твоя последняя записочка ко мне была от 5 февр<аля>**. Я с тех пор писал, а ты спрашиваешь в письме Лизе, почему я не отвечаю. К тому же и вопроса не было.

Далее — не могу сказать, чтоб я был особенно доволен твоей излишней близостью с Волод<имировой>, она пустая и дрянная — ты хотела быть серьезной. К тому же у вас явился ей под пару дряннейший Утин¹ — он хуже своего брата, один из затаенных врагов наших. Он здесь ни разу не был у меня — и зашел накануне отъезда. Я прошу быть очень осторожным с ним и при нем. — Неужели Мещерс<кий> не раскусил его? Что же при всем этом делает d<octo>r Herzen? (он с месяц ко мне не писал). Отдай ему приложенный отрывок из «Liberté». Мне кажется, что Шиф год тому назад делал подобные опыты — не мешало бы это написать в «Liberté» — а, может, для этого надобно прочесть весь отчет Клод Бернара². Кланяйся, кстати, Шифам. 1 марта в «Кол<околе>» будет от меня булавка в «Temps» — под заглавием «L'imbroglia»³.

Отправлены ли деньги за фортепьяно (т. е. первая половина) — если нет, то когда нужно посылать вторую, — что делать? В мае можно послать и всё с вычетом у вас. — Тебе я что-нибудь пришлю к празднику.

Начинаю подумывать о Женеве. Может, летом и N<atalie> поедет.

А что же Ольга тоже не пишет?

Мейзенбург прошу быть здоровой.

У нас здесь все идет тихо и покойно. Дети ходят учиться. Нини очень мила. M-me Garibaldi боится думать об нашем отъезде, он опять в Париже. Круп, бродящий здесь, — навел тучу.

Если Саша обдосужится, я его прошу написать мне подробный рапорт о вашем житье-бытье.

¹ Речь идет об Евгении Утине.

² Клод Бернар (1813—1878) — выдающийся французский физиолог, один из основоположников экспериментальной медицины.

³ Статья «L'imbroglia» («Путаница») появилась в пятом номере «Kolokol» от 1 марта 1868 г. В ней Герцен резко полемизирует с высказываниями о России французских буржуазных журналистов.

19

23 <февраля 1868 г.>. Воскресенье
Genève. 7, Boulevard Plein Palais

Вот вам мой первый рапорт об Огар<еве> — пишу почти слово в слово что написал сейчас в Ниццу.

На первый случай беда, кажется, миновала. Огар<ев> свернул себе ногу и сломал кость, наз<ываемую> tibia, — он должен пролежать два месяца неподвижно и потом три лежать просто — тогда следов будет мало.

* что это значит? (итал.).

** Разве одно письмо пропало? — Примеч. Герцена.

Мойор¹ боится] одного — припадка в первый период. Но для этого принята диета — вот главное. Levier не нужно.

Теперь о самом происшествии. С привычками Огар(ева) и его упрямством предупредить дело было невозможно. Он постоянно бродил по вечерам один — 19 числа он был у Чернецк(ого) и в 1/4 11(-го) пошел домой. — Чернецкий умолял его остаться, хотел идти с ним — нет — он отказал, — вероятно, по обыкновению, он завернул в свой кабачок — и по дороге домой, возле сумасшедшего дома, упал в обморок. Вставши, он пошел целиком, забрел куда-то, запнулся и упал — хотел встать — и не мог от боли. Он думает, что тут с ним был второй припадок. Это было в 12 ночи — и он пролежал женевскую февральскую ночь — всю до 7 часов утра. Раз издали шел человек — тот подумал, что это сумасшедший, бежавший из больницы, — и ушел. Наконец, два итальянца, с которыми Ог(арев) выпивает в кафе, заметили что-то на поле и тотчас привели карету, бросились за Мойором. Когда они подошли к нему, он спокойно курил трубку, говоря, что не может встать. Мало этого, он рукой разорвал по эластку ботинку и снял с больной ноги.

Нравственно он совершенно покоен — и если б не боль, — он опять бы сидел в своем кабачке.

Тхоржевский во всем этом — выше всяких похвал, бегал по несколько раз в Lancy, распоряжался и пр. Он спросил Мойора — телеграфировать ли, и Мойор советовал; здесь всё мне приготовил — и при этом, как всегда, — «в высочайшей степени» ворчит...

Ну, что у вас, пишите — я пробуду здесь дней десять.

«Колок(ол)» и всё в конфузии, бездна ошибок. — Если еще нужно вам для подарков, напишите.

Ольгу целую — прощайте.

Chère Malwida, faites-vous traduire cette horrible histoire, je suis fatigué — et c'est déjà mon second rapport. C'est le 20 qu'on m'a télégraphié — et le 22 à 4 j'étais déjà à Genève.

Addio

Avez-vous reçu le 1/2 Kroupoff?*

Какие меры взять, чтоб не было рецидивы через 5 месяцев — не могу понять. Что ни предлагай, — он согласится и не исполнит.

¹ Мойором и Майором Герцен называл Майера — женевского хирурга, лечившего Огарева.

<Женева.> 26 февраля <1868 г.>. Середа

Излечение Огар(ева) быстро идет вперед. Майор только дивится его гигантским силам и его способности выносить. Он говорит, что срок, когда ему можно снять бинты, будет скорее и что месяца через три он будет становиться на ногу. Хромизны будет мало — но останется roideur**.

Телеграмму вашу я отдал Огар(еву), разумеется он был ею очень тронут — до слез. Но действительно теперь ездить незачем. Вот разве летом — другое дело; мы с Тхорж(евским) думаем Огар(ева) перевести в Паки и там найти дом — месяца на три, для того, чтоб и Саша, и ты могли приехать, и N(atalie) с Лизой (вместе или врозь — как вы хотите) — насчет Ольги не знаю — она могла бы, может, в это время занять нашу квартиру в Ницце. Сделайте об этом совет, — напишите мне проект — а я его здесь разберу в общем собрании.

* Дорогая Мальвида, пусть вам переведут эту ужасную историю, я устал — и это уже второе мое сообщение. 20-го мне телеграфировали — и 22-го в 4 часа я был уже в Женеве. Прощайте. Получили ли вы 1/2 Круппова? (франц. и итал.).

** отсутствие гибкости (франц.).

«Aphorismata

по поводу психиатрической теории д(окто)ра медицины и хирургии

С. И. Крупова» —

Сочинение

Тита Левиафанского, прозектора и анатомии адъюнкт-профессора.

Поступает в печать — сначала по-русски, потом по-французски¹.
Спроси Шифа — приятно ли ему будет, если Тит Левиафанский напишет:

Dédié au professeur

Maurice Schiff*.

МИЛАН. ТЕАТР ЛА СКАЛА

Гравюра Г. Фалькейзена с рисунка А. Сидоли, 1850-е гг.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Успех полный — здесь все, которым я читал, — от Огар(ева) и Бакунина — в восторге. Вот я вам сдержал слово.

Непременно спроси Железнова, печатать ли тетрадь, которую он мне дал привезти, — и сообщи ему, что я нашел «в кассе „Колокола“», как говорит Тхорж(евский), 71 франк за продажу Вазари.

От Таландье письмо — всем вам кланяется — с любовью.

С тех пор как я здесь, солнца я не видал. Хорошо еще, что не очень холодно и бизы нет. — Я встретил одного швейцарца, который был в Петерб(урге) — во время 40 и 42° морозу по Реомюру — c'était du propre**.

Теперь лично тебе, Тата, я скажу, что я не отвечал на projet Volkmar***, потому что принял его за château en Espagne au bord de la Spree****².

* Посвящается профессору Морицу Шифу (франц.).

** хорошего было мало (франц.).

*** проект Фолькмар (франц.).

**** воздушный замок на берегу Шпрее² (франц.).

Какой же смысл, кроме желания двигаться? Какая специальность у тебя, которой особенно соответствует Берлин? Если ты хочешь заниматься чем бы то ни было — то еще и во Флоренц<ии> и в вашем круге (исключая владимирских утят³) найдется дело. Мало ли какие поездки хороши. Ex<emp-
li> gr<atia> в Париж и Нью-Йорк. That is my humble opinion*.

А propos, в твоих английских письмах ты слишком много употребляешь избитых выражений (то, что я Саше упрекал в произношении). Это сильно безобразит слог — надобно быть genuine** и говорить своими словами, а не чужими. Вот тебе и ораторское наставление.

Милая Ольга,

Никогда ни Plein, ни Palais, ни № 7, ни Женева, ни Тхоржевский твоего письма не получали⁴ — как ты послала? — кто носил на почту? — Асклепизиса или Кантатриса дела*** Кухня?

Напиши еще раз Лизе — она всегда в восторге от писем.

Об Ага ты всё знаешь.

Прощай.

A propos, Domangé — le plus fécondement stérile**** из смертных — не хочет дать статью так, как не хотел возражать Шифу. Но пусть не ссылается на Мишле — я не хочу печатать эту полемику⁵. Итак, требую его статьи.

¹ «Aphorismata» напечатана была в VIII книжке «Полярной звезды» и по-французски в шестом номере «Kolokol» от 1 апреля 1868 г. («Variation psychiatrique sur le thème du docteur Kroupoff. Traduit du russe. Lettre du prosecteur T. Leviathanski au rédacteur du Kolokol»). В «Полярной звезде» Герцен сопровождал «Aphorismata» примечанием, в котором вспоминает о том, как он в 1867 г. прочитал французский перевод «Крупнова» в кругу друзей, собиравшихся во Флоренции у Шифа. «Перечитывая его, мне пришли в голову, рефлексии и контрверзии» прозектора Левиафанского, и я их написал собственно для Шифа» (XXI, 224).

² Spree — река, на которой стоит Берлин.

³ Речь идет о братьях Утиных, встречавшихся с Володимировой.

⁴ Адрес Тхоржевского в Женеве — 7, boulevard Plein-Palais. Там же останавливался Герцен.

⁵ 25 января 1867 г. Герцен писал Огареву: «Вчера у Шифа был rendez-vous для спора о libre arbitre <свободы воли> с Доманже» (XIX, 195). Очевидно, об этой полемике, в которой Герцен был на стороне Шифа, идет речь в комментируемом письме.

21

<Женева.> 23 марта <1868 г.>. Понедельник

Милая Тата,

Получил от Саши сегодня нотификацию***** , что он 25 или 26<-го> едет, — и какую-то экспликацию***** насчет худого устройства почт вообще и в отношении к Levier в особенности. Если он еще в Флор<енции>, то скажи ему, что письма, которые посылают, — иногда, и то очень редко (1 на 10 000), пропадают, — а те письма, которые не пишутся, — никогда не доходят.

Переписка с Флоренцией тягостна, потому что вы отвечаете по fan-
су***** через неделю — через две — сейчас.

С 9 на 10 был у Огар<ева> обморок.

Я писал 11 <-го>, потом

писал 13 <-го> Ольге,

писал 16<-го> Саше.

* это мое скромное мнение (англ.).

** искренним (англ.):

*** певица из (от франц. «cantatrice de la»).

**** Кстати, Доманже — самый плодовито-бесплодный (франц.).

***** извещение (от франц. «notification»).

***** объяснение (от франц. «explication»).

***** фантазии (англ.).

Наконец, Саша решился сам привезти ответ. — А так как он мне вовремя не написал, то «Левифанс<кий>» явится без посвящения Шифу. А Огар(ев) напрасно мучился узнать мнение Шифа. Ты видишь, что я гораздо больше доверяю почте — чем вам, хотя вы и почтенные люди.

Поездка Саши летом была бы лучше. Но беды нет. Отдал ли он тебе 100 фр<анков> — не в счет абонемент?

Omnibus

Je veux vous donner l'idée de notre journée — invariable, interchangeable. Je me réveille à 6 — je me lève à 6¹/₂, je travaille *pendant qu'il fait froid* — sans feu, jusqu'à 9 h<eures> — à 9 h<eures> Tchorz<zevsky> vient dire que le café est prêt et qu'il a mal au ventre — en même temps il me notifie sa résolution α) de ne plus prendre de Cognac, β) de ne plus prendre de vin, γ) de ne manger que potage et *beefsteak*. Café — 15 minutes — à 9¹/₂ je recommence le travail, il fait chaud et on fait un brasier ardent dans la cheminée — je fais des barricades de coussins, chaises et autres mauvais conducteurs du calorique. — Silence — Tchor<zevsky> s'en va, — lorsqu'on sonne — je n'ouvre pas. Cela a définitivement calmé l'ardeur de me voir. Nous n'avons pas de femme de chambre, la femme du concierge vient pour une heure et s'en va... le bonheur de la solitude dure jusqu'à 1¹/₂. A 1¹/₂ Tchor<zevsky> revient avec la notification qu'il a pris une résolution de différer la diète — et que par exception il prendra du Cognac, un peu de *ale pale* ...

(Continuation dans le № prochain.)

A 5 heures — en calèche et chez Ogareff — mais les détails manquent — donc au prochain № *.

22

<Женева.> 28 марта <1868 г.> Суббота

Ждем сегодня в 9 часов вечера Сашу на железной дороге. Огарева нога идет хорошо, Майор обещает 2 апреля попробовать привстать... затем и костыли — а через месяц может и выйти на костылях. Он ослаб, маленькие болезни его сердят, — вообще теперь видно, что сил-таки потрачено. О Саше не заботься — все будет так, как ты писала.

Ну, итак

Continuation de la journée *invariable*.

Donc à deux heures, par une pluie battante ou un froid de chien, nous nous acheminons dans un restaurant. Arrivés, Tchorz<evsky> fait une découverte, que c'est la bière qui lui fait le mal... et le vin aussi — surtout les pommes de terre... et considérant cela, se décide à prendre de l'absynthe *sans eau*, — après quoi amnistie pour le vin, et réhabilitation pour la bière. Mais les pommes de terre subissent le sort de petits exilés... A 5 heures vient

* Всем <лат.>.

Я хочу дать вам представление о нашем неизменном, неизблемом дне. Я просыпаюсь в 6 — встаю в 6¹/₂, работаю *пока холодно* и еще не затопили, до 9 ч<асов> — в 9 часов Тхор<жевский> приходит сказать, что кофе готов и что у него болит живот — одновременно он сообщает мне о своем решении α) не пить больше коньяку, β) не пить больше вина, γ) есть только суп и бифштекс. Кофе — 15 минут — в 9¹/₂ я снова сажусь за работу, жарко, камин пышет огнем — я сооружаю баррикады из подушек, стульев и прочих, плохо проводящих тепло предметов. Тишина — Тхор<жевский> уходит. Когда звонят, я не открываю. Это окончательно погасило у всех пыл меня видеть. У нас нет горничной, жена привратника приходит на час и уходит... Счастье одиночества длится до 1¹/₂. В 1¹/₂ Тхор<жевский> опять приходит с сообщением, что он принял решение подождать с диетой и в виде исключения будет пить коньяк, немного *ale pale* <светлого пива>... (англ.) —

(Продолжение в следующем №).

В 5 часов — в коляску и к Огареву — но подробности отсутствуют — итак до следующего № (франц.).

le cocher pour aller chez Og<areff>. Tchorz<evsky> très mécontent de ses manières, observe: «Народ грубый» (l'accent est indispensable) et part pour revenir à l'instant même et revenir me chercher à 9. — Est-ce que nous soupçons à la maison? — Oh, oui — il n'y a rien... Vous n'avez pas dit... Cela m'est égal, allons quelque part. — Oui, mais à la maison nous avons deux morceaux de langue (avec la mienne je trouve que c'est assez) — et un peu de saucissons, et un peu d'homard — et un peu de fromage, une bouteille d'Yvornes... moi je ne prendrai pas, le vin me fait mal...

— Allons à la maison... dans ce cas c'est un souper splendide...

— Mais — il n'y a pas, в высочайшей степени нет хлеба — de pain.

— Mais achetons.

— C'est vrai — je n'y ai <pas> pensé.

Затем в половине 11 я раздеваюсь, читаю час — в 12 огонь потушен — и все спокойно — rarement Tchorz<evsky> — passant par le couloir — gémit... — Toujours le ventre? — Oh, je suis sûr que c'est le vin — demain je ne prends rien. Adieu. *

Ну и я прибавлю

Adieu.

У Огар<ева> через неделю после первого обморка был второй, нога опять осталась цела. У него сделалось lumbago (колотье в пояснице), и так как он от маленьких болей деморализируется столько же, сколько большими не занимается, то ему и плохо — вероятно по лицу, что и третий обмор<ок> будет не нынче — завтра.

Наконец, Сат<ин> прислал ему денег 10 000 фр<анков>¹.

Вообще очень скучно. В начале апреля поеду в Париж и Ниццу. Огар<ев>, кажется, уж не так жаростно желает в Лозанну — по мере приближения.

Посылаю тебе портрет св. Юста², здесь появилось несколько карточек с портретов Версальской галереи — революционных людей 1792 года, в следующ<ем> письме будет der andre** Chénier.

Ольгу целую. Мейзенбург — жму руку.

Прощай

От Ог<арева> есть записка Саше, я ее оставил.

Как же у вас понравился Левиафанский?³

P. S. Я, что за счастье, без прислуги. Консьержева жена все делает и не мешает. — Колокольчик хоть сто раз звони, я не отворяю.

На днях была здесь полька — что-то по делам — разогорчилась и застрелилась из револьвера.

* Продолжение неизменного дня.

Итак, в два часа под проливным дождем, или в собачий холод, мы добираемся до ресторана. По прибытии Тхор<жевский> делает открытие, что вредно ему именно пиво — и вино тоже, а в особенности картофель... и, принимая это во внимание, он решает пить неразбавленный абсент... засим следует амнистия вину и реабилитация пива. Но картофель постигает участь скромных изгнанников. В 5 часов прибывает кучер, чтобы ехать к Ог<ареву>. Тхор<жевский>, очень недовольный его манерой обращения, заявляет: «Народ грубый» (знак удара необходим) и отбывает с тем, чтобы вернуться в ту же минуту и приходит за мной в 9. — Ужинать будем дома? Да, конечно. — Дома ничего нет... вы не предупредили. — Мне все равно, пойдем куда-нибудь. — Хорошо, но дома у нас есть два куска языка (я нахожу, что вместе с моим этого вполне достаточно), и немного колбасы, и немного омара, и немного сыру, бутылка иворнского... что до меня, я пить не буду, вино мне вредно.

— Пойдем домой — в таком случае ужин будет великолепный...

— Но нет, в высочайшей степени нет хлеба, хлеба.

— Так купим.

— А ведь правда, я об этом не подумал.

Затем в половине 11 я раздеваюсь, читаю час — в 12 огонь потушен — и все спокойно — изредка Тхор<жевский>, проходя по коридору, охает. — Всё живот? — Ах, я уверен, что это от вина — завтра ничего пить не буду. Прощайте (франц.).

** Каламбур: имя Андре звучит как немецкое слово «andre» — другой.

30 mars

Hier— 9 h<eures> 25'— le Dr Herzen est entré dans notre ville. Attendu par son vieux père et un vieux (et tendre) représentant de la Pologne à la gare — ils se sont immédiatement rendus dans un cabaret — par un froid de 4 degrés et une bise de la force de 10 000 éléphants.

Le portrait d'Olga est arrivé.

Je suppose qu'il n'y a qu'une seule lettre de perdue (de celles qui m'étaient adressées) — les autres sont des lettres «en Espagne».

Le mouvement dans la Suisse vaut bien la chose autrichienne — qui est très grave. La France est certainement — l'Espagne. La Suisse Allemande— va droit au gouvernement direct et Genève s'organise socialement.

Les leçons de Panofka doivent être continuées — encore un mois cela va sans dire — (quant à Renan — *non capisco*). (Aussi je ne capisque pas ce que Mest<chersky> veut de Toqueville — le livre est très bon — mais je ne l'aurais jamais choisi pour lecture avec Tata). Et *Cromwel*? Je vous enverrai de Nice *Les derniers Montagnards*... Adieu.

Je pars le 7 avril

8 Paris

9 {

10 } id

12 Nice.

Ogar<eff> aura le 2 avril ses relevailles⁴.

Vous n'écrivez rien sur mon pauvre ami le docteur et protecteur Leviat-hansky*.

Рукѡй А. А. Герцена:

Здравствуйте, милые флорентинки!

Радуйтесь, что вы живете вне бизы: здесь теперь холоднее, чем у нас было в январе. Твой шаль, Тата, мне спас жизнь. Огарева еще не видал, вечером напишу вам порядком — покамест целую вас. — Получила ли Терезина записку, писанную карандашом, которую я ей послал с Mont Cenis?

С а ш а

¹ В счет уплаты за уступленное Сатину имяние.

² *Святым Юстом* Герцен здесь называет Сен-Жюста.

³ *Тит Левиафанский*, герой «*Aphorismata*» Герцена.

⁴ *Воцерковление* — обряд, совершавшийся над родильницей, впервые вышедшей после родов в перковь. Очевидно, эта шутка означает, что в этот день Огарев, у которого была сломана нога, впервые встанет с постели.

* 30 марта. — Вчера — в 9 ч<асов> 25 м<инут> д-р Герцен вступил в наш город. Он был встречен на вокзале своим старым отцом и старым (и нежным) представителем Польши — они тотчас же отправились в кабачок — при четырехградусном морозе и бизе в 10 000 слоновых сил.

Портрет Ольги прибыл.

Я предполагаю, что не дошло только одно письмо (из писем, мне адресованных) — остальные — «призрачные».

Швейцарское движение стоит положения дел в Австрии, которое очень серьезно. Франция — бесспорно та же Испания. Немецкая Швейцария идет прямо к непосредственному управлению, а Женева социальное организуется.

Уроки Панофки, само собой разумеется, следует продолжать еще месяц. (Что касается Ренана — *non capisco* (не понимаю (итал.)). Также не *капискую*, что Мещ<ерский> хочет от Токвиля — очень хорошая книга, но для чтения с Татой я бы никогда ее не выбрал). А «Кромвель»? Из Ниццы я пришлю вам «Последних монтаньяров». Прощайте.

Я уезжаю 7 апреля

8 Париж

9 {

10 } тоже

12 Ницца.

2 апреля будет воцерковление Огарева⁴.

Вы ничего не пишете о моем бедном друге, докторе и покровителе Левиафанском (франц.).

〈Женева.〉 2 апреля 1868. Четверг

Письмо пришло. Я начинаю собираться, вероятно 7<-го> или 8<-го> уеду, может и Саша со мной. Завтра мы поднимаем Огар<ева> в первый раз. Иногда эти вещи и здоровым не обходятся без обморка. Через неделю он будет ходить в комнате на костылях — через месяц, может, первый раз выйдет. — В Женеву тебе нет ни малейшего удобства приехать — да и нужды нет. — Самое лучшее держаться старого плана — и приехать во вторую половину мая в Ниццу. Потом в Лозанну или Evian. До тех пор можно сговориться.

Дело Саши решено¹, остается subir*. Сначала он будет доволен — впереди боюсь... многого — даже денежного недостатка. Выучите Т<ерезину> поскорее по-французски, да и танцевать бы следовало.

Да, Тата, мало что-то света впереди. Огар<ев> падает силами и все глубже вживается в свою душную жизнь, Генри² принесет ему много печали. Саша уйдет в свою семейную жизнь — тоже не легкую... Мне иногда становится страшно за всех вас.

Куда поедет Мальвида — в Специю, S. Terenzo?

Посылаю портрет А. Шенье. Ты напрасно думаешь, что портреты натянуты, — они брали тогда эту позу, — à propos к портретам — как идет знаменитая копия с портрета Ге?³ Tristement**.

Саша все бегает и, благодаря расстояниям от Лансу, мы почти невидимся. Сегодня он писал Фогту — мирные предложения — и, верно, сделал ему мигрень.

Прощай.

Прочтите с большим вниманием мою статью в ответ Мирославскому в «Кол<околе>»⁴.

— Цепочку я променяю.

В Швейц<арию> affranch<issement>*** 30 сант<имов>, а не 40.

Зато во Францию 40 — а не 30.

¹ Речь идет о женитьбе сына Герцена на Терезе Феличе.

² Генри — Генри Сетерленд, воспитанник Огарева, сын Мери Сетерленд.

³ Н. А. Герцен делала копии с портрета отца, написанного Н. Н. Ге в 1867 г. во Флоренции.

⁴ В седьмом номере «Kolokol» от 15 апреля 1868 г. появилась статья Герцена «Frisant la question polonaise» («К польскому вопросу»). Эта статья была вызвана появлением в Женеве брошюры «Lettre du général Mieroslawski au major Brazewicz» Людвиг Мерославского, представителя крайних националистических тенденций в польском освободительном движении. Герцен опроверг неверное утверждение Мерославского о том, что в 1862 г., в переговорах с представителями варшавского комитета, Герцен и Огарев вместе с Бакуниным будто бы обсуждали вопрос о принятии «верховного руководства польским восстанием».

13 апреля <1868 г.>. Понедельник.
Marseille. Gr<and> hôtel du Louvre

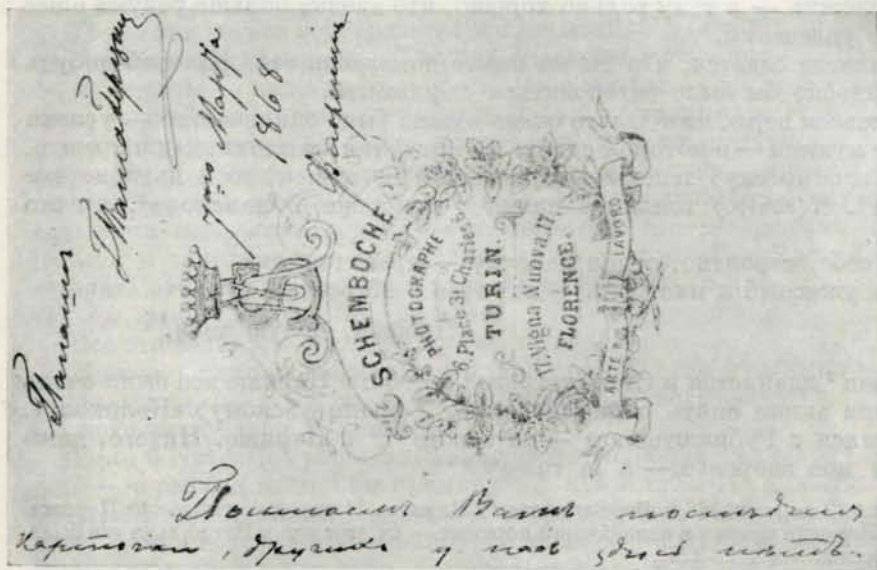
Вот и в Париже побывал, и дела все устроил¹ и сегодня ночевал здесь, — через два часа еду в Ниццу — и буду там около 7-ми часов. Nat<alie> все жалуется на болезнь — да и на тебя, что ты не пишешь. С Волод<имировой> она как-то подружилась, и В<олодиминова> дает Лизе уроки.

Если ты в самом деле Ольге полезна, то вряд нужно ли тебе торопиться. Обдумай все хорошо. Мне жаль, что Саша не хочет сдерживать обещания и

* переносить (франц.).

** Грустно (франц.).

*** оплата письма (франц.).

Н. А. ГЕРЦЕН (дочь)

Фотография с дарственной надписью отцу: «Панаме Тата Герцен. 7-го марта 1868. Флоренция.

Посылаю Вам последние картинки, других у нас здесь нет»

Литературный музей, Москва

ждать до Нового года. — Радоваться его судьбе я не могу — она ничем вперед не обусловлена. И трудно пойдет жизнь именно в Флоренции. Нельзя же ей бросить своих родителей — и все-то это падет С<аше> на плечи. Но я не вижу больше сил остановить. Так, как мало их вижу в том, чтоб остановить житье Огар<ева> и черные фантазии Nat<alie>. Жизнь трудна, сложна — и тому только хорошо, кто вводит больше разума в нее и меньше увлечений.

Мне иногда кажется, что ты на опыте докажешь это. На чьей-нибудь судьбе надобно бы было остановиться с улыбкой.

Я не совсем верю, чтоб Ольге очень нужно было одиночество — успехи ее (кроме музыки — о которой судить не могу) так же плохи, как и прежде. А так как Огар<еву> теперь уход никакой не нужен, то и надобно все überlegen*. N<atalie> только и пишет о пансионе, о пансионе²... и это фантазия.

Саша тебе, вероятно, отдал цепочку — нравится ли?

Холод ужасный и мистраль — вот тебе и Марсель.

Прощай, целую тебя.

Гартман³ кланяется и Степан Араго⁴ — тебе; в Париже все были очень милы, наши акции опять поднялись grâse** франц<узскому> «Колоколу». Я встретился с Рубинштейном⁵ — он в воге*** в Париже. Ничего, даже выпил за мое здоровье — à la russe ****.

¹ С 8 по 12 апреля 1868 г. Герцен провел в Париже. 11 апреля он писал из Парижа Огареву: «Все дела привел в величайший порядок, — на этот раз у Ротшильда все были очень любезны...» (XX, 228).

² Н. А. Огарева была увлечена несбыточными планами «самостоятельной» жизни. Для этого она хотела открыть пансион и заняться воспитанием детей.

³ О Морице Гартмане см. выше, в публикации «Письма Герцена к Георгу и Эмме Гервегам».

⁴ Этьен Араго (1803—1892) — французский драматург и журналист, участник революций 1830 и 1848 гг.

⁵ Об этой встрече с Антоном Григорьевичем Рубинштейном Герцен рассказывает также в письме к Огареву от 11 апреля (см. XX, 228).

25

Тате

<Ницца.> 20 апреля <1868 г.>. Понедельник

Милая Тата,

Твое письмо к Nat<alie> навело меня на разные думы. Оно показывает, что ты не летишь, а и духом вступила в совершеннолетие и начинаешь разглядывать шероховатую сторону жизни. Это понимание на тебя кладет ответственность — и потому я был прав, говоря тебе в прошлом письме, что, может, на твоей судьбе улыбнется нам светлый закат. Дело Саши я считаю проигранным — он три (а может и больше) раза шел на гибель упрямо и притом холодно-влюбчивым характером. Симптомы были те же — он говорил об маленькой, пустой Урике так, как Мейзен<буг> об Ольге; он мне писал о Берте, что она — гений. С Урикой он был немцем и все мешански-немецкое отстаивал, с Бертой — enlightened gentleman****, а теперь защитник масс и работников, проповедующий против танцев¹. Как миновали Урика и Берта — ты знаешь. Большой надежды на прочность нет — а когда цепь будет на шее, она останется. Вот, Тата, тут и учись,

* обдумать (нем.).

** благодаря (франц.).

*** моде (франц. «vogue»).

**** по-русскому обычаю (франц.).

***** просвещенный джентльмен (англ.).

что несчастья почти всегда — простое последствие, люди это называют наказанием — а оно просто силлогизм. Ты промочила ноги — у тебя насморк. Если же ты знаешь, что у тебя десять раз насморк был после мокрых ног, — то пенять нечего, и ты виновата перед собой. Я хотел остановить Сашу — только на время, он нашел это справедливым, — а исполнить не хочет. Мне страшно, я отворачиваюсь и не могу — меня это сосет под ложкой.

Точно так же все неустройство жизни моей и Ог<арева> — последствие, но совсем иных элементов. Для нас семейная жизнь была на втором плане, на первом — наша деятельность. Ну и смотри — пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала. Избалованные окружающим, в борьбе с миром традиции — мы были, так сказать, дерзки, думали, что все сойдет с рук, были ужасно самонадеянны. Ну и срезались... должны были срезаться, так или иначе — это неважно. Напр<имер>, Огар<ев> мог не ломать ноги или сломать руку — но несчастье его совершенно последовательно, и чувство этого прибавляет к горечи горечи. — Больно мне было слышать от Саши обвинения в настоящем сумбуре (и я на его месте не сделал бы, может, его)... но он прав.

Все это ведет к вопросу — где же выход?

Конечно, один из самых натуральных — это если б ты вышла замуж, — Ольга жила бы с тобою, и мы могли бы все географически сдвинуться. Но не я стану тебя подталкивать.

Если б Nat<alie> решительно и резко хотела завести школу в Швейцарии — через год можно бы примкнуть к ней и тебе. Но для этого надобно психическое сближение, которого нет. Здоровье Nat<alie> плохо, Лиза опять одна и тотчас больше шалит. До сих пор — ты ей не была полезна, и, вникая в дело, я виню тебя. Ты бралась кель тель* учить, ходить, — бросила (как все, что ты делаешь), забывала и действовала иронией. Когда к этому прибавить раздражение N<atalie> — то это почти все, что надобно для порчи ребенка. А потому для воспитания нужен тебе труд самовоспитанья.

Съедемся летом — пожалуй позже, в июле, августе — в Швейцарии и посмотрим, что можно. Мне кажется, что во Флоренции вам жить будет трудно. Это не конец, продолжение после твоего ответа.

Прощай.

Р. С. Владимирова оставила мне премилую книжку для Ольги о зверях и тебе рубашку, шитую шелками. — Как их переслать, не знаю. То есть книгу-то легко (я ее читаю с Лизой), но рубашку нет. Благоев² оставил Драпера (амер<иканского> Бёкля) — тебе было бы полезно.

Прочтите вместе статью Вильмо.

Ольге буду писать следующее письмо. Обнимаю ее. Ну когда же она начнет учиться медицине? — Саша мог бы готовить.

¹ Урика — Эмма Урих, внучка Ф. Фогта, считалась невестой А. А. Герцена. 17 июля 1867 г. Герцен писал сыну: «В 1860—61 году ты был под влиянием старушки Фогт, практически устроившей прекрасно семью, по чисто немецким понятиям, с примесяю Гёте и Spießbürgerlichkeit** — отсюда и сентиментальные überspannte Gedanken*** и с ними период tanto poco**** буржуазного сватовства, потом обретение второго идеала в семье Шиф» (XIX, 402). Идеал, обретенный в семье Шиф, — Берта. Будущая жена А. А. Герцена, Терезина Феличе, работала на фабрике; отсюда ироническое замечание Герцена о том, что сын теперь «защитник масс <...>, проповедующий против танцев». 5 апреля Герцен писал Огареву: «На сию минуту С<аше> нравится, что она не имеет светского образования; он мне говорил, что он доволен, что она не танцует, и что теперь уже никто не танцует и пр. Все это мы знаем, и источники этого взгляда не новы. Я никогда не танцевал, но никогда такой теории не ставил» (XX, 224).

* такая есть (от франц. «telle quelle»).

** мещанства (нем.).

*** восторженные идеи (нем.).

**** по меньшей мере (итал.).

² Фамилия *Благово* несколько раз упоминается в письмах Герцена 1868 г. (см. XX, 225, 259, 262). — О Дрепере и Бокле (у Герцена: *Драпер* и *Бёкл*) см. во вступительной статье к настоящей публикации.

26

<Ницца.> 26 апр<еля 1868 г.>. Воскресенье

Я, милая Тата, как самый учтивый отец, отвечал тебе в прошлом письме на половину твоих вопросов и рассуждений сутки прежде получения твоего письма. Прибавлю слова два. Я писал не о равнодушии и не о бесстрастии — а о том, что есть уравновешение страстей и разума, до которого все гармонические натуры могут достигать. Все красивое и изящное только и состоит в соразмерности частей, — в мере. Вспомни, сколько я писал и проповедовал о том, что любовь не должна играть главную роль, а *одну из главных ролей* — в жизни¹. Даже вообще все *личное* должно быть балансировано *общим* — иначе беда. Мне кажется, что если б у тебя было больше настойчивой деятельности, ты могла бы согласнее, стройнее устроить жизнь, чем Саша (Ольги характер я не могу еще ясно уловить, Лиза скорее ближе к тебе, но нервна). Потому-то я и сказал, что твоя жизнь может светлее устроиться.

Теперь перехожу к наружному устройству. — Nat<alie> очень хочет до Швейцарии съездить в Альзас и посмотреть школы. На это пройдет весь июнь. Вот, стало, тебе месяцем больше можно остаться с Ольгой. — Ог<арев>, мне кажется, тоже не очень торопит. Он жалуется, что нога починенная — плоха. Весь вопрос, как тебе приехать и куда? с кем? Я могу приехать навстречу в Domo d'Ossola. У меня есть еще какой проект. Бамбергер в Берлине депутатом в Zollparlament'e — я ему поручил спросить — какие права я имею в Германии, — я бы сделал прогулку и, может, с тобой². Да и в последний мой проезд я видел, что много можно хорошего сделать по части «Кол<окола>» в Париже. Зима прошла бы в разъездах. Всё это планы, которые могут, во-первых, разрушиться войной, если она будет³, а во-вторых, — без того разными неожиданностями. В Италию мне не хочется. — В продолжении этого времени я хотел бы приискать дачу или дом, где бы можно было отдохнуть. Это будет зависеть от согласия твоего и Nat<alie>.

В Женеве новый журнал русский издает Елпидин, я пришлю 1-й лист, ничего; говорят, Бакун<ин> участвует⁴. Мирослав<ский> будет мне отвечать на мою статью — увидим⁵.

Не знаю, кто меня называл аристократом — и тебя тоже — но конфузиться этим нечего. Идет это все из той же гулевичоутинарни и серно-елпидовщины⁶. Все эти люди — бездарные и долею безденежные — исходят завистью и воображают, что социализм состоит в том, чтоб им давали деньги, а демократия в том, чтоб с ними жить как *ami сошон**, нарочно говорить их жаргоном и пр. Всё имеющее достоинство, удаляющееся от vulgar — они называют аристократизмом. — «Полают и отстанут!»⁷.

Некто доставил серги и булавку — они отосланы по приказанию Волод<имиrowой> — Беку⁸.

28. Вторник

Сейчас получил письмо от Ольги и от Саши. Одеало он может кушать на здоровье. Статья его оканчивается дерзко, — да и грева** — то в Женеве кончилась не так весело, — когда работники явились на работу, хозяева отказали в работе «зачинщикам» — тогда все пошли вон из мастерских.

* запанибрата (франц.).

** забастовка (от франц. «grève»).

Эдакие собаки — хозяева. Далее я не знаю что. Скажи Саше, что надобно резкие места оттушевывать.

Посылаю «Фигаро» с уморительной статьей об обеде Сен-Бёва⁹ и новый русский журнал¹⁰, в котором статья о положении Европы — очень хорошо. Думаю, что Бак(унин) ее писал и не понимаю, зачем секретничает. Не бросайте эти статьи — они очень милы.

Посылаю Мейз(енбуг) статью о ее брате¹¹.

DISCOURS
D'ALEXANDRE HERZEN,

Exilé Russe,

PRONONCÉ AU MEETING TENU LE 27 FÉVRIER 1855,

DANS ST.-MARTIN'S HALL, A LONDRES,

EN COMMÉMORATION

DES

GRANDS MOUVEMENTS RÉVOLUTIONNAIRES

DE 1848.

*Mademoiselle
Natalie Herzen
Richmond
Chalmondeley Lodge*

CITOYENS,

Lorsque le comité international m'invita à prendre la parole, j'hésitai un instant. Je reculai devant la difficulté de parler au nom de la minorité révolutionnaire en Russie, au milieu des bruits de la guerre, au milieu des passions frémissantes et d'un deuil saint et profond. J'en fis part au Comité. Il m'invita encore

ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ ГЕРЦЕНОМ (НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ) 27 ФЕВРАЛЯ 1855 г. НА МИТИНГЕ В ПАМЯТЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 г. В ST. MARTIN'S HALL'Е В ЛОНДОНЕ. ДЖЕРСИ, 1855

Экземпляр с дарственной надписью Герцена старшей дочери (по-французски): «Мадемуазель Натали Герцен. Ричмонд. Chalmondeley Lodge»

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Chère Olga, je t'écrirai plus longuement à toi et à Malwida dans deux, trois jours — je te remercie pour ta lettre, elle m'a beaucoup plu — mais tu ne me dis rien à propos de la danse — demande franchement l'opinion de Mestch(ersky) et dis-moi ce qu'il en pense. Le livre que Wol(odimirowa) t'envoie est un peu enfantin et avec des phrases — mais les Français ne savent pas écrire autrement.

Adieu*.

Помните, какой день 2 мая¹².

⁹ См. вступительную статью к настоящей публикации.

¹⁰ О Людвиге Бамбергере см. выше, в письмах Герцена к Гервергу. В 1868 г. он был избран депутатом в рейхстаг. В письме к Огареву от 20 мая Герцен сооб-

* Дорогая Ольга, через два-три дня напишу тебе и Мальвиде подробнее — благодарю тебя за письмо, оно мне очень понравилось, — но ты мне ничего не пишешь по поводу танцев — спроси прямо мнение Мещ(ерского) и сообщи мне, что он об этом думает. Книга, которую посылает тебе Вол(оdimирова), — немного ребячливая и с громкими фразами, но французы не умеют писать иначе. Прощай (франц.).

шил, что на свой запрос о возможности поездки в Германию Бамбергер получил от правительства положительный ответ (см. XX, 298).

³ В 1868 г. Герцен уже предвидел возможность франко-прусской войны.

⁴ Герцен имеет в виду журнал «Современность», издававшийся в Женеве в 1868—1870 гг. Л. И. Мечниковым и Н. Я. Николадзе. В «Kolokol» № 8 от 15 мая 1868 г. помещена заметка, в которой Герцен приветствует появление «Современности» (см. XX, 294). Бакунин в этом журнале участия не принимал.

⁵ О полемике с Мерославским см. примеч. 4 к письму № 23.

⁶ Герцен говорит здесь о Гулевиче, Н. Утине, А. Серно-Соловьевиче, М. Элпиди-не. О письме дочери, ответом на которое является комментируемое письмо, Герцен сообщил Огареву 4 мая 1868 г. Базаровы, утверждает он, проповедуют «всему молодому поколению ненависть к нам. Тата мне пишет об удивлении молодых русских девушек, познакомившихся с нею. „В России, — говорили, — вас считают за аристократок, как ваш отец, а про Ольгу говорят что она давно католичка“» (XX, 268).

⁷ Из басни Крылова «Прохожие и Собаки».

⁸ Бек — вероятно, бывший жандармский полковник, у которого Володимирова останавливалась в Ницце (см. XX, 143).

⁹ О каком обеде Сен-Бёва идет речь — не установлено.

¹⁰ *Новый русский журнал* — женевский журнал «Современность». См. выше примечание 5 к письму от 26 апреля 1868 г. Кто был автором «статьи о положении Европы», установить не удалось.

¹¹ Имеется в виду брат Мальвиды Мейзенбуг — Отто (1806—1886), занимавший в Австрии крупные бюрократические посты. Какую статью послал Герцен М. Мейзенбуг — не установлено.

¹² 2 мая 1852 г. умерла Н. А. Герцен-мать.

27

<Ницца.> 1 мая <1868 г.>. Пятница

Твоя записочка заставляет много думать — и это уж само по себе хорошо. Я не совсем с тобой согласен — теоретически и практически. Не надобно шутить *libre arbitr'ом** в размерах частной жизни — с этим дойдешь до страшной распущенности и через край примиришься со всеми гадостями. Потом выход, основанный на отбытии людей, — не выход. Разумеется, смерть радикально оканчивает всё. Выход надобно искать при существующих условиях. Ты говоришь, что ничего не переменится от твоего замужства, напр<имер>. — Это неверно. — Да уж то, что я действительно свободно вздохну (если муж твой будет человек, которого можно уважать), и сложность, в которую и вы заступили, разрешится, — неизмеримо важно. В то время как брак Саши я принимаю за неотвратимое несчастье.

Жаль мне очень, что ты ничем серьезно не занимаешься. Это все дилетантизм (портрет Ге, пенье, микроскоп и пр.). Занятие спасло бы от всего и от *salto mortale*** замужества. Но надежда плоха — мало ли как тебя будили.

Если ты послушаешь моего совета, — то ты не поедешь в Берлин с Сашей (да я и об нем не слыхал, что он едет). Если тебе дорога его дружба, если тебе интересен Берлин — не езди с ним. Ты будешь прикована, как *garde-malade****. Оставь первый год Сашу одного. Ему будет не до тебя — и вы очень, может, столкнетесь жестко.

Ольгу оставить следует на год *almeno***** во Флоренции.

Общее житье с Огар<евым> решительно невозможно. Бедный Огар<ев>, он с годами и болезнями больше и больше втягивается в удушливую среду, в которой живет. М<ери> — добрая (для Ог<арева>) няня — но пустейшая женщина, что не мешает ей как англичанке захватывать больше и

* свободой воли (франц.).

** акробатического прыжка; буквально — смертельного прыжка (итал.).

*** сиделка (франц.).

**** по меньшей мере (итал.).

больше власти. Сын ее никуда не годится. Ог<арев> взял грех на душу, избаловавши его.

Но свидетеля надобно. Долею N<atalie> стала тише, — она была поражена Огар<ева> акцидентом* и только бунтует на словах — если б ты хотела, ты имела бы влияние. Вероятно, и ты стала терпеливее (повторяю, я не был доволен тобой относительно Лизы). В прошлом письме¹ я предлагал тебе приехать за тобой в Domo d'Ossola или на Lago Maggiore. Тхорж<евский> нашел спландидное** помещение возле Женевы (и принца Наполеона²) в Prangins — соберемтесь там в июле — и там сделаем ассизы*** для решения, что дальше. Может, и я съезжу в Германию. Огар<ев> очень хочет повидаться, я считаю это лучшим — sauf egeur et imprévu****.

Прощай.

Мы готовимся ехать к 25 мая. А Ниццу мне жаль, зимой будет тянуть сюда. Лиза здесь почти не была больна — два года. M-me Gar<ibaldi> едет к мужу в Париж, Нини все не очень здорова. — Нет ли у Vieussent Dgarper'a «Развитие европейской цивилизации» — 2 части, на английский<ком> — советую достать, хорошее и здоровое чтение — он уютнее Бёкля и местами жив.

2 мая

Вот и шестнадцатая годовщина. С этого времени и предшествовавшего ему года — идут все беды, павшие и на меня, и на вас. Светлого времени нашей жизни ты почти и не знала.

Саше кланяюсь — писать особо нечего. Огарев в последнем письме пишет, что ему гораздо лучше. Он становится на больную ногу. 8 мая он переезжает в улицу des Petits Philosophes — c'est un avantage pour la rue d'en avoir un grand et une modestie de la part d'Og<areff>*****³.

На обороте последнего листа:

Donne cette lettre à Tata *****.

¹ См. письмо от 26 апреля 1868 г.

² Принц Наполеон (1822—1891) — двоюродный брат Наполеона III; заигрывал с либеральными и буржуазно-демократическими кругами. В 1867 г., поссорившись с императором, временно удалился от дел и жил в Швейцарии.

³ Эту шутку по поводу переселения Огарева на Chemin des Petits Philosophes Герцен повторил в письме к Огареву от 1 мая 1868 г. (см. XX, 267).

28

<Ницца.> 12 мая <1868 г.>. Вторник, после обеда

[Милая Тата,

Я почти всегда доволен твоими письмами — но последним еще больше, и за это обнимаю и целую тебя в темя. Дело в том, что у тебя у одной начало слагаться верное понятие о жизни, — оно печально, и то сначала — потом оно будет просто здорово. Знаешь ли ты отчего, при всей противоположности характеров, — столько нетерпимости в N<atalie> и Мальв<иде>? Оттого, что обе — идеалисты. Вообще замечь, все гонители (кроме корыстных злодеев, любящих власть и деньги) — религиозные фантасты. «Жизнь и люди их обманули» — они не могут примириться с этим. А ведь жизнь

* несчастным случаем (от франц. «accident»).

** великолепное (от франц. «splendide»).

*** совещания (от франц. «assises»).

**** исключая ошибки и непредвиденное (франц.).

***** Малых философов. — Для улицы — преимущество приобрести великого философа, а со стороны Огарева — это скромность (франц.).

***** Отдай это письмо Тате (франц.).

и люди их не обманывали, они просто *не могут* дать того, что с них угодно требовать. Отсюда борьба — акузации*, анафемы... фантазия идет — идет, удержу нет, винт в голове свинтился, и вот по такой спирали** несутся мысли, злобы, слезы — и боль самим себе делается развлечением и занятием. — Иной раз, кажется, можно удержать, другой — что поздно. А всё злодей идеализм.

Ты счастливее их — и даже счастливее Саши, — у него никакого нет взгляда на жизнь, то есть своего, — он в этом моложе тебя — а иногда старше меня. Тут беда в том, что приму играть будут случайности, — ну не всегда же в рулетку выиграется. Вместо идеализма у него доктринализм, — может, это легче для себя, но для других — не думаю. Я думаю, что он сам согласится со мной. Тут одна странная вещь — что это общая черта у него с Levier, с Дарделем¹ — они все еще несовершеннолетние.

Лиза будет похожа в теориях на тебя. (А proros, когда она явилась к m-me Georg² для первого купанья, — все тритоны, и твой купальщик с избитыми скулами и весь подвязанный, вышли на сушь с криками: «Ah, voilà que la petite Tata vient aussi pour se baigner»***). Она со мной философствовала вчера, и вот ее сентенции: «Je pense que dans la vie il faut tâcher de faire quelque chose de bon et de s'amuser. Car, vois-tu, qui peut savoir quand il mourra»****.

Nini Gar<ibaldi> говорит, что желала б иметь детей — но мужа иметь не хочет. А Лиза замечает: «Oh, non, il faut toujours avoir un mari — pour les affaires — pour ne pas s'inquiéter de l'argent»*****. — Ну поди, откуда она могла взять такую парижскую мораль?

Наконец, еще trait*****. Вчера я ей читал в фран<узском> перев<оде> «Былое и думы» — об Ив<ане> Ал<ексеевиче> — она слушала с большим вниманием, и потом, подумавши: «Quel fou était ton père!»*****.

Письмом Ольги она ужасно довольна — и что та писала ей, не показывая никому.

Волод<имирова> давно в Женеве. Я ей письмо послал, хотя и не нужно было его посылать особо — в тот день, в который Мальвида мне писала.

Не могу найти случая, с кем переслать рубашку, шитую тебе, от Вол<оdimировой>. — Бассо³ едет, да я на него не надеюсь, они все небрежны. По почте нельзя. А тут есть Ольге книга и «дусёр», как немцы называли маленькие подарки.

Огар<ев> переехал и в восхищенье от своей новой квартиры — кругом сады — Chemin des Petits Philosophes, 493.

А Пантужеский тоже переехал — Route de Carouge, 504.

Пантужеский — решительно кормилица наша и Вер Артамоныч⁴. Не знаю, приедет ли сюда. Я звал на неделю — за отличную работу по делу Ог<арева>.

А нога Огар<ева> опять плохо. Он лежит и с лубком. Припадки очень часто. Мы едем решительно 31 мая или 1 июня. Конечно, если ты можешь

* обвинения (от франц. «accusations»).

** Далее в автографе рисунок, изображающий спираль, расширенную книзу. — Ред.

*** «А вот и маленькая Тата тоже пришла купаться» (франц.).

**** «Я думаю, что в жизни надо стараться сделать что-нибудь хорошее и развлекаться. Потому что, видишь ли, кто может знать, когда он умрет» (франц.).

***** «О нет, надо все же иметь мужа, чтобы он вел дела, чтобы не заботиться о деньгах» (франц.).

***** черта (франц.).

***** Какой сумасброд был твой отец! (франц.).

эхать avec les sommiers à l'Africaine * — чего же лучше — но об этом спешимся. Если бы ты могла завладеть каприз<ной> сторон<ой> N<atalie>, ты много сделала бы для Лизы, и если сама не будешь спать, как кроты, полжизни — в праздности (ты на этот счет что-то не пишешь).

Скажи Ольге — давно бы ей сказать, что она немного пляшет. Я только этого хотел. А ведь мне Саша сказал, что она вовсе не умеет.

Буду Ольге и Саше писать следующ<ий> раз. Мальвиде тоже.

Supplément **

Тхорж<евский>, живописец торжественный поезд<ки> Ог<арева> из Лансы в Птифилософ, говорит: «В четвероместной колязке была точно постель, и Н<иколай> Пл<атонович> с роскошью *отдыхал свежим маявым воздухом*». Sehr gut***.

В ценах Prangins в пансионе сошлись, там месяц-другой можно провести славно.

В. Пиши скорее ответ — хотя вопросов и нет.

¹ Дардель — Герцен называет так Дюран-Фарделя — врача, лечившего его в Виши.

² M-me Georg — владелица купального заведения в Ницце.

³ Бассо — хозяин дома, в котором Герцен жил в Ницце.

⁴ Пантужеский — шуточная переделка имени — «пана» Тхоржевского. — Вер Артамоныч — шутливое напоминание о няне Герцена Вере Артамоновне, изображенной им в первой части «Былого и дум».

29

<Ницца.> 20 мая <1868 г.>. Середа

Переписка с вами трудна, вы так заняты, что ответ приходит на 10-й и 11-й день, в то время как в 6 дней мог бы быть.

Мы едем 1-го июня. Расчесь нехитро, что письмо, брошенное 27<-го>, придет.

Нога Огар<ева> что-то не клеится — опять в лубках. В Prangins в июле — не ехать ли потом в Лугано и Комо.

Бамберг<ер> спрашивал министерю — в Пруссию можно.

С Граф. Бассо побоялся послать Гарибальди¹. Все посылать по почте с gr<ande> vitesse трудно. Не знаю, что делать.

Прощай.

Саше поклон.

Зачем Левье высылает последнюю практику и шлет Долгорукова?²

¹ Вероятно, имеется в виду портрет Гарибальди.

² Речь идет об отъезде П. В. Долгорукова из Флоренции, где его лечил Левье.

30

<Ницца.> 23 мая <1868 г.>. Суббота

Ты полагаешь, Тата, что в моих письмах или в последнем, нет вопросов — и очень ошибаешься. В них (как и в твоих) затрогиваются *вопросы о жизни* — а это гораздо важнее вопросов — ехать ли в S. Terenza или в Prangins. Многое ты поняла — но в многом еще туманно. Напр<имер>, когда я говорю о воспитании себя для воспитания — ты спрашиваешь, чем заниматься и какие книги. Заниматься умягчением, уравновешением характера — а книги читай те, которые читаешь.

* с вьючными лошадьми на африканский лад (франц.).

** Прибавление (франц.).

*** Очень хорошо (нем.).

Насчет живописи — это дело твоей совести, — мне кажется, что при большей деятельности — ты могла бы делать хорошие вещи, — ты это доказала даже маленькими карандашными очерками. Не развить данную способность — когда внешнее не препятствует, — грех. Но

*S'il ne sent point du ciel l'influence secrète**1,

как говаривал Буало — надобно броситься на что-нибудь другое. Ну хоть на мастерские, школы, кооперативные общества, — что не мешаает вовсе собственному образованию. Мне даже пришла по этому поводу мысль — не встретиться ли нам в конце июня — во Франции, в Альзасе есть чему поучиться.

Огар(евская) теория по поводу Саши и его брака — никуда не годна — вовсе не все равно — Акулина или Терезина². Всякий брак может привести к бедам, но тот, который основан не только на одном увлечении, а на равенстве развитий, на общей религии, на взаимном *уважении*, тот, который даже взял в расчет кусок хлеба себе и детям, — тот имеет *больше шансов* рациональных. Огар(евская) теория и потому никуда не годна, что она действительно, как ты и заметила, ничего не дает в замену. Личности могут восставать против стеснительных учреждений и стараться их уничтожить или заменить — но не как исключение *для себя* — *а comme règle générale* ** для всех. Лютер опроверг безбрачие попов — как нелепость — и мог потом спокойно жениться. *Vice versa* *** не идет. Пока исторические формы не заменены другими, — люди поневоле (даже непоследовательно) живут в них. Я убежден, что современное обращение богатств, при монополии собственности недвижимой и капитале, дает ренту *выше* справедливой и ни слова не скажу, когда она падет для меня — как для других. Но если б я вздумал (чего именно женевские базаровцы и хотели) отдать им, например, из 5% — 4 — я остался бы полунищим и лишил бы себя во время борьбы оружия и возможности бороться.

Вот тебе на размышление целый воз вопросов. Я никогда не скажу тебе (разве в каком-нибудь чрезвычайном случае) — *иди замуж*. Но не скажу никак — *не ходи* — тогда, когда стремление и обстановка, сердце и ум будут согласны.

Жаль, что тебя здесь нет. Ницца во всей красе. Лиза плавает под заглавием *la petite Tata* ****. Жар, но «*ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht*» *****³, и *weht*-то лимонными цветами. Удивительный край, жаль его покидать. — Если б можно было в этих полосах что-нибудь устроить — хоть бы нам вчетвером — *Nat(alie)* — ты — Лиза и я — сначала. Но и это слишком эпикурейски — жить надобно там, где есть *наибольшее дело* для нас, а уж в Клину или в Специи — о том знают обстоятельства.

That is my humble philosophy *****.

Посылаю Ольге довольно удачные стихи Гюго к папе⁴. А вам всем лист «Либерте» — с заседанием Сената — которое прошу прочесть. Я вложил в нее *plaisanterie atroce* ***** из «Фигаро».

Скажи Саше, что когда выйдет 1-й том Шиф(овой) физиол(огии), чтоб он его послал по адресу:

France

M^r le Dr Bernacki ⁵

Cannes (Alp(es) Marit(imes)).

* Если он не чувствует наития с небес (франц.).

** как общее правило (франц.).

*** В обратном порядке (лат.).

**** маленькая Тата (франц.).

***** «нежный ветер веет с голубых небес» (нем.).

***** Такова моя скромная философия (англ.).

***** жестокою шутку (франц.).

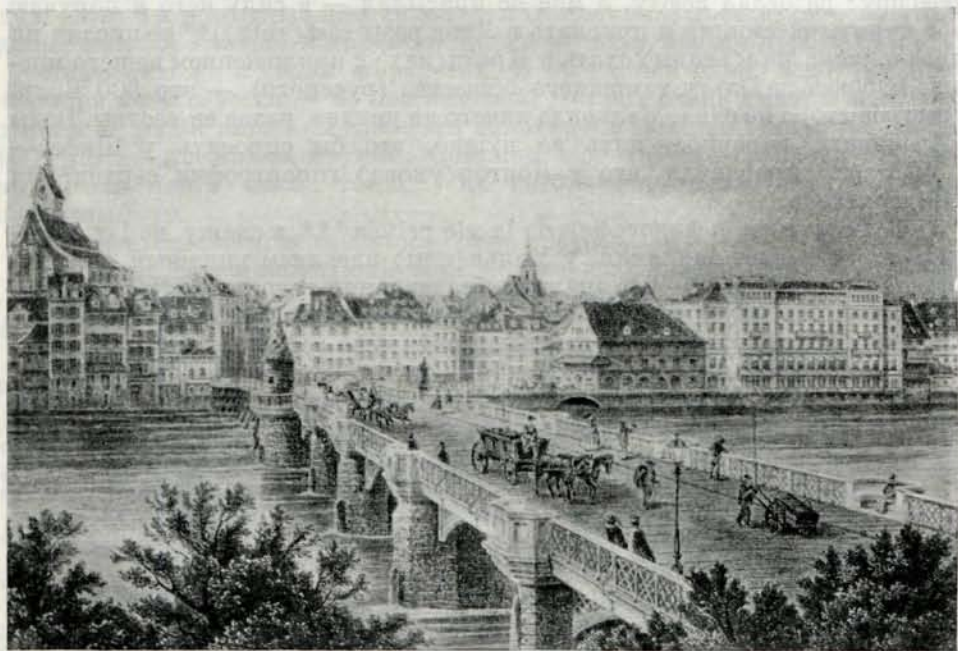
Если что нужно после 29<-го>, то можно адресовать: Lyon, poste rest<ante> или к Тхоржевскому. 1-го сдача дома, едем 2-го июня в 3 часа.

Щенкович, Соловьевич и другие Псевичи — мне отвечали за Мирославского с разными дерзостями⁶.

Что ваша квартира — помнится, она кончалась к 1-му июню?

¹ Из «Поэтического искусства» Буало, песнь I.

² 8 июня 1868 г. Герцен писал Огареву: «... А пророс, Тата мне писала, что ты Саше проповедывал, что „брак вообще несчастье, а уж там все равно — на Терезине или на Акулине жениться“» (XX, 312).

БАЗЕЛЬ

Гравюра Ж.-М. Кольба

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

³ Цитата из песни Миньоны в романе Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера».

⁴ Вероятно, речь идет о поэме В. Гюго «Ментана». Осенью 1867 г. Гарибальди предпринял поход для освобождения Рима от власти папы. 3 ноября папские войска при поддержке французских войск разбили волонтеров Гарибальди при Ментане (городок в 20 километрах от Рима). Раненый Гарибальди взят был в плен. В ноябре же Гюго откликнулся на эти события поэмой, в которой прославил подвиг гарибальдийцев и заклеил папу Пия IX.

⁵ Польский врач *Бернацкий*, о котором см. в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой-Огаревой (М.— Л., 1929, стр. 357—358).

⁶ *Щенковичем* Герцен, очевидно, называет Щенсовича, польского эмигранта, редактора журнала «Le Peuple Polonais». В первом номере этого журнала, вышедшего 15 мая 1868 г. в Женеве, напечатана была статья Щенсовича, направленная против статьи Герцена «К польскому вопросу» («Kolokol», № 7). Возможно, что некоторое участие в составлении этой статьи действительно принимал А. А. Серно-Соловьевич (см. об этом публикацию Ф. Фрейденфельда «Листовка А. А. Серно-Соловьевича против Н. П. Огарева». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 112—113). 4 июня 1868 г. Герцен писал сыну: «Статья в „Le Peuple Polonais“ не так дурна, она скорее дерзко обходит вопрос <...> Писал ее Ченсович с Сер<но>-Сол<овьевичем>» (XX, 307).

<Ницца.> 1 июня <1868 г.>. Понедельник

Завтра, если ничего не помешает — в три с половиной мы поедем в Лион — прямо — и оттуда я вам напишу. В Лионе я бы хотел остановиться дней на десять. В Кольмаре и Мильгаузе — до 1 июля (*un peu plus, un peu moins*)*. Конечно, всего лучше тебе приехать было бы из Крейцнаха. Жить там тебе я не думаю, чтоб было хорошо для Мейз<енбург>, — но доехать и отправиться, напр<имер>, в Страсбург или Кольмар — было бы недурно.

Зачем ни ты, ни Саша (он, впрочем, ко мне совсем не пишет, даже свою брошюру¹ разослал всюду, а мне не присылал — в силу чего я поручаю тебе купить экземпляр и прислать в Лион *poste rest(ante)*)** не писали ни слова о плане Мал<ьвиды> ехать в Крейц<нах> с приложением вашего мнения. Я боюсь за Ольгу тамошнего общества (русского) — это 500 Волод<имировых>, а не одна. Мальвида ничего не увидит, разве ее сестры. Воды в Крейцнахе, наверное, пить не нужно, это бы спросить у Шифа. —

А прогорм, правда ли, что у Долгор<укова> гипертрофия сердца? Он в Интерлакене.

Переходя снова к философии *de la vie privée****, я скажу, во 1-х, идеализм не всё бывает одинакий, у Мал<ьвиды> идеализм книжный, экзальтация общими теньями — без анализа, без желания ясности. У N<atalie> — оставшиеся без малейшего разбора русско-молодые экзальтации сороковых годов. Ты говоришь, — в чем люди обманули ее? Да тут-то и бывает вся загвоздка, что все *это кажется* (как ты это не поняла — напр<имер> N<atalie> теперь думает, что идеал женщины-матери — Сатина, девушка — ее Тата. Ну, приезжай они сюда — на полгода хватит воспоминаний etc. — а потом непременно отдаление, потому что С<атин>а не идеал — а добрая саранская помещица, а Тата — вероятно чистое и благородное, но далеко не развитое существо — разве это не есть идеализм, фантазмагория, мешающая видеть то, что в самом деле? Те же отношения к Ал<ексею> Ал<ексеевичу>²).

Villari³ сказал тебе вздор — но ведь и на белом и сером веществе далеко не уедешь. Тут не физиология мозга — а физиология общественной, исторической жизни важна, социология в общем и изучение страстей и влечений в частном важны. Не верить религиозным бредням — еще не значит сводить все вопросы — на химию. В юности обыкновенно делают эту ошибку в ту или другую сторону.

Не могу я тебе писать никакой теории брака. Нормального брака нет. Это все неверные приемы — так Платон, Томас Морус писали свои идеальные республики. Брак — изменяющаяся, историческая форма отношений мужчины и женщины — друг к другу — и к детям. На сию минуту — общество требует *заявления* брачных отношений — но не верит в их христианскую неразрывность. Частно этого не переменить — надобно вводить больше и больше разума в существующее, институты. Сделан брак из религиозных оснований — а поддерживается *воспитанием и наследством*. Фурьеристы принимали все формы брака — от самого постоянного до самого ветреного (они называли *rapilions*****⁴). Уничтожай брак сколько хочешь — бед и коллизий не устранишь. Женат или нет был Отелло — он все задушил бы Дездемону, и Дон-Жуана не остановила бы, без сомнения, никакая церковь. Нравственность — дело историческое, человек, поступающий сообразно своему понятию о добре и зле, — поступает хорошо, и почти всегда под влиянием исторического развития. На сию минуту,

* немного более, немного менее (франц.).

** Разве цензура задержала? — *Примеч. Герцена.*

*** частной жизни (франц.).

**** мотыльковый (франц.).

для полной практической свободы — брак так же необходим, как капитал, наследство и др. вещи, в которые, в сущности, мы не верим.

Пуще всего следует обратить внимание на то, чтоб в понятиях было единство и последовательность. Для этого надобно много думать, да и для облегчения кой-что почитать. О втором после. Вот тебе опять диссертация.

Я послал новым путем 2500 ф<ранков> на имя Саши — пришли ли?

Скажу тебе по секрету, что чем ближе срок к Prangins, тем больше Огар<евым> овладевает страх переезда (полчаса по желез<ной> дороге!) — я при Саше говорил то же о Лозанне. Неподвижность — у него *idée fixe**. Если б я и этот раз предвидел — я отложил бы поездку, и очень. Видишь, как все сложно и трудно в жизни — шагу нельзя просто ступить.

Лиза похожа в обоих портретах. Я был с ней один, и потому прическа на моей совести — но она недурна. Да, она очень умна, и если б ты хотела — ты ей могла бы принести пользу — и даже действием на Nat<a-lie>, но не прежними путями. Самоперевоспитание — великая вещь — ты имеешь много фасилитетов** на него, — неувлекающийся характер и светлый ум.

Затем прощай. — Пиши Lyon. Poste restante.

Я послал вам Мишле Louis XVI — превосходный том. Читать сейчас.

Ольгу обнимаю и целую — рада ли она ехать в Швальбах — Руфенах — или как?

У Бернадского чемодашечка была — ну где же ему шнитво Волод<имировой> братъ⁵.

¹ Очевидно, это та брошюра, по поводу которой Герцен писал сыну 8 июля 1868 г.: «Письмо твое получил и брошюру от Тхоржевского <...> Пока скажу, что заглавие „Sulla volontà“ <„О воле“> не совсем идет» (XX, 310). Ответом на эту брошюру явилось «Письмо к сыну (о свободе воли)», 1868

² Тата — дочь Н. М. и Е. А. Сатиных, племянница Н. А. Тучковой-Огаревой, Ал<ексей> Ал<ексеевич> — Тучков, отец Н. А. Тучковой-Огаревой.

³ Паскуале Виллари (1826—1917) — итальянский историк, занимал во Флоренции кафедру истории.

⁴ В свое учение о страстях Фурье вводит термин «rapillon» (т. е. мотылек), определяя его как «страсть к порханию — потребность разнообразить свои наслаждения, порхать от одних удовольствий к другим...» («Новый промышленный и общественный мир», раздел I, гл. 1).

⁵ Речь идет о вышитой рубашке, которую Володимирова предназначала в подарок Н. А. Герцен.

<Лион.> 9 июня <1868 г.>. Вторник

Тате.

Сейчас получил твое письмо. Писать буду потом. До 15 мы в Лионе (я от Лиона в восхищенье. Завтра еду на два дня к Огареву), в Пранжен раньше 15 июля и думать нечего. Нога ноет плохо, а обмороки очень часты. Где же и как мы встретимся? Пиши на адрес Тхорж<евского>.

Дело не в том, что изучение начинается физиологией — а в том, что физиологи воображают разрешить своей частной физиологией явления социологические, и на это у них сил нет. Социол<огия> может быть сведена на физиологию, как физиология — на химию, химия — на движение; их единство знать надобно, но это такое же неопределенное, как другие, как слово бесконечность.

Книжка Саши хороша — но неудовлетворительна (а ты посмейся над его юно-авторским самолюбием, что он боялся, что ее не пропустят во Францию и что читая «La Pensée Nouvelle»...).

* навязчивая идея (франц.).

** возможностей (от франц. «facilités»).

Представь себе, если мы восстанем на то, что собаку называют собакой, а будем, сводя ее на составные части, говорить: «Ах, видите вы эту окисленную и проугленную селитро-известковую массу с железцем... и фосфором — как раз бежит по тротуару». Как мы много выиграем — а все может быть верно.

От Нефтяля письмо — он купается в счастье. Живет в New-York, и с Капном¹ приятель, и с Шурцем² приятель.

Я воображаю, что в начале июля мы будем опять в Лионе и здесь ждать. Пиши о всех проектах.

Ты знаешь, что ты денег получаешь собств^{енных} по 80 фр^{анков} с чем-то — но франц^{узских} франк^{ов} в месяц это выйдет 90.— Лиза получает 4 фр^{анка} в месяц и с тех пор из своих денег не тратит. Только здесь купила рамку для Ага³ — его она страстно любит и помнит.

¹ О Фридрихе *Kapne* см. выше, в публикации «Письма к Георгу и Эмме Гервегам».

² Карл *Шурц* (1829—1906) — немецкий эмигрант, в 1852 г. переселившийся в Америку, где он стал видным деятелем республиканской партии. Герцен сблизился с Шурцем в 1855—1856 гг., когда последний приезжал из США в Англию.

³ Ага — прозвище Огарева.

33

17 июня <1868 г.>. Lyon. Hôt^{el} de l'Europe.

Письмо твое от 13-го меня как-то удивило и сконфузило. Если б было время — я многое бы переменял бы. Для большего конфуза ты даже приблизительно не написала, когда едешь, а едешь еще по чёрт знает какой дороге — Mont Cenis'a. Знай я, мне легко было бы остаться здесь. От Кюлоза тебе было бы всего проще заехать сюда и концерттировать*. Но я не могу остаться, потому что ты ворочаешь оглобли от Кюлоза в Женеву. Ну приедешь ты в Женеву — где же ты будешь жить? Тхоржевскому я напишу — но все бесконечно спутано и неловко. Отчего было бы просто не списаться и сделать все по общему плану. Случаев много — а тебе было все равно — выехать ли к 15 — 25 и пр.

Мы едем завтра в Кольмар — и наверное там до 1 июля. Телеграфировать трудно, не зная отеля, — пиши как можно скорее.

Неужели план этот апробовал ** Dr Al. Нег^{зен}?..

Фотографию можно прислать.

В Женеве я встретил Володимирову в пирожной и ел с ней. Я и теперь стою на том, что ваши кальвинисты поступили с ней goide***. Ею легко управлять¹. — Прощай.

Если нужно телеграф^{ировать} — то телегр^{афируй} Тхоржевскому.

Будь очень внимательна — чтоб посторонние за тебя не платили, в Женеве Тхорж^{евский} может тебе дать денег.

У Огар^{ева} места нет, — да и entre nous**** Mary ходит за ним превосходно, кормит его отлично — но очень пустая женщина, себе на уме при этом и к тому же постоянно смеется. Генри² — плох из рук вон, даже у него лицо красивое — сделалось тупо. Туц³ мил и жив. С ними скука — к Касатк^{иной}⁴ я не позволю селиться. Владим^{ирова} одна с сестрой (Устинов в Эмсе)... Наделала ты кутерьмы.

Тург^{енев} Ив^{ан} Сер^{геевич} играет роль Огра***** — у себя, при королеве прусской и разных герцогинях. Визардо с ним, она писала музыку, он — либретто, и таким образом стал придвор^{ным} шутом⁵.

* В автографе схематическое изображение дороги из Кольмара в Лион. — *Ред.*

** одобрил (от франц. «approbation»).

*** жестко (франц.).

**** между нами (франц.).

***** людоеда (франц.).

Как вы с прислугой? Пиши: Colmar (poste resta<nte>). Haut Rhin.

Я Саше писал, что ему лучше приехать с Т<ерезиной> после, когда она выучится по-франц<узски> — что жетак возить, как куклу, — никто ни слова.

¹ Володимирова вынуждена была покинуть Флоренцию под давлением А. А. Герцена, недовольного ее поведением. Герцен отнесся ко всему этому крайне неодобрительно (см. XX, 202). *Кальвинистами* Герцен иронически называет здесь сына и его флорентийских друзей за их нетерпимость.

² *Генри* — Сетерленд, сын Мери Сетерленд, воспитанник Огарева.

³ *Туз* (Тутс) — внук Герцена Александр, сын Александра Александровича и англичанки Шарлотты Гетсон. В тот период, к которому относится комментируемое письмо, жил у Огарева.

⁴ Елизавета Васильевна *Касаткина* — вдова эмигранта В. И. Касаткина.

⁵ В Баден-Бадене Виардо ставила силами любителей музыкальные пьесы, текст для которых сочинял Тургенев. Домашние спектакли Виардо посещались прусской королевской семьей.

34

<Люцерн.> 24 июня <1868 г.> Среда

Тате.

Очень рад, что все с рук сошло. Жаль, что Hôtel de la Poste постоянно набит мерзким обществом немецких сидельцев.

Подробности и пр. в другое время. Альзас с виду беден — но интересен — и имеет свой ум и сильное образование.

Я везде был принят превосходно. Брат Шофура¹ играет здесь роль, очень умен, очень образован — и холит меня, как хорошего гостя.

25 или 26<-го> — мы в Мюльгаузе, и там я буду ждать ответа на это письмо. Coup de tête* кончен — теперь надобно опять привести в порядок. Ответ на это письмо придет 28 или 29<-го>, я его получу в Мюльгаузе. Я готов в М<юльгаузе> ждать до 5 июля и могу выехать тебе навстречу — в Базель, — если ты думаешь, что границу переезжать трудно (есть ли у тебя паспорт, — обыкновенно не спрашивают, но на случай).

Ты можешь в Женеве остаться, еще несколько дней, должна заехать к Мар<ье> Каспар<овне>, и тогда или написать мне день и train**, в котором ты приедешь в Мюльгауз, или день и train, когда ты приедешь в Базель. От Базеля до Мюльгауза час и десять минут.

Может, и мы из Мюльг<ауза> переедем все в Базель, чтоб поездить по Север<ной> Швейцарии — в этом случае мы встретиться можем в Базеле. Alles is möglich***. Я предоставляю тебе решение — но исполнение — себе, и, главное, точность во времени требую огромную. Никакой рассеянности, помехи не принимаю — это всё вздор и невниманье — есть почта, есть телеграф.

Хочешь ты приехать в Мюльгауз?

Хочешь в Базель — и чтоб я за тобой приехал?

Или в Базель, когда все мы будем там? А

Пиши сейчас.

Прощай.

Р. S. Получил от Саши письмецо. Жаль мне его... Вот отдать бы в большой пансион в Бебленгайме² Терез<ину> на год — была бы она несколько отшлифована.

¹ *Шофуры* — французская семья из Кольмара. Братья Шофуры, Игнатий и Виктор, были депутатами Учредительного собрания в 1848 г. Вся семья восторженно встретила Герцена, посетившего в июне 1869 г. их имение в Кольмаре.

* безрассудство (франц.).

** поезд (франц.).

*** Всё возможно (нем.).

² *Пансион в Бебленгайме* — закрытое женское учебное заведение близ Кольмара. Герцен посетил Бебленгайм в июне 1868 г. (об этом посещении подробно рассказывает Н. А. Огарева в XV—XVI главах своих «Воспоминаний»). В письмах к Огареву и к Мейзенбург Герцен с большим уважением отзывается о руководителе пансиона, педагоге Жане Массе (см. XX, 383, 388).

35

27 июня <1868 г.>. Суббота.

Mülhouse (Haut Rhin). Hôtel Romanu<m>

Тате.

Любезная Тата,

Тут нечего телеграфировать и некуда торопиться (письма все получены — я так меры беру, что вам заботиться нечего). Я полагаю, что à la longue * жить так, как ты живешь в Женеве, — невозможно, но неделя больше, неделя меньше ничего не значит. В Кольмар и Альзас ты не попала потому, что писала мне, что едешь в конце месяца — а поехала до 15<-го>.

Теперь мы можем съехаться в Базеле... Даже в Люцерне... положим, что 1-го или 2-го июля мы будем в Базеле, и я напишу тебе — ты отправишься в Берн (ездить в Берн и воротиться в Женеву — такая нелепость, о которой и говорить нельзя), и оттуда напишешь: «Я еду с таким-то train**, — в столько-то часов...». Я буду ждать. В Берн ты можешь ехать хоть завтра — я напишу тогда и Мар<ье> Касп<аровне>¹ (но и ты должна тотчас написать). — Стало, программа с варьянтами дана.

Теперь вот вопрос: α) Когда Огарев в состоянии ехать в Prangins? β) Думаешь ли ты, что он может без ухода своего остаться две недели и больше?

Сейчас развернул газеты и прочитал о смерти сенатора Mateucci² — неужели это наш? Его ужасно жаль было бы.

Не знаю, что будет от свиданья (мне очень жаль, что ты ни N<atalie>, ни Лизе никогда не пишешь, этим ты поддерживаешь даль) — но, кажется, ты могла бы принести пользу Лизе (изменивши все в наружном). Учится она нехорошо, т. е. теперь совсем нет уроков, — это всё вздор, главное ум — но надобно стараться отстранить баловство. Но все это зависит вполне от тебя — Liberté, égalité! ***

Сегодня 27<-е> суббота — письмо это придет 29<-го, в> понедельник, ответ на него 31-го <!> или 1-го июля (среда или четверг), а потому пиши: Bâle, poste restante. Стало, в четверг я буду знать, что ты делаешь, — а в субботу ты получишь мой ответ.

Прощай.

Привези гид Берлатта.

О романе Толст<ого> надобно толковать много. Общая картина верна и интересна (вопреки Огарева-Мерчинского amendement ****) — лица плохе, а есть места просто глупые, да ведь у Толстого-то есть тоже глупые места. Ты знаешь, что Тург<енев> играет роль шута (Ogre) в Баден-Бадене перед королевой прусской.

¹ В июле 1868 г. Н. А. Герцен поехала к Марии Каспаровне Рейхель в Берн.

² Карло Матеуччи (1811—1868) — итальянский физик, в 1862—1863 гг. — министр просвещения. Герцен опасался, что после смерти влиятельного Матеуччи в Италии начнется преследование прогрессивной науки (см. об этом в письме Герцена к Огареву от 30 июня 1868 г. — XX, 390).

* долго (франц.).

** поездом (франц.).

*** Свобода, равенство! (франц.).

**** поправкам (франц.).

2 июля <1868 г.>. Bâle.
Hôte] Trois rois, № 3

Твое письмо к N<atalie> пришло тотчас после отправления. Я пишу только для того, чтоб сказать, что торопиться не надобно, — а сговориться — необходимо. — Но, во-первых, о Мар<ье> Касп<аровне> — я для

ГЕРЦЕН

Шуточный фотомонтаж С. Л. Левицкого с дарственной надписью Герцена дочери Ольге: «Два папы, экзаменующие Ольгу — или совещающиеся после экзамена. 10 апр(еля) 1865»

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотоотпечатку

Исторический музей, Москва

детей тебе разрешаю потратить от 50 до 60 руб<лей> не на игрушки, а на серьезные подарки. Если Мар<ье> Касп<аровне> нужны деньги, ты тонко намеки, что я всегда готов прислать от 200 до 500 фр<анков>. Далее о путешествии: 1-е, мы едем в субботу — если есть сильное

желание видеть Шафгаузен, пиши,—а нет — так приезжай просто в *Люцерн*, по получении письма и назначив день. Тхор<жевский> думает, что до 1 авг<уста> делать нечего,— тогда в Люцерне можно остаться.— Ты многое поправила твоим письмом, на эти вещи надобно иметь свой такт.

Видя положение Долг<орук>, я, разумеется, не хочу продолжать с ним ссоры¹. Ездить к нему — я не думаю, чтоб нужно было,— но спросить о здоровье через пана (если хочется)— можно.

Прощай.

Скажи Тхор<жевскому>, что и его письмо пришло — и что всё all right *. А Долг<орук> пусть он не говорит, когда я буду в Luzern'e — а то он, пожалуй, выпишет меня.

Итак, обдумай насчет пути, привези пана. — Во всяком случае, мы едем в субботу. А потому писать — с пятницы вечера:

Luzern (poste restante).

Если напишешь завтра утром, письмо придет.

Веди счет деньгам, которые взяла у Тхоржевского.

Зачем, видевшись с Касаткиной, ты не взяла у нее тетрадь, о которой хлопотал Тхорж<евский>².

Адол<ьф>³ должен almeno ** брать по 5 фр<анков> за каждый визит, хотя бы их было 500, с Долг<орук>.

¹ 3 октября 1867 г. Герцен писал сыну из Женевы: «Кн<язь> Долгоруков уехал отсюда в самых дурных отношениях со всеми, написал глупую брошюру против Бакунина и, вообще, идет по дороге примирения с правительством» (XX, 17—18). Вскоре Герцен окончательно порвал отношения с Долгоруковым (XX, по указателю). 20 декабря Герцен сообщает Тургеневу: «Долг<орук> все пакостничает, а потому я преврал дипломатические сношения...» (XX, 117). На почве идейных разногласий временный разрыв отношений между Герценом и Долгоруковым имел место и осенью 1866 г. (см. об этом в публикации Н. Н. Захарьина «Из переписки П. В. и В. П. Долгоруковых с Герценом и Огаревым» («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 126—132)).

² Вскоре после смерти В. И. Касаткина, 4 января 1868 г. Герцен писал Огареву: «Надобно бы взять „Записки“ декабриста у Касаткина» (XX, 128). Эта рукопись, чрезвычайно интересовавшая Герцена, находилась у вдовы Касаткина, Елизаветы Васильевны (см. XX, 306). О каких «Записках» декабриста шла речь? Ответ на этот вопрос дает предисловие к «Etudes historiques sur les héros de 1825 et leurs prédécesseurs, d'après leurs mémoires» («Историческим очеркам о героях 1825 года и их предшественниках, по их воспоминаниям») Герцена, напечатанное в № 9 «Kolokol» от 15 июня 1868 г. «Настоящая глава есть отрывок из первой части мемуаров Ивана Якушкина. Мы так и не добились второй, положительно обещанной нам нашими друзьями, у которых дружеских чувств больше, чем аккуратности. Есть такие странные владельцы, которые наивно думают, что подобные мемуары могут быть частной собственностью. Не только родственники и наследники, но и лица, получившие по счастливой случайности копию, запирают ее под замок, играя таким образом мало благородную роль собаки, которая с ревнивой скупостью стерегла сено, не нужное ей самой» (XX, 340—341).

В 1862 г. Вольной русской типографией были изданы первые две части «Записок» Якушкина, так что речь, собственно, шла о третьей части. В цитированном предисловии Герцен имел в виду Е. В. Касаткину, которая, очевидно, уклонилась от продажи рукописи. Однако и после этого Герцен не отказался от своего намерения получить интересовавшую его рукопись. В комментируемом письме Герцен выражает сожаление, что Наталья Александровна не использовала для этого свое пребывание в Женеве, где жила Касаткина.

В конце концов рукопись была, очевидно, передана Огареву; это явствует из письма к Огареву от 6 августа 1868 г.: «Не могу понять, как ты удержался и не прочел записки, отданные Касаткиной» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 418). Герцен не успел издать третью часть «Записок» Якушкина; она была напечатана (вероятно, по другой копии) в 1870 г. в «Русском архиве».

³ Адольф Фогт (1823 — 1907) — брат Карла Фогта, врач в Берне.

* в порядке (англ.).

** по меньшей мере (итал.).

31 июля <1868 г.>. Серед¹. Bâle.
H<ôte>l Trois rois, ch<ambre> № 3

Твоя записочка пришла. Самое лучшее встретиться в Люцерне — пожалуй, мы переедем туда в субботу утром или в пятницу. Можно даже встретиться в Olten — если ты не видела рейнского водопада *. Но можно съездить и из Люцерна. День зависит от тебя, живи хоть две недели в Берне — если не à charge ** Мар<ье> Касп<аровне>.

Смерть Матеучи меня поразила — больше, чем положение Долгор<укова>². Какая сила и какая свежесть. Теперь будут гнать свободную науку.

Итак, я жду ответа kategorisch ***. «Я еду в Базель»... train... час... «Я еду в Люцерн»... час... train... число. Полагаю, что в Люцерн ближе и проще — *далее субботы* я здесь не останусь.

А что же ты у Касаткиной не взяла рукопись³?

Жду описания о свидании с Марь<ей> Касп<аровной> — удивление Рейхеля.

К Frölich'am⁴, само собою разумеется, ходить не надобно — они негодяи.

К Адольфу надо⁵.

К старушке⁶, если она хочет.

Всех Рейхелей обнимаю.

¹ Очевидно, ошибка Герцена: 31 июля 1868 г. — не среда, а пятница.

² См. примеч. 2 к письму № 35.

³ См. примеч. 2 к письму № 36.

⁴ О Фрелихе см. по указателю.

⁵ Адольф — Фогт. См. примеч. 3 к письму № 36.

⁶ Старушка — Луиза Фогт, вдова Ф. Фогта, мать Карла, Эмиля, Адольфа и Густава Фогтов.

Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ¹

18 <сентября 1868 г.>. Пятница. Париж.
Grand Hôtel du Louvre № 221

Наконец я имею время порядком сказать о свидании с Б<откиным> и имею сказать положительно о результатах его².

Еще раз я должен заметить, что вниманием, умом и патологической догадливостью — он выше других мною виденных докторов. К тому же он в самом деле сердечно принялся за меня. Я запишу и расскажу многое после³ — напр<имер>, осмотр всего организма, измерение слуха, зрения**** и пр. Теперь результаты. 1-е. В самом диабете сомнения нет, четыре разложения, сделанные им при мне, доказывают ненормальное выделяние сахара. 2-е. Причину болезни он прямо относит к мозгу и психическим потрясениям и считает начало по крайней мере за 4 года (подумай, что тогда было!)⁴. 3-е. Что организм так здоров, что он быстро выполняет уносимое сахаром, — и опасности, чтоб болезнь взяла быстро дурной перелом (как полагает Фогт), — он не предвидит. Но запускать нельзя ни под каким видом. 4<-е>. Ехать в Виши, пить воду от 4 до 5 недель, брать не очень долгие теплые ванны — и затем выждать весны. Если симптомы

* В автографе далее схематическое изображение пути между Базелем и Берном. — Ред.

** в тягость (франц.).

*** категорически (нем.).

**** до щекотанья пятки. — Примеч. Герцена.

уменьшатся, лето<м> — ехать *снова* в Виши. Если симптомы увеличатся, — ехать в Карлсбад. 5<-е>. Ни Виши, ни Карлсбад радикально не вылечат, но служат отводом, отводом временным, а потому — *непрерывно* ездить *ежегодно* на месяц (это всего скучнее). 6<-е>. Без сильных психических потрясений — при таком организме болезнь не страшна на несколько лет. Но новые удары или заботы — опаснее всякого нарушения диеты. 7<-е>. Диеты глупой он не требует.

Мясо должно составить *fond** еды — но хлеб в малом количестве. фрукты, молоко с кофеом — тоже в малом количестве, он допускает и говорит, что одно мясо может надоесть до отвращения. Далее — пиво, сколько можно, совсем исключить, водку свести на капли, красное вино, Бордо и Бург<ундское> — разрешено.

Худшее во всем этом из наружного — состоит в том, что Виши совсем не так близко к Лиону, как я думал — потому что крюк устроен дурно — все же 4 с чем-то часа. Этого я не ждал. Ездить на день можно.

Теперь мой план таков. Я поеду 20 или 21<-го> (в один день с Б<откиным>) в Виши — осмотрюсь там и 23<-го> буду в Лионе в нашем Hôtel de l'Europe (кажется так, словом у Крепо⁵). Ты сейчас напиши подробное письмо и адресуй в Vichy — *poste restante*. В Лионе я тебе сообщу, что лучше, — подождать вам в Лионе или ехать. Б<откин> считает, что в начале ноября окончится весь курс — я съезжу в Женеву — и потом готов до весны ехать на юг и побывать в Ницце или остаться. Это по твоему выбору. Вот всё.

Теперь насчет Огар<ева>. Боткин говорит, что Люке — знаменитый хирург — вроде Нелатона и Лангенбейка. — и советует с ним повидаться и для того съездить в Берн, чтоб порядком осмотрел он. Но его мнение то, что операция нелегка, — а если придется действовать ножом, или ломать кость, или резать, — он решительно *против* и говорит, что есть самые печальные шансы. В сущности, он не за операцию — будь она сколько-нибудь сложна. (Огар<еву> не говори).

Здесь Вас<илий> Ботк<ин> (я его не видал) — весь больной, ревматизм во всех суставах. Его возят катать. И Николай Ботк<ин>⁶ здесь. Вас<илий> разбогател страшно и скуп до невозможности.

Итак, я жду письма в *Виши, départment d'Allier***, можете тоже написать мне в *Лион, Hôtel de l'Europe*. Я приготовлю комнаты и всё. Не беда, если записка будет лежать в Лионе. Напиши подробно об отъезде. Я буду телеграфировать из Vichy — в Женеву на имя Тх<оржевского> или От<арева>.

24<-го> в четверг ты можешь быть в Лионе — или 23 в среду.

Устрой, чтоб Лиза простилась с Ага. Вам необходимо ехать Женевой — останов<итесь> в *Schweizerhof'e*, возле гары *** или в *Hôtel de la Russie*.

¹ Адресатом настоящего письма является Н. А. Огарева. Это подтверждается написанным в тот же день письмом к Н. А. Герцен, которое начинается фразой: «Подробности обо мне ты все узнаешь из письма N<atalie>» (см. письмо № 39).

² В 1868 г. Герцен встречался с С. П. Боткиным в Париже в сентябре.

³ В тот же день Герцен написал письмо Огареву, в котором в сходных выражениях рассказывает о диагнозе С. П. Боткина («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 421—422).

⁴ В декабре 1864 г. погибли от дифтерита двое детей Герцена и Огаревой.

⁵ Крепо — очевидно, хозяйин гостиницы в Лионе.

⁶ Николай Петрович Боткин — брат Василия Петровича и Сергея Петровича Боткиных.

* основу (франц.).

** департамент Алье (франц.).

*** вокзала (франц. «la gare»).

〈Париж.〉 18 〈сентября 1868 г.〉. Пятница¹
Тате.

Подробности обо мне ты все узнаешь из письма Nat〈alie〉. Укладывайся и отправляйся в Лион. Далее увидим.

Пишу к тебе особо, чтоб сказать, что Полину я Левицкую видел. Сер-гей Лъв<ович> уехал в день моего приезда. Полина² подурнела — но очень добродушна, мила. У нее огромный голос (я не слышал, но по общему отзыву) — первый учитель здесь, дающий уроки даже Nilson³, — ее учит — Vartel⁴ — и думает, что ей следует дебютировать в *Париже*, в *Опере*. Was sagen Sie dazu? * Я пойду к ней до отъезда.

Об тебе и Ольге всё расспрашивала — она вас очень любит.

Сашу я встретил в Нефшателе — train остановился на 10 минут. Саша дал мне в вагон кусок курицы и полбут<ылки> красного вина. Дарделя он не застал. — Жаль мне ужасно его стало... когда поехал. Какой безумный поступок он сделал. Авось-либо судьба вынесет.

Ну а что же Ольга и Мейз<енбург>, куда, как? Пусть тотчас напишут адрес — куда им писать.

Пока прощай.

Поцелуй Лизу. Неужели ты не устроила с ней правильных занятий? Когда получена телеграмма? Я ее послал в 12 часов утра.

¹ Письмо это мы относим к сентябрю по связи с письмом № 38 (к Н. А. Огареву). См. примеч. первое к письму № 38.

² Сергей Львович Левицкий — двоюродный брат Герцена. — Полина — его дочь.

³ Христина Нильсон — выдающаяся певица, дебютировала в Париже в 1864 г.

⁴ Пьер-Франсуа Вартель — певец и профессор пения Парижской консерватории.

22 сент<ября 1868 г.〉. Vichy. N(ôte)l des⁷ Ambassadeurs

Ну, Тата, как тебе Лион? Дали ли вам комнаты с видом? Я ничего, чувствую себя хорошо — подробности скажет и прочтет Nat〈alie〉. Я всё думаю, что лучше — ехать вам или нет, — т. е. ждать в Лионе, — и не при-думаю. — Теперь, Тата, я тебя еще больше и серьезнее прошу сосредоточить полсил на Лизе, а другой половиной буди самое себя. Чтение всегда есть серьезное — даже ботаника и зоология, книги об инсектах ** представляют много.

С Лизой сложи всякую строптивость и негодование. В негодование*** и нетерпенье — часто гнездится, маскируя себя, эгоизм или лень.

Здесь заниматься досуг — всё, как в Ницце, запирается к 1-му октяб-рю. Гулянья и окрестности очень милы. Сам город ничего — это «перед-банник». N〈atalie〉 тебе объяснит это слово.

Напиши, как уехала Ольга и в каком направлении и расположении. Она мне говорила, что ей надоело так жить — то есть не вместе.

Ну, обнимаю тебя и целую.

Об Огар<еве> мнение Б<отки>на в том, что если операцию нельзя сде-лать без ножа (резекция, спиленье наростшей кости), то и не делать, а про-сто хромать. У Огар<ева> кровь плоха, и он слаб — того и гляди гангрена, т. е. смерть. Стало, и этот вопрос совершенно ясно поставлен. Вообще четыре дня с Ботк<иным> мне открыли глаза на бездну вещей. Как вы оставили Огар<ева>?

〈Целую〉 Лизу в лоб, в середину...

* Что вы на это скажете? (нем.).

** насекомых (от франц. «insectes»).

*** В автографе по-видимому описка: недогодование. — Ред.

 Напомни о капитане, выбросившем на ледян<ом>океане 10 мальчиков, — и о литераторе, убившем себя в Париже¹.

¹ О каких событиях идет речь в последних строках этого письма — установить не удалось.

41

<Виши.> 25-го сент<ября> 1868 г.). Вечер
Hôtel des Ambassadeurs

Итак, вы полагаетесь на мое решение, — я думаю, что лучше ехать сюда, — и зову вас очень. Вчера писал Natalie, сегодня пишу другой, т. е. тебе. Сойдите в вашу душу и скажите — твердо ли решение мира и совета. Если нет — стыдно. Если да — зову во весь голос.

Квартира провизуарно * на 1-м этаже. Внизу англичанка одна, с добрым видом и совершенно хромая от подагры, ей лет 25. Мешать не может.

Если будут скверно кормить (мы будем есть одни) — переедем.

Не теряйте времени — и приезжайте. Если нет денег, телеграфируйте, сколько надобно, и еще раз прошу за 24 часа известить. Приезж<ают> из Лиона в 4 часа и в 7¹/₂; приезжайте в 7¹/₂ — для вас удобнее. Из Лиона выезжают в час, кажется.

Я, действительно, постараюсь заменить школу собой.

Лизу очень целую за письмо, писать буду ей — когда она приедет. Я тоже видел Мориса из Лозанны в Hôtel de Russie.

Насчет Огар<ева> я писал тебе — ясная необходимость знать мнение Люке, без этого все болтовня. Ни резать, ни ломать кость я не позволю — ни в самомалейшем размере. Боткин укрепил меня.

Я никогда не был здоровее, как в эту болезнь. Воду пью — и ничего. D<octo>г спрашивает: «Ну что ванны?» — агитация, протрация, аффектация, — а я ничего. Сахар сведен с 4¹/₂ на 1¹/₂. Я уверен, что 22 октября мы поедем назад.

Торопиться очень нечего — два, три дня позже ни копейки не стоит.

42

Н. А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ и Н. А. ГЕРЦЕН

4 нояб<ря> 1868 г.). Середа. Genève.
Hôtel de la Paix № 14

Пишу только для того, чтоб сказать, что я приехал в Женеву — не нашел места в Hôtel de la Russie (Юсупов¹ взял целый этаж) и поместился в Hôtel de la Paix. Бакун<ина> встретил тотчас. Он и прост, как ребенок, и хитер, как дети. И жаль его, и досадно.

Огар<ева> застал довольно хорошо, он ходит побольше и без костыля. Тхорж<евский> уверяет, что он совсем переменился, когда узнал, что операций не будет — помолодел. Мне кажется, что он немного потолстел — но не хорошо, это от передеденья без движения.

Тхор<жевский> здоров. В Женеве солнце и светло.

От Саши письмо из Мюнхена.

Мне так много — так необходимо много сказать, что жду с нетерпением адреса. — Целую Лизу — и жду адреса **.

Бак<унин> и Тх<оржевский> говорят, что я похудел и посвежел, — это хорошо.

Вырубов мне писал — в Марселе не знает никого — Лугинин на днях будет в Париже — и собирается через Ниццу в Италию.

От Мейз<енбург> письмо к Тате.

В Hôt<el> de l'Europe принесли корсет и мелочи Таты.

* временно (от франц. «provisoirement»).

** Лизе скажи, что все-таки на боку синее пятно и рука болит при движении от паденья на желез<ной> дороге. — Примеч. Герцена.

Я не нашел здесь совсем новый жилет, отданный в Vichy в стирку — не у вас ли?

Natalie и Tate — пишу наудачу — poste restante.

¹ Вероятно, князь Николай Борисович Юсупов (1827 — 1890) — внук того Н. Б. Юсупова, которому Пушкин посвятил стихотворение «К вельможе» и о котором Герцен писал в первой части «Былого и дум».

43

Женева. 7 ноября <1868 г.>. N<ôte>l de la Paix

Многого на твое письмо сказать не могу. Разумеется, я согласен на всё, — и меня, может, больше всего мучит то, что все это несущественно и ставится выше существенного.

У меня была моя мечта, и в моих глазах она была очень поэтична. Лиза никогда не должна бы была менять имени — а знать должна была, что она моя дочь, — это было бы традицией Огарева, — но это не удалось. Главное, что я боюсь, — это за форму передачи ей, за смущение всех понятий. И потом, разве не следует тотчас писать Ольге? Я очень, Тата, во всем надеюсь на тебя. Я много раз говорил тебе, что я находил в тебе больше такта, пониманья — а, может, и сочувствия. Потому мне легко было говорить тебе и при тебе. N<atalie> недовольна, что я говорил при тебе — но я этим положил предел.

Прошу тебя об величайшей обдуманности, — старайся иметь мягким разумом влияние на N<atalie>. Пуще всего, уж если Лизе сказано или сказано будет, привяжи ее к себе и замени долею меня.

Если б, Тата, у тебя немного самостоятельности артистической или другой — да больше мягкости и уменья к слабому — жизнь твоя пошла бы хорошо да и ты сделала бы страшную пользу Лизе.

Что касается до твоего нравственного паралича, не дозволяющего тебе ни рисовать, ни петь, — это мое больное место. Когда же ты проснешься?

Огарев очень доволен портретом.

Суббота — 3 часа

Получено ли мое письмо poste restante — в нем было письмо от Елизаветы¹. Если нет — сходи.

Hôtel Catalon — а отчего нет улицы? Всё у вас à peu près*.

¹ Елизавета — горничная Н. А. Тучковой-Огаревой в Ницце.

44

10 нояб<ря> 1868 г.>. Hôtel de la Paix. Genève

Милая Тата,

Ты так неопределенно пишешь, что я не понимаю — получили вы два письма или нет? Во вторник было от Мейзенб<уг> одно. Я его послал, помнится, 6-го.

Вчера в десять вечера Огарев пошел один к себе в комнату, совершенно здоровый — я и Чернецк<ий> шли за ним, — вдруг он остановился, стал в угол и, если б мы не подхватили, — расшибся бы страшно о кровать¹. Этот раз — на 14<-й> день.

Прибавить к тому, что я писал, не могу ничего. Я устал от этих бурь и хочу устроить покой и занятия; ты можешь очень полезно действовать на Лизу при старании и вниманье.

Издание «Колок<ола>» в 4 листа — дело нешуточное, и без меня он не выйдет в срок. Огар<ев> к срочной работе вовсе неспособен. К тому же он

* приблизительно (франц.).

небрежен. Представь себе, что он позволил Бак<унину> записать свое имя в новый клуб, заводимый тем, — и о котором Ог<арев> ничего не знает. Когда я его спросил, как его имя фигурирует, — он сначала не знал, а потом сказал: «Да, да, Бакун<ин> мне сказывал, что запишет меня»². Прежде 20 нояб<ря> не думаю, чтоб можно было ехать. Бумаги Долгор<укова> еще не разбирал³. Чернецк<ого> надобно беспрестанно подстегивать. С Записками Мейзенб<уг> опоздал⁴. Сегодня будет, кажется, адвокат из Берна.

Суслиха выдала в Петербурге медицинскую книгу⁵. Я вовсе не знал, что она брала уроки у Мерчинского⁶. Его я раскусил больше теперь — это славный человек и очень умен.

Густав Фогт в негодований велием за мою статью о Конгрессе, поляки опять меня оттащали в «Неподлежности»⁷, а «Былое и думы» на франц<узском> все советуют издавать. Чини карандаш⁸.

Кельсиева в газетах ругают на чем свет стоит⁹. Пришлю образчик.

Как же вы записались в hôtel'e? Я не знаю, как адресовать — да и полагаю, что все же следует спрашивать на имя Nat<alie> Og<areff> письма. Не худо бы спросить в bureau de la poste aux lettres — à Nice*, нет ли писем?

Не знаю отчего, но мне больно, что Лиза переменит имя, мне дорогое. Это обрыв традиции. Огар<ев> тебе писал — он, как всегда, чист и широк — даже был бы силен, если б не апатия и распушенность.

Целую тебя и надеюсь на тебя.

Я совершенно согласен остаться на зиму в Марселе — посмотрите дачку — или домик.

Жди Устинова одного, едет в Барселону, а бабье здесь.

3 часа

Письмо ваше до того удивило меня, что я не знаю, что и делать. Куда писать? Буду ждать из Канна вести. Неужели вы не могли подождать до 25-го ноября — когда я живу 7 дней в морозе и бизе.

Au reste, да будет святая воля ваша.

Natalie, я решительно безусловно согласен на все, что ты желаешь. — Аминь же.

Топор<нин>¹⁰ отправил швейцара¹¹ сегодня в Россию, в Тамбов — сам едет весной.

Почему не телеграфировали?

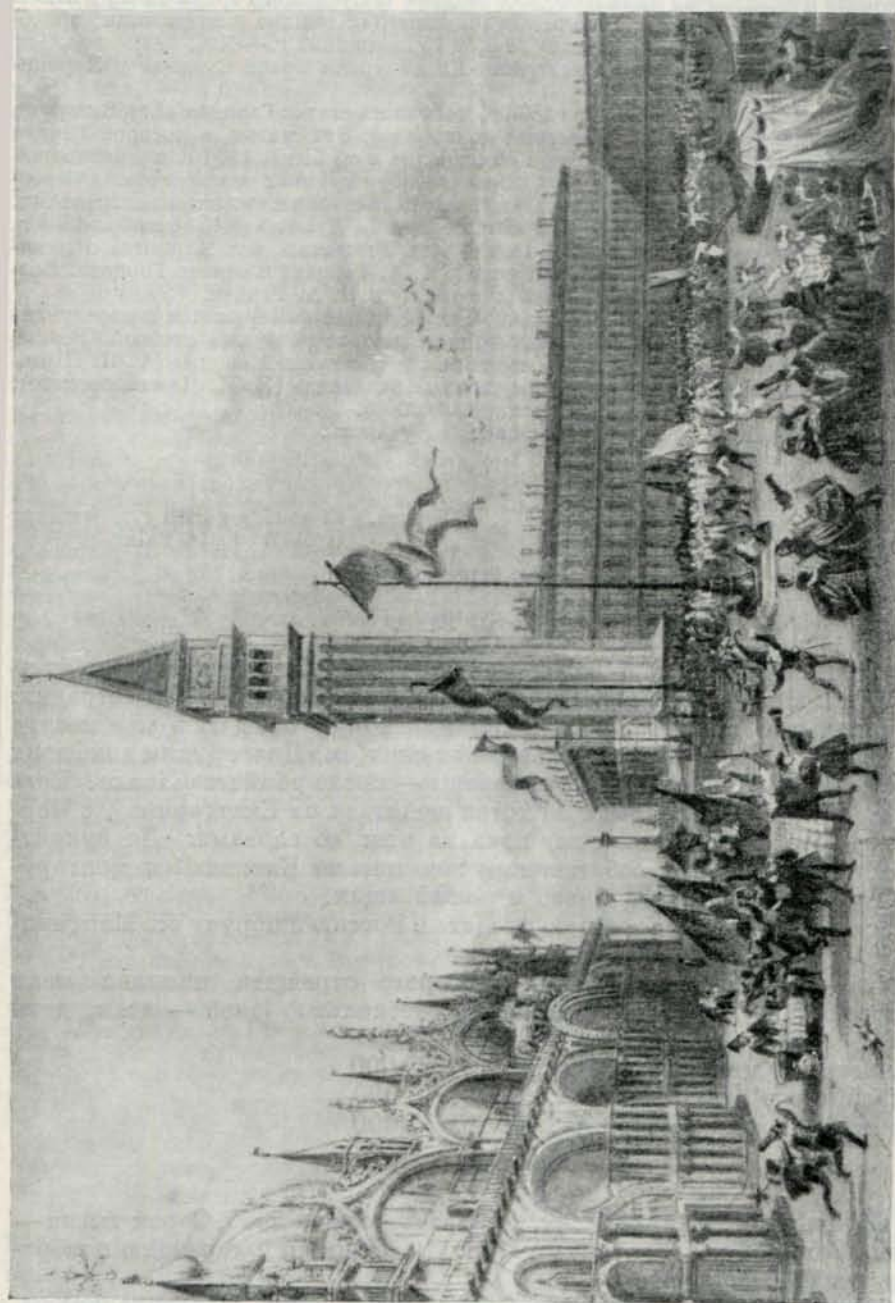
¹ Огарев, как известно, страдал припадками эпилепсии.

² Осенью 1868 г. Бакунин основал «Alliance internationale de la démocratie sociale», беспощадно осужденную Марксом. По настоянию Герцена, Огарев вышел из «Альянса». За два дня до того, как было написано комментируемое письмо, Бакунин писал Огареву: «Сообразно желанию Герцена и твоему *новому* желанию, я вычеркнул твое имя из списка членов „Нового Союза“» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 323; в этом издании цитированное письмо Бакунина неправильно отнесено к 1867 г.).

³ П. В. Долгоруков умер в Берне 17 августа 1868 г. В последние годы своей жизни Долгоруков сблизился с С. Тхоржевским и завещал ему часть имущества и свои бумаги с обязательством их издать. О судьбе этих бумаг, которыми царское правительство завладело с помощью агента III Отделения Романа, см. в книге: Р. К а н т о р. В погоне за Нечаевым. Л., 1925. См. также сообщения: Н. Н. З а х а р ь и н. Из переписки П. В. и В. П. Долгоруковых с Герценом и Огаревым («Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 126—132); Л. Я. Г и н з б у р г. Poleмическая заметка для седьмого номера «Колокола» («Лит. наследство», т. 63, 1953, стр. 708—741).

⁴ Первая часть «Воспоминаний идеалистки» М. Мейзенбург (на французском языке) печаталась в Женеве у Чернецкого, в типографии, переданной Чернецкому Герценом; вышла эта книга в 1869 г. Герцен писал Мейзенбург 12 ноября 1868 г.:

* почтовой конторе в Шиппе (франц.).

КАРНАВАЛ В ВЕНЕЦИИ

Гравюра братьев Руаргов из книги X. Магнйег «Voyage pittoresque en Allemagne», 1859

«Видеть Венецию необходимо так, как Неаполь — человек не полон без этого» (Из письма к Н. А. Герцен от 18 февраля 1867 г.)

«...Поддразниваю, подзадориваю и проверяю Чернецкого, чтобы он помог вашей памяти или вашим воспоминаниям» (XXI, 149).

⁵ Надежда Прокофьевна Суслова — в 1867 г. первая из русских женщин получила диплом доктора медицины (в Цюрихе). В 1868 г. в Петербурге вышла книга Сусловой «Прибавление к физиологии лимфатических сердец». О Сусловой Герцен писал в заметке «La femme et le prêtre admis au droit de l'homme» («Женщина и священник, приобщенные к правам человека» — «Kolokol» № 9 от 15 июня 1868 г. — XX, 372).

⁶ В. Мерчинский — польский эмигрант. Какие уроки брала Суслова у Мерчинского, нам неизвестно.

⁷ В № 13 «Kolokol» от 15 октября 1868 г. появилась статья Герцена «Les Russes au congrès de Berne» («Русские на Бернском конгрессе»). Эта статья, в которой Герцен скептически оценивал бернский конгресс «Лиги мира и свободы» 1868 г. и вообще деятельность Лиги, вызвала крайнее неудовольствие буржуазных демократов. «Niepodleglosc» («Независимость») — газета, издававшаяся в Швейцарии польскими эмигрантами.

⁸ В №№ 12, 13, 14-15 «Kolokol» и в «Supplément du Kolokol» (с 15 сентября 1868 г. по 15 февраля 1869 г.) печаталось: «Cogitata et visa. Fragments des Mémoires d'Isander. Quatrième volume (1848—1853)» в переводе А. А. Герцена и самого Герцена. Возможно, что Герцен предполагал привлечь к переводу и Н. А. Герцена.

⁹ В 1868 г. в Петербурге вышли книги В. И. Кельсиева «Пережитое и передуманное» и «Галичина и Молдавия», крайне отрицательно встреченные прессой. Резкие отзывы на «Пережитое и передуманное» появились в «Вестнике Европы» (А. Н. Пыпина), в «Неделе» (Д. Д. Минаева), в «Отечественных записках» (Н. К. Михайловского).

¹⁰ О Топорнине см. ниже примеч. 2 к письму № 45.

¹¹ О ком здесь идет речь, нам установить не удалось.

45;

⟨Женева.⟩ 12 нояб⟨ря⟩ 1868 г.⟨. Четверг
Hôte⟨l⟩ de la Paix

СОВОРНОЕ ПОСЛАНИЕ

Natalie и Tate.

Наконец я au large* в бумагах Долгорукова, je patauge et je me vautre**. Много интересного — какой-нибудь Касаткин умер бы на тетрадах. Всё в довольном порядке, и я Тхорж⟨евскому⟩ обещаю в мае месяце начать издание «Материалов, оставленных княз⟨ем⟩ Долгоруким для своих записок». Есть письмо Марии Федоровны — после убийства Павла. Есть записка о ссоре Орлова, когда он хотел жениться на Екат⟨ерине⟩, с Чернышевым, который за столом ему показал нож, со словами: «До рукоятки», и есть либеральное, собственноручное письмо Каткова!! к Долгорукову. Словом, интересного много и целый ящик.

Записки Карабанова я советую продать в Россию и поручу это Мер⟨чинскому⟩¹.

Деньги, — сказал мне Ломбар, которого стращать посылал меня Тх⟨оржевский⟩, — будут выданы через ⟨несколько⟩ дней — итак, дело выходит.

Деньгами с лиш⟨ком⟩.	20 000
Библиот⟨ека⟩ около	10 000
и вещи, купоны etc.	5 000

35 000

Да на книгах, т. е. рукописях, выиграть можно 5000. Сорок тысяч — почтенно. Зато пан мечтает ехать в Марсель, Ниццу и Флоренцию и жертвует на это 1000 фр⟨анков⟩.

С субботы холод страшный и биза. Снег не тает. Но все здоровы. Комната у меня очень хороша, то есть тепла. Боязнь здешнего климата — отчасти даховство. Акции за Цюрих опять поднялись — и я ищу через газеты дачу.

* на просторе (франц.).

** я барахтаюсь и валяюсь (франц.).

Бакунин дуется — и мы не видимся.

До полного набора «Колок(ола)» ехать не могу.

Топор(нина)² видел. Он говорит, что Сатин теперь не так сильно играет, что именье их и оба завода процветают, но пьет он очень, с утра до ночи, растолстел — но об опасной болезни не слыхал. Он его видел год тому назад — и очень его любит. Ерго, деньги он высылать может³. Детей он мало знает.

От Мейзенб(уг) и Ольги получил письмо — всё хорошо. А Саше ездить было не нужно, Шиф поторопился — это глупо⁴.

Мать Вырубова прислала мне приглашение — с запиской сына, вероятно сегодня зайду⁵.

«Москва» запрещена⁶. Вот и всё. Это не письмо, а бюлетьень.

Майор говорит, что мой нарос в носу непременно придется вырезать, — оставляю его до Марсея. Диету я здесь веду — точно такую, как в Vichy, — и нахожу, что это очень полезно.

¹ О П. В. Долгорукове и Тхоржевском см. примеч. 3 к предыдущему письму. Некоторые из бумаг Долгорукова Герцен опубликовал в «Supplément du Kolokol» от 15 февраля 1869 г.; среди них упомянутое здесь письмо (к Плещееву) Марии Федоровны после убийства Павла. Рассказ о ссоре Орлова с Чернышевым (в письме Герцен передает его не вполне точно) помещен в той же публикации материалов из архива Долгорукова под заголовком «Из записок Карабанова». В 1877—1878 гг. в «Русской старине» печатались «Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым». Эти записки известного собирателя древностей Павла Федоровича Карабанова (1767—1851) охватывали период от царствования Алексея Михайловича до Александра I включительно. Местами в них откровенно изображалась закулисная сторона придворной жизни (рассказ, опубликованный Герценом, «Русская старина» не поместила). Имевшийся среди бумаг Долгорукова список с записей Карабанова Герцен советует Тхоржевскому продать в Россию.

² Возможно, что это тот самый Топорнин, с которым Сатин встречался еще в 30-х годах, будучи в ссылке в Симбирске (см. I, 281).

³ Н. М. Сатин был должен Огареву 63 000 р. за полуфактивно проданное ему именье. Сатин обещал регулярно посылать Огареву за границу деньги в счет погашения основной суммы долга и процентов. Однако обязательства свои Сатин не выполнил, вследствие чего Огарев испытывал острую нужду и должен был пользоваться материальной поддержкой Герцена, а потом его детей (см. «Лит. наследство», т. 63, 1955, стр. 713—722).

⁴ Очевидно, М. Шиф вызвал своего ассистента А. А. Герцена во Флоренцию из Берлина, куда тот поехал для расширения научного кругозора. 12 ноября 1868 г. Герцен писал сыну: «Очень жаль, что ты без нужды должен был оставить Берлин. Что же это Шиф сдебощирничал?» (XXI, 147).

⁵ Приглашение матери Вырубова и ее записка к Герцену нам неизвестны.

⁶ Газета И. С. Аксакова «Москва» издавалась с 1867 г. Она неоднократно подвергалась репрессиям, а 21 октября 1868 г. была приостановлена (за нападки на министерство внутренних дел) и вслед за тем окончательно закрыта.

46

⟨Женева.⟩ 14 нояб(ря) 1868 г.). Hôt(ел) de la Paix

Всем.

Пишу в Cannes. — Вчера писал в Марсель, в Hôt(ел) des Catalons. Жаль, что вы не подождали, «поторопились», как говорит у Толстого князь Болхонский¹. Но беды нет...

Биза (или ваш мистраль) здесь неистовствует больше недели. Это совершенно исключительное явление.

Ресурсов представляет Ницца гораздо больше Канна — ни для Лизы, ни для Таты в Канне ничего нет. Лучше ехать в Ниццу и взять дом, о котором писала Лизавета.

Писать не могу, не зная, собственно, где вы. Полагаю, что лучше было бы вперед написать или телеграфировать.

За этим, наконец, я поручу смотреть Лизе.

Мне дела еще много, и я много работаю.

Вы пишете письмо из Марселя, в нем много деталей — на имя Таты.

Конечно, Ницца меньше всего удобна для всяких перемен — но я и над этим возьму верх.

О здоровье Марселя и докторов я спрашивал Коста² — Устинов вчера уехал в Монпелье. Вероятно, все это ненужно.

Все здоровы.

Письмо Ага к Лизе послал во вчерашнем письме.

Лизу за письмо очень целую.

P. S. У вас готовятся ужасы³ — смотрите, как бы не пришлось в Геную. Я и на это согласен.

До письма от вас писать не буду.

¹ Герцен имеет в виду первую встречу старого князя Болконского с невесткой. «— Го, го, — сказал старик, оглядывая ее округленную талию. — Поторопились, неплохо!» («Война и мир», ч. I, гл. XXIV). *Поторопились* — относится к переезду Н. А. Огаревой с Лизой и Н. А. Герцена.

² О докторе Л. Косте см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 742.

³ У вас — т. е. во Франции (Ницца с 1860 г. принадлежала Франции). По-видимому, это утверждение Герцена связано с его ожиданием франко-прусского конфликта.

47

⟨Женева.⟩ 20 нояб⟨ря 1868 г.⟩.

N<ôte>l de la Paix

В прошлый раз я не видал твоей приписки на письме Лизе. Но все же пишете вы безобразно мало. Я послал в Cannes пачку журналов и две брошюры из Берлина. На днях, когда узнаю, где вы, — пришлю очень любопытные вещи, — а может, и сам привезу. Рассказ Андреоли о Сибири в четырех книжках «Revue Moderne» и статью Бобор⟨ыкина⟩ «О нигилизме»¹. Далее — пришли как-то заваливавшиеся книжки (июль, август) «Отечественных» записок и там «Пугачев» Мордовцева². Всё это так и идет в чтение вместе.

Мерчинс⟨кий⟩, вероятно, под Петерб⟨ургом⟩, он многое обещал.

От Саши письмо, все ладно у них — я им послал при деньгах за фортепьяно еще 250 фр⟨анков⟩ в презент — из этого ясно, что дела финансовые идут.

У Огар⟨ева⟩ опять был обморок (через неделю).

Выруб⟨ов⟩ прислал письмо в «Кол⟨окол⟩», в котором объявляет, что он не нигилист. Очень плохо. Если я буду отвечать, — *finis amicitiae*³.

Бакунин прервал все дипломатические сношения. Огар⟨ев⟩ ему писал два письма — классически благородные. Он отвиливал.

Laß geh'n die wankende Gestalten**.

Завтра рождение Ольги, 18 лет. — Я на днях перечитал опять тот том записок, в котором я описываю 50—52 годы⁴. Ни слова не могу ни прибавить — ни убавить. Читай и ты еще — и еще.

Холод ужасный — зима полная с 5 ноября. Постоянно ветер, и хоть бы насморк.

Целую тебя.

* дружбе конец (лат.).

** Уйдите прочь, колеблющиеся тени (нем.).

Милая Лиза, тебе буду писать завтра или в воскресенье. За твои письма целую тебя, пиши мне больше. Берите, если надобно, книги у Висконти. Кланяйся Елизавете.

Обнимаю тебя.

¹ В августе 1868 г. в «Fortnightly Review» появилась статья П. Д. Боборыкина «The nihilism in Russia» («Нигилизм в России»).

² В августовской книжке «Отечественных записок» была напечатана статья Д. Мордовцева «Русские государственные деятели прошлого века и Пугачев».

³ Вырубов протестовал против статьи Герцена «Русские на Берском конгрессе» («Kolokol» от 15 октября 1868 г., № 13). Возражения Вырубова Герцен напечатал

О. А. ГЕРЦЕН

Фотография с дарственной надписью (на французском языке) сестре Лизе: «Mademoiselle Liza <Огаревой?> привет от оригинала. О. Герцен 29.4. 69. Флоренция. Спасибо за твоё милое письмо!»

Исторический музей, Москва

в «Kolokol» от 1 декабря, № 14-15; в феврале 1869 г. в «Supplément du Kolokol» Герцен поместил свой «Ответ г. Вырубову».

⁴ Речь идет об описании «семейной драмы» Герцена в пятой части «Былого и дум» (см. изд. АН, т. X, стр. 221—314).

48

«Женева.» 24 нояб^ря 1868 г.). Вторник

Тате

Еще есть время, Тата, и я пишу тебе несколько строк. Письмо твое к Ага меня тронуло, и я тебя за него обнимаю горячо¹. Все, что ты писала об Ольге, — и воспоминания, и желания мне очень по сердцу.

Письмо Natalie — из рук вон жестко. Это истинно болезнь, и я совершенно не знаю, что делать... разве просто не ехать и ждать.

Это равняется несчастью. Я на все согласен, я не согласен на одно, — на то, чтоб, принимая, я согласился бы признать разумную необходимость.

Я поеду в Цюрих — и там буду ждать ваших писем poste restante, а если их не будет, я буду жить в Цюрихе. Наконец, я возьму там дом и скажу «Милости просим», и останусь там.

Всё... всё кругом мрачно.

Лиза без меня потеряет так же, как Ольга. Жалко — бедная жизнь Огарева, сашин неловкий брак — еще ты держишься последней могиканкой.

Я стремлюсь душой, чтоб привести к миру и гармонии — ничего не могу.

Я хочу — ищу покоя Natalie, ее блага и воспитания Лизы — и сделать ничего не могу. Думал приехать в самых первых числах декабря — вместе провести печальные годовщины² — и, право, не знаю, приеду ли.

Пиши раз в Цюрих или два — я велю переслать письмо.

Очень скучно.

Платье у Ага взял.

Книги пришлю.

Помни, что если б тебе захотелось ехать во Флоренц<ию> — ты можешь — но подожди меня или напиши за неделю, если я не приеду. Я не поеду туда.

Поручаю еще раз, покамест, тебе Лизу. Бедный ребенок — хочу и не могу ничего сделать для ее развития. — Меня эти вещи пьянят.

Прощай.

¹ Имеется в виду письмо Н. А. Герцен к Огареву от 16 ноября 1868 г. (см. «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 467).

² Смерть в декабре 1864 г. детей Герцена — близнецов Елены и Алексея.

26 нояб<ря 1868 г.>. Genève.

Вчера от Сашы письмо — формальный отказ его пропустить в Россию¹. Вот скоты-то. У Ольги лихорадка, день ее рождения она пролежала — но 22<-го> было гораздо лучше. — А у меня еще ни одного насморка. Я еду сегодня в Цюрих — и там буду ждать писем от N<atalie> и от тебя. Торопиться не буду — оно очень уместно теперь присмотреться к цюрихской пустыне. Домов там ужасно много.

Здесь все то же. Тхорж<евский> рассорился с Чернецк<им>. Чернецкий продает типографию² и дует на меня. Лапинский украл у Сверцкевича последнее пальто и деньги — и скрылся, а Сверп<екевичу> есть нечего³.

Осип Иван<ович> при смерти, я вчера писал старику Квадрио — всё gloomy*⁴.

Книги Тхор<жевский> будет тебе присылать по одной — потому что сам читает Andreoli.

Ужаснее погоды себе трудно представить — впрочем, это экстраординарно — от 6 ноября не было солнца ни света. Туманы как в Лионе.

Гаридо⁵ идет в гору — может, долгое тянунье Испаний пойдет впрок.

12 часов

Сейчас принесли твое письмо от 24. — Для меня всегда было ясно, что в Ницце не следует ничего переменять. Это бросается в глаза. — Целую тебя.

Что Лизу не пускает N<atalie> в класс — очень дурно, — если можно — устрой.

3 часа

От Мейз<енбург> письмо. Всё ладно. Еду сейчас.

¹ Герцен мечтал о том, чтобы его детям был открыт путь на родину. 19 октября 1868 г. А. А. Герцен сообщил русскому посланнику в Берлине о своем желании поехать в Россию. Он предупредил при этом, что «разделяет убеждения своего отца». Дело это было доложено Александру II, который отказал А. А. Герцену в разрешении на приезд в Россию.

* мрачно (англ.).

² Дела русской типографии, которую Герцен в 1867 г. передал в собственность своему многолетнему помощнику Чернецкому, шли плохо. Герцену приходилось постоянно поддерживать типографию. Пропал ее Чернецкий только в 1872 г.

³ О *Лапинском* см. сообщение В. Тренина «Полковник Лапинский и его воспоминания» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 539—571). — *Сверцякесич* — польский эмигрант Иосиф Цверцякевич.

⁴ *Осип Иванович* — Маццини, тяжело заболевший в конце 1868 г. (умер в 1872 г.). 2 декабря 1868 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «От Маццини получил несколько строк, написанных умирающей рукой. Это меня сильно тронуло» (XXI, 239). — *Маурицио Квадрио* — видный деятель итальянского национально-освободительного движения, один из ближайших соратников Маццини. Письмо к нему Герцена неизвестно.

⁵ *Гарибо* — один из деятелей «Лиги мира и свободы». 13 октября Герцен писал Сгареву: «Псылаю карточку для Гарибо; он в центре демократического конгресса требует уничтожения армии и смертной казни, требует федерального устройства» (XXI, 115).

50

〈Женева.〉 25 апреля 〈1869 г.〉. 12 часов. Воскресенье

Тате.

Ожидаю с нетерпением и с каким-то внутренним, не столько разумным, сколько лихорадочным нетерпением, — телеграммы. Вчера был ветер, ночь хороша, но к утру небо заволгло черными тучами, я ждал грозы — но небо разъяснело.

Сегодня Лиза взошла в твои права, она еще не вставала, у нее сильнейшая головная боль и тошнота.

En attendant*, пришло письмо от Мальвиды и Панофки¹. Письмо Панофки ничего не значит.

На сем месте пришла телеграмма all right** — а таки дернули в Ливурно.

Тем паче продолжаю. Хорошо, если Мальвида тебе покажет мое письмо. Ее письмо сначала меня рассердило — а потом я посмеялся. Она говорит, что в Париж ехать готова, *если Панофка поедет в Париж* — иначе останется до будущей зимы. Стало, здоровье не мешает. Далее, она говорит, — что если Ольга и не будет певицей, то всё же может давать уроки пенья. Ну это уж из рук вон. Лучше сделаться пивеей, телеграфировать, чем приготавливаться с целью давать уроки. Вот почему я спрашиваю Пан<офку>, может ли Ольга петь на сцене. Поговори и ты с ней основательно. Вообще я от тебя жду отчета и письма еще здесь. Сегодня воскресенье, 25<-е>. Письмо мое должно придти 28 или 29 — пиши тотчас, и я его получу 2 или 3<-го>, даже на сутки отложу отъезд. Вообще я на тебя надеюсь. Ты мой Петр, «на котором созижду храм мой» (только Петр немного вялый и недейтельный)². Я решительно хочу положить предел отчуждению Ольги — и для этого прямо указываю на необходимость ехать хоть к сентябрю в Париж. Переговори со всеми об этом.

Ну что Пан — желал бы его видеть на пароходе.

Обнимаю тебя — обними Ольгу. Я только и желал бы, чтоб с ней быть настолько в унисон, как с тобой.

Прощай.

До сентября они могут переезжать на дачу и куда угодно, — даже до конца сентября.

¹ Генрих *Панофка* (Пановка) давал уроки музыки О. А. Герцен.

² По евангельскому преданию, Христос сказал апостолу Петру: «... Ты Петр <камень>, и на сем камне я создам церковь мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. XVI, 18).

* Пока же (франц.).

** всё в порядке (англ.).

⟨Ницца.⟩ 30 апреля ⟨1869 г.⟩. Пятница

Письмо твое и от Саши я получил. Начинаю с окончательно утвержденной программы. Огар⟨ев⟩ вдруг мне написал, что какому-то человечку по одному дельцу нужно на секундочку повидаться в каком-нибудь местечке — хотя я в крайность не верю (Огар⟨ев⟩ требовал сейчас телеграфировать... о Бакун⟨ин⟩, Бакун⟨ин⟩!), но так как путь был одинаков, то я resolved * ехать 5⟨-го⟩ в Марсель в 4 часа, в вашу Каталани — 6⟨-го⟩ пробыть там — ночью ехать в Valence, из Valence'a в Гренобль — там пробыть день — 8-го в Шамбери. Здесь останется N⟨atalie⟩ и Лиза — а я через Culoz 10-го в Женеву, где и пробуду 5, 6 дней (кто прежде явится — Пан или я?). Ergo, писать можешь до 8⟨-го⟩ в Шамбери: France, Savoie-Chambéry. Poste restante, потом на Огарева имя в Женеву и на его адрес — до дальнейших распоряжений. Фонтан¹ меня увлекает всеми прелестями — в Брюссель — nous verrons **, я без опыта ничего не могу сказать. Отсюда зависит и дальнейшее, то есть переселение в Париж.

Для последнего я буду ждать подробное письмо от тебя: 1-е. О действительных успехах у Пановки, 2. О действительном желании Ольги быть повицей. 3) О всем вашем житье. Переехать следовало бы в сентябре — пожалуй, к 1 октября. Но (говорю тебе по секрету), если б серьезно было нужно, я мог бы отдалить срок. При хорошей квартире — я не верю, чтоб зимой в Париже было хуже. Но только что квартиру-то следует искать ad hoc ***, — на солнце и с печами, а не скаминами — за это я возьмусь — но ниже 3-го этажа не думаю, чтоб можно найти и, вероятно, за Сеной — где живет Мишле, Вырубов, Ханыков² и тысячи. Пиши очень обдуманно, взвесь все pro и contra ****. Через круг Выруб⟨ова⟩, Reclus и даже Monod (если Мальвида присягнет на mémoire'ах идеалистки, что она удержится от сватовства)³, через Мишле и Араго, я разом вас пушу au large *****. Моя идея — не каприз — надобно получить то dernier coup de serviette*****, также и уменья держаться, которого в наших таборах, скитах, биваках и в маленьких городах ты не получишь.

Насколько я был очень доволен твоим внутренним складом и мысли и симпатий, настолько я был недоволен многим в наружности — необдуманная наивность, иной раз и что-то cassant ***** — без последовательности. Иногда даже лишняя шумливость. В Париже это обшлифуетса само собой. К тому же это место der Anregung*****, а тебе она необходима, у тебя есть деятельная лень и сонливость. В Париже ни физически, ни морально никто не спит, большая часть занята вздором — но делает, стоит делать — но не вздор.

Письмо это обдумай хорошо. Дай его прочесть Саше. Только он в этом деле не судья. Arlomb, с которым он прошлой весной мне говорил: «В наше время никто не танцует» — показывает, что тут еще вместо зуба мудрости был тогда зуб бабушки-гориллы, — с тех пор он, может, выпал — но новому некогда было вырасти.

Все подробности (не мелочи) — о психическом развитии и направлении Ольги — будут benvenute *****, и о них прошу. Но ты бери не

* решено (англ.).

** мы увидим (франц.).

*** для сего случая (лат.).

**** за и против (лат.).

***** в открытое море (франц.).

***** последнюю шлифовку (франц.).

***** резкое (франц.).

***** импульса (нем.).

***** хорошо приняты (итал.).

случайную пыль, ногти, мозоли и черное белье — как в твоей тетрадке — я ею по-прежнему недоволен и, видя в нем(?) талант описывать и драматический склад, тем больше восстаю против случайно-мелкого направления — без выкупа мыслью или общим.

Вероятно, Мальв<ида> на меня гневается за письмо⁴. Действительно, ее письмо меня взбесило, нельзя же идеализм и туман в голове ставить мерилом. — Я рад, что ее Записки имеют успех — но мнения моего не могу изменить. Как думает, напр<имер>, Шиф, — меня это интересует.

Целую вас всех — когда же родится *simia minutissima**⁵?

Жду вашего письма.

Когда нужно будет, я пришлю еще на уроки Пановки — в случае нужды, ты можешь авансировать.

Прощай.

Помни — писать в Chambéry, poste restante (до 10) и в Женеву на адрес Огар<ева> — до получения нового адреса.

Чего особенно недостает из мебели Саше? Не могут ли в том же доме переехать — на особую квартиру — Мальв<ида> и Ольга??. ??

Статья Турген<ева> о Белинском дрян⁶.

В «Голосе» мое письмо *напечатано* (№ 95)⁷.

¹ Фонтаном Герцен в шутку называет Фонтэна, редактора брюссельской газеты «Rive Gauche», ранее издававшего французскую газету «La Cloche», на страницах которой он перепечатывал важнейшие материалы из «Колокола».

² О Н. В. Ханыкове см. вступительную заметку к публикации его письма к Герцену в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 699.

³ М. Мейзенбург способствовала сближению О. А. Герцен с ее будущим мужем Габриэлем Моно. Герцен относился к возможности этого брака с неодобрением.

⁴ Вероятно, речь идет о письме Герцена от 3 марта (XXI, 310—311), в котором он резко выражает свое неудовольствие постановкой воспитания Ольги Александровны.

К «Мемуарам идеалистки» Мейзенбург Герцен отнесся отрицательно. 17 мая он писал ей: «Я строго отнесся к вашей книге и объясню вам почему. Не идеализм смутил меня, а фамелизм, апофеоз и преобразование всех членов семьи, это солнце без пятен...».

⁵ А. А. Герцен ожидал рождения ребенка.

⁶ В четвертой книжке «Вестника Европы» за 1869 г. появились «Воспоминания о Белинском» И. С. Тургенева. Либеральные тенденции этих «Воспоминаний» шли вразрез с герценовской революционной трактовкой Белинского. В письме к Огареву от 2 мая 1869 г. Герцен с резким неодобрением говорит о том, что Тургенев ставил в Веймаре «свою оперу, музыка Viardot» и что герцог заказал ему новое либретто. Это сообщение Герцен заканчивает словами: «Как же тут хорошо писать о Белинском» (XXI, 374).

⁷ В № 71 «Биржевых ведомостей» от 14 марта (ст. ст.) 1869 г. напечатано было письмо Герцена, опровергавшее сообщение газеты о том, что Герцен, через священника Раевского, состоявшего при русском посольстве в Вене, возбудил перед русским правительством ходатайство о разрешении вернуться в Россию. Через день после опубликования этого письма «Биржевые ведомости» поместили пространную статью, наполненную бранью и клеветой по адресу Герцена. На эту статью Герцен отозвался письмом в редакцию газеты Краевского «Голос»; оно появилось в № 95 (от 5 апреля ст. ст.) (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 146—150).

После геройского пути и несмотря на твой приказ (за который тебя целую), d'un trait ** ночью прискакали из Марселя. Все здоровы и beim Alten ***, все ключи потерял — но не сердился — от усталости.

* крошечная обезьянка (лат.).

** единым духом (франц.).

*** всё по-старому (нем.).

Здесь скверно — завтра в Aix-les-Bains. Пиши туда Natalie и Лизе (France. Aix-les-Bains. Poste restante), мне — в Женеву на Огарева.

Все новости потом. С m-me Filippi¹ были чудеса комико-трагические. В Марселе видел кормилицу. Она об тебе поминает, как о святой.

Прощайте.

Саше буду писать и Ольге потом. Саше скажи, что я вовсе не против Кетле — я говорю только, что человеку *свойственно* считать себя свободным, а не то, что он свободен объективно.

Мальвиде поклоны.

С Марселя еще никто не ел.

Как же лучше адресовать письма, в Specol'у или к вам — что-то ваш адрес funny*.

3 часа

¹ M-me Filippi — владелица виллы, которую Герцен снимал в Ницце.

53

11 мая <1869 г.>. Genève. Hôtel de la Couronne

Da bin ich! **

Твое письмо я получил в Aix-les-Bains, где остались N<atalie> и Лиза. От Aix до Женевы 4 часа езды, в Aix'е очень мило и хорошо. Огарева я застал так себе. Ходит он лучше и если не ходит по улице, то это по капризу (т. е. по нервному капризу).

Важнейшее в твоём письме, разумеется, то, что ты писала о Шифе jun<ior'e>. Конечно, шутить тут нечего и надобно с самого начала отрезать, как ножом. Я его считаю очень хорошим и очень дельным человеком — но неспособным на светлое счастье и, сверх того, чудак; чудак с сильными страстями могут подыматься до неимоверной тирании (от которой сами страдают еще больше) — всё это заставляет отстраниться — я вполне верю в твой разум и очень рад, что ты получаешь и в этом больше доверенности ко мне. Меня всегда щемило твоё абсолютное молчание о Мещерск<ом> и о сущности твоего отношения. Сколько раз я ни давал тебе повода — ты ускользала.

Насчет зеркала Саше — фонды tout trouvés *** — скажи ему, что я дарю эти 50 фр<анков> на улучшение мебели — и именно на покупку зеркала в 250 фр<анков> almeno. А потом я еще пришлю на содеяние новых рамок для Коффи.

Об Ольге жду второй рапорт.

Иду теперь на почту; если что есть от вас, отвечать буду послезавтра. Тхоржевский повесится — он опоздал, и его еще нет.

Маршрут и календарь

Еду из Женевы 16 мая.

Наверное останусь в Aix'е до 22<-го>...

Писать в Женеву, стало, можно раз (на Огарева) — и то вряд дойдет ли..

В Aix (все письма на мое имя) — France. A. H. Aix-les-Bains en Savoie. Hôtel Guillard (3 maison).

P. S. Пиши к Nat<alie>, она очень огорчается, и к Лизе — можешь вкладывать в мое письмо — и прощай.

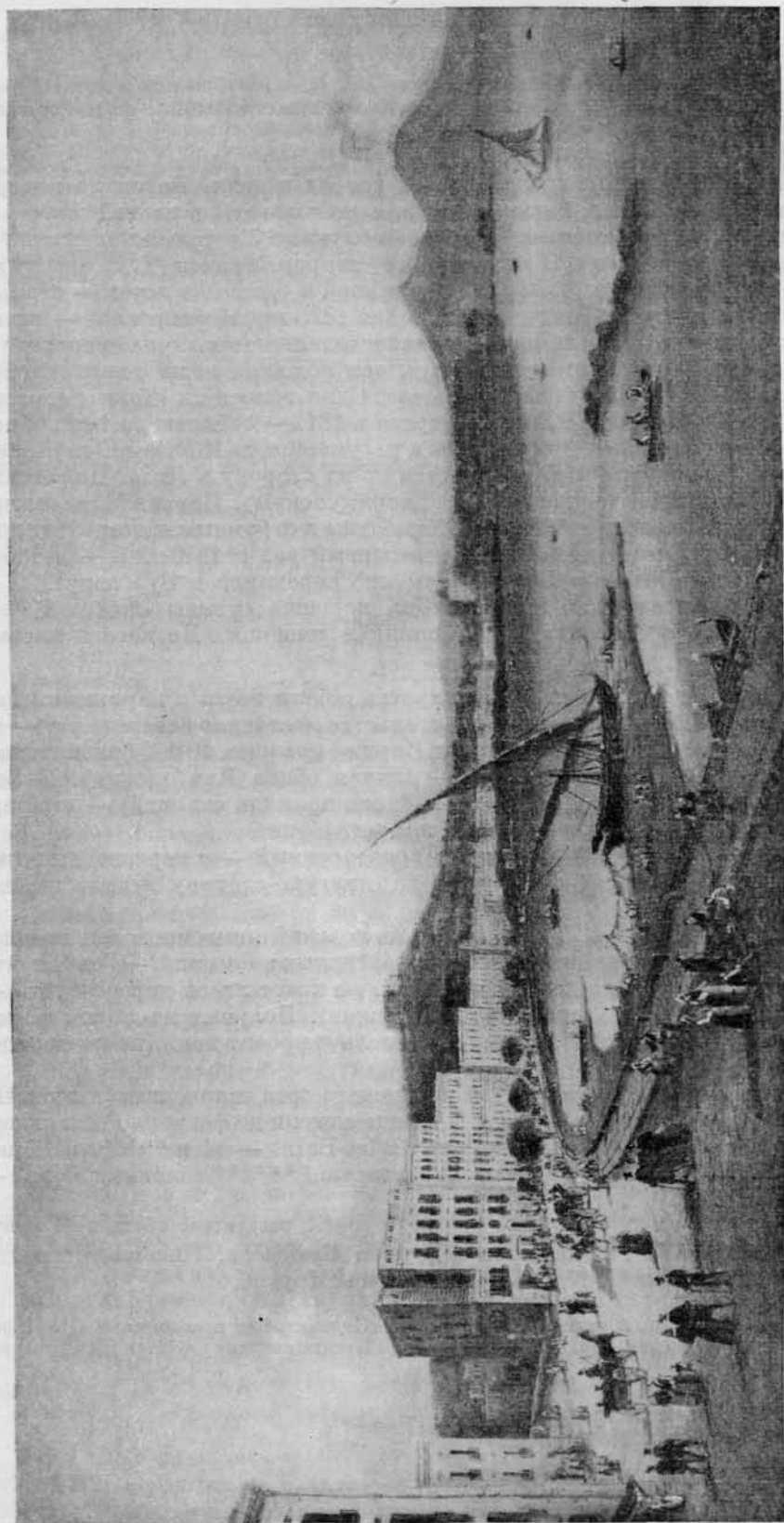
Мейз<енбуг>, как всегда, сильный поклон.

Скажи Meysenbug, что Aix-les-Bains выдуманы богом от ревматизма — если б она вздумала туда ехать, — может, я во многом изменил бы план.. Спросите Шифа.

* странный (англ.).

** Вот и я! (нем.).

*** найдены (франц.).

НЕАПОЛЬ

Картина маслом неизвестного художника, 1840-е гг.
Исторический музей, Москва

27 мая <1869 г.>. Женева. Hôte^l de la Couronne

Саме и Tate together*

Ну что, как у вас прошла первая и вторая неделя? Вероятно так же успешно и легко — но всё же следует не предполагать, а знать.

Посылаю еще мою статью. «Неделя» получила 3-е предостережение и запрещена на 6 месяцев¹. В Петерб^{ург}е террор. Ткачев (Тата знает его книгу о рабочем вопросе²) был взят полицией и *бесследно* исчез — это по-николаевски. Крестьяне ждут и непокойно 1870 год 19 февр^{аля} — всего остается 8 месяцев. Первый срок для окончательного выкупа, перехода³.

Я давно не писал, потому что жду, чем коммуна наша решит насчет путешествия. Прения сильные и горячие. Одни голоса за Женеву (до зимы). Другие за Брюссель. Я как Кутузов в 1812 — собираю до 1 июня все мнения *sans me prononcer* **. Огар^{ев}», разумеется, за Женеву, Бакун^{ин}» еще больше, даже Nat^{alie}» склоняется на их сторону и Лиза. До сей минуты Брюссель представлен мною и Тхорж^{евским}». Партия Женевы нашла дом. Rez-de-chaussée *** дома Жеребцова с огромным садом. Этот дом фантастический, я его хотел нанять в первый раз в 1849, 2-й — в 1854, через К. Фогта, 3-й — в 1864 (Касатк^{ин}» переманил в Буасьеру).

Партия брюкселистов опирается на хорошие отзывы Эдгара Кине.

Сегодня общее собрание, голосования и решения. До него я письма не пошло.

Ну что, до вашего ученого захолустья дошли вести о парижских выборах — они не без важности. Правительством поставило всё на карту — за Эм^{илия}» Оливье — и он провалился в Париже позорно, 10 000 большинства его противнику. Выбор Гамбетты — личная обида Нап^{олеону}». Выбор Распая, социалиста 1848 года (его в Лионе приняли овацией) — это первая трещина по империи — посмотрим, что будет.

Жиранден *voster* **** побитый и опозоренный — с первого дня как стал известен результат — перешел на другую сторону и туда же закричал «Победа»⁴.

Ты, верно, помнишь, Такси, что харьковский книгопродавец предлагал издание моих прежних статей, напечатанных в России⁵. — Говоря, что я уже такое позволение дал, я прибавил, не хочет ли он перепечатать — из моих последующих статей (что возможно). Получил на-днях от него ответ — он с охотой схватился за эту мысль и просит меня (по почте) сделать выбор.

К замечательным особенностям нынешнего лета принадлежит постоянно дурная, серая, свежая погода. В Нице с осени до февраля было скверно, с марта тоже. Всё время дороги и Aix-les-Bains — *idem******, в Женеве — *idem*. Но я чувствую себя здоровым *sauf* ***** головных болей — гораздо чаще.

3 часа после обеда и 14 минут

Resolved *****. Едем через неделю в Брюссель. Письма теперь до получения дирекции ***** адресовать на Огарева.

¹ В 1868—1869 гг. в петербургской газете «Неделя», под псевдонимом «И. Нионский», появились очерки Герцена «Скуки ради». Печатание этих очерков было прерва-

* вместе (англ.).

** не высказываясь сам (франц.).

*** Нижний этаж (франц.).

**** ваш (лат.).

***** также (лат.).

***** кроме (франц.).

***** Решено (англ.).

***** направления (от лат. directio).

но временным запрещением газеты, о котором упоминает Герцен (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 287).

² П. Н. Ткачев, сотрудничавший в 1860-х годах в журналах Благовестовца «Русское слово» и «Дело», был арестован весной 1869 г. по нечаевскому делу. Речь идет о книге «Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению. Сочинение Эрнеста Бехера. Переведено под редакциею П. Н. Ткачева». СПб., изд. книжного магазина Черкесова, 1869. Этот перевод Ткачев сопроводил предисловием и примечаниями, в которых он положительно оценивает развернутую в книге Бехера критику существующих в капиталистическом обществе отношений между рабочими и работодателями. В то же время Ткачев с революционных позиций резко критикует реформистские установки Бехера, который видел выход из всех противоречий капитализма в мирном возникновении рабочих «производительных ассоциаций», поддерживаемых государством. В 1871 г. Петербургская судебная палата постановила уничтожить предисловие и примечания редактора к книге Бехера (см. примечание Б. П. Козьмина в книге: П. Н. Ткачев. Избранные сочинения на социально-политические темы, т. I. М., 1932, стр. 449).

³ Речь идет о выкупе у помещиков временно-обязанными крестьянами наделов, предоставленных им положением 19 февраля 1861 г. О надеждах, возлагавшихся Герценом на 1870 г., см. во II приложении к настоящей публикации.

⁴ О герценовской оценке выборов 1869 г. во Франции см. вступительную статью к настоящей публикации.

⁵ О переписке Герцена с харьковским книгоиздателем и книгопродавцем А. В. Скалоном см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 571—574.

55

Н. А. и А. А. ГЕРЦЕНАМ

<Эс-лэ-Бэн. Май 1869 г.>

Милая Тата,

Письмо твое тоже получил. Это не ответ на мое. Во-первых, когда я говорил о полной доверенности, я только и мог говорить лично о себе. Ты на мой вызов не отвечала.

Все слышанное мною от Ольге от Пана — показывает, что я прав, — она будет скучать во Флоренц<ии> и очень без тебя. Поэтому пока до устройства, я советую тебе пожить с ними (или с Сашей). Общего житья не устроишь — без общего дела или специальных занятий — найдите их.

Я тебе пришлю два-три журнала женевских с очень интересными статьями. Что касается до Naquet, я его рекомендовать не могу, и лучше читать Бехера «Рабочий вопрос». Нет ли его у вас по-немецки — тогда купи на мой счет и читай с Ольгой... В «От<еч.> зап<исках>» окончание повести «Разорение», — в «Вест<нике> Европы» — посполитная речь (окончание), — но смотри и другие статьи. Ходи за Терезиной и — прощай.

Лиза собирается писать Ольге, но так длинно, что я письмо пошлю. И она и Нат<али>, кажется, очень довольны письмом ее, — как легко поддерживать хорошее настроение.

Огар<ев> стареет.

Обед. 3 часа

Телеграмма пришла за супом — поздравляю — и жду еще — твой сын родился ровно в день смерти Ивана Алексеевича¹ — он Владимир — а дочь что будет — Казань?

Лиза говор<ит> — Пенза.

Целую Терезину и Пикуля.

¹ И. А. Яковлев — отец Герцена.

56

31 мая <1869 г.>. Genève. Pension Kraus. Pré l'Evêque

Вот мы и зажились в Женеве. Всё идет хорошо и ладно. Ага бывает через день, приезжает в пятом и уезжает в десятом. Мы много говорили об устройстве — и пришли к очень важным решениям, о которых напишу особо.

На днях явился Благосветлов с женой и детьми — образом так же безобразен. Рассказывал о крепости и Муравьеве в крепости¹. Худякова был офицер нагайкой по голове и пр.

В газетах слух о движении казаков (донских) — ждем подтверждения.

Вчера я был у Фогта и просидел весь вечер. Он кланяется Саше и благодарит за книжку. Кажется, доволен и им, и Шифом. Он был очень в ударе и рассказывал много интересного о Данците и Кёнигсберге.

Здесь Э. Кине. Он не нарадуется на отрывки из «Был(ого) и думы», помещенные в «Кол(околе)» (сашин перевод) и заставил меня снова перевести мою статейку «La Mazourka» — он, разумеется, советует издавать записки².

Здесь тоже собираются грозы: работники и буржуа — на ножах³. Полиция растет в наглости. Raisin избран в судьи (кассационного суда) — увидим. Бакунин — совершенно как рыба в воде. Потеет, ест по 5 фу<н-тов> мяса, говорит до 4 часов утра, останавливает... толкает вперед — судит и рядит.

Ну что Волдырчик?⁴

Если не будет перемены, я поеду, ex<empli> gr<atia>, 5<-го> в Vichy на 21 день, потом ворочусь в Женеву и в Брюссель. Сегодня, по указанию Фогта, даю сделать разложение аптекарю *количественное*.

¹ Н. М. Муравьев (Вешатель) в 1866 г. был назначен председателем Следственной комиссии по делу Каракозова. В этой связи он и посещал Петропавловскую крепость, где содержались Каракозов и другие члены кружка Ишутина, арестованные после покушения 4 апреля 1866 г. К их числу принадлежал и фольклорист и этнограф И. А. Худяков, с которым Герцен встречался в Швейцарии в 1865 г. Г. Е. Благосветлов сам был арестован после покушения Каракозова и содержался в Петропавловской крепости; таким образом, он лично мог видеть в крепости Муравьева.

² В «Kolokol» в сентябре — декабре 1868 г. и в «Supplément du Kolokol» в феврале 1869 г. печатались «Cogitata et visa. Fragments des Mémoires d'Isander. Quatrième volume (1848—1853)». Статья Герцена «Мазурка», гневная отповедь реакционным силам, разжигавшим в Москве антипольские настроения, напечатана была в листе 243 «Колокола» (июнь 1867 г.). В письме от 4 января 1869 г. Кине просил Герцена дать ему перевод «Мазурки», которая произвела на него сильнейшее впечатление. 29 мая 1869 г. Герцен писал Кине: «Прошло два года, как я читал в Veytaux в вашем присутствии, у нашего уважаемого друга Ж. Мишле, маленькую статью, которую тогда только что перевел из „Колокола“... С тех пор я больше не думал о статье и очень удивлен найди новое упоминание об этой заметке в вашем письме<...>, посланном нами в начале этого года <...> Вы выражали желание иметь перевод. Его у меня не было. На днях в Женеве вы опять попросили его у меня; я невольно подумал, что статья моя имеет некоторые достоинства...». Перевод этот вышел под заглавием «La Mazourka, un article du Kolokol, dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen». Genève, 1869 (см. также письмо Герцена к Э. Кине от 12 июня 1869 г. — XXI, 392—393). Кине, очевидно, советовал Герцену продолжать издание «Былого и дум».

³ В марте 1869 г. женевские рабочие организовали всеобщую забастовку и добились некоторых уступок со стороны хозяев (см. «Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 428). В конце мая положение продолжало оставаться напряженным.

⁴ Волдырчик — внук Герцена, Владимир.

Тате и доктору¹.

Всё еще в Женеве и дрожа от холода. Здесь на этот раз интересно. Война социальная близится, и война страшная — по буржуазной тупости и озлоблению работников². Стычки рано или поздно будут — мало-помалу из частных стычек, в одно поколение может выйти и что-нибудь общее. Разгром будет ужасен и в России, как здесь. Я многое передумал и узнал в Женеве — и снова повторяю, что писал при рождении Владимира — только считайте на развитие и больше ни на что. А propos. Благосветлов спрашивает тебя, не хочешь ли ты посылать ему в «Дело» коррес-

понденцию³ (пожалуй, по-французски — но, я думаю, лучше по-русски), он готов платить.

Мне очень неприятно, что Мальв<ида> везет Ольгу в Баварию — что за жизнь на водах — да еще она хочет ее лечить минеральной курой*. Это безумие — вот старый век-то. И будто она одна не может съездить на месяц — об этом вы мне отвечайте. Я пришлю на днях 500 fr.— из них Ольге 140 fr.

Об остальных скажу после.

Я пришел к окончательному заключению после долгих разговоров с Ага — что время сообщить Ольге и Лизе пришло. Меня теснит ложь, выносимая из старых предрассудков — и ответственность, которую я беру. Ольга может меня потом упрекнуть за пошлое филистерство. Но я решительно не хочу, чтоб вы говорили — инициатива должна принадлежать Огар<еву> и мне. Ширь и чистота его меня всегда удивляют и подавляют — он из всего выходит, как месяц из-за облака. Здоровье его недурно — но он разрешает себе больше прежнего кантафресное.

Об этом пишите мне. Хотя я решил это дело и пойду к его исполнению. Надеюсь, что вместе с научной свободой и Саша очистился от больших предрассудков в отношении семьи. Всё это идет из Фогта, — а Фогты отличные и умные, замечательные и дельные буржуа — *но буржуа*.

Прощайте.

Пишите на адрес Огар<ева> или Тхорж<евского>.

Я думаю, что разложение, сделанное Шифом, — не могло удался. Здесь делает *количествен<ное>* разложение один химик. Смотря по %, я ускорю или отдалю Виши.

¹ А. А. Герцену.

² См. примеч. 3 к предыдущему письму.

³ С осени 1866 г. Г. Е. Благовестов издавал журнал «Дело», который должен был заменить запрещенное в январе того же года «Русское слово».

5 июня <1869 г.>. Genève.

Письмо твое, Тата, получил. Главная новость состоит в том, что — *я решительно не хочу ехать в Vichy* — после превосходно сделанного разложения химиком, рекомендованным К. Фогтом. (Вкладываю Саше подробную записку.) Освобождение от Vichy делает мне больше досуга — и мы остаемся еще неделю здесь.

Насчет болезни Терезины не тревожьтесь — многие проходили большими мученьями, у твоей мамашы сделались нарывы на груди, страшно мучительные, и притом последовательно один за другим, — это продолжалось месяцев *шесть*. Я уверен, что славная, чисто плебейская кровь Тер<езины> всё переработает.

О Париже я ничего не могу писать теперь. Для этого мне надобно прожить по меньшей мере 3 или 4 месяца в Брюсселе.

8 июня

Вчера я читал у Кине отрывки из «Бы<лого> и думы». Старик сделался решительно моим почитателем. В восторге. Требуется издания — но не в Женеве.

Я для него перепечатал «Мазурку» с письмом — и тебе пришлю экзем<пляров> 5, даже 10 для раздачи.

Скажи Мальвиде, что я m-ше Кине поднес ее мемуары.

* лечением (от нем. «Kur»).

Насколько нас наши стали меньше ценить — настолько чужие любят и ценят больше — странно.

Все деньги, назначенные на Vichy, — в экономии, — а посему я шью сертук, рубашки, панталоны, жилет, галстук и шляпу Бак<унину>. Сверх того — в следующем письме приплю Саше 500 фр<анков>, из них:

1-е Ольге	140
2-е Ты ей шей платье или что нужно . . .	60
3-е Возьми в свою экономию	200
4-е Владим<иру> Алекс<андровичу> в награду за рождение*	100
	500

Addio.

Жду ответа на мое прошлое письмо.

Мы едем на сутки в Лозанну к дантисту. День отправления в Брюссель не назначен.

59

13 июня <1869 г.>. Воскресенье и всё еще Женева

Если ты развернешь «Былое и думы», то увидишь, что Саша родился не 12 июня н<ового> ст<илия>, а 13 июня ст<арого> ст<илия> — стало 25 июня — как мы и праздновали. Мой подарок приходит кстати, вчера он послан, то есть деньги, которые я обещал; с ними поехала и «Мазурка», 10 экзем<пляров>. Ты поднеси Мальвиде, Шифу, Пенизи.

Полемика с Бак<униным> идет своим чередом¹; я из письма моего вымарал все личные намеки — и написал еще два. За него отвечал Огар<ев> — и я уж отвечал ему; всё это может с легкими изменениями напечататься. Деятельность Бакунина изумительна, он ходит с одного собрания на другое, его возят как социального акушера, то в Лозанну, то в Локль. Он везде проповедует общее разрушение — консерваторы бледнеют, пасторы проклинаят — а он спокойно садится за три фунта мяса — и, опустивши их, — снова начинает проповедовать. Абстрактно он прав — но на приложении — он вне возможных данных. Между тем русская молодежь принимает au pied de la lettre** его программы. Студенты собираются составлять разбойничьи банды. Бакун<ин> советует жечь все документы — уничтожать вещи и падать людей. Вот куда привели тупость правительства и упорная скупость буржуазии.

В той разрушительной форме, о которой мечтает старый студент Бакунин и наши молодые бакунята, — ничего не будет на первых порах, но débâcle*** начался. Самое важное происшествие — это одна из речей Тьера (она будет в «L'Egalité»), в которой старик с ужасом говорит о наступающей «экономической республике» и радуется, «что он не доживет». Волнения в Париже сильны. Частью правительство поджигает, но частью оно существует в умах. Все чего-то ждут. Я уверен, что Наполеон — сам не знает, что делать.

В Лозанне Grand Conseil**** грозит работникам солдатами². Здесь Samregio кой-как ладит, но «Jour<nal> de Genève» уж намекал насчет высылки Бакунина.

Сегодня ровно двадцать лет как я с Сазоновым был на последней революционной демонстрации — 13 июня 1849, — после которой уехал в Женеву³. Поспала Франция довольно, кажется она просыпается — но есть ли сила и ум — это вопрос.

* Сашу прошу помнить, что ему остается — 2200 в нынеш<нем> году и Мальв<иде> 2000 (кажется так) — их могу в конце июля прислать. — Примеч. Герцена.

** буквально (франц.).

*** ледоход (франц.).

**** Большой совет (франц.).

ЛИЗА ГЕРЦЕН

Фотография, 1870-е гг.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы
и искусства, Москва

Здесь в пансионе — 19, Pré l'Evêque, так тихо, что мы торопимся медленно в Брюссель. С Огар<евым> выдаемся часто. Он тот же добрый и святой — но и слабый в некоторых отношениях. Его жаль оставить — а жизнь всё-таки мудрена. Влияние Мери нехорошо, и она забирает больше и больше власти. В Генри я не вижу искры улучшения, а Ог<арев> верит ему.

Тутса Ог<арев> любит чрезвычайно — но в М<ери> такое отсутствие смысла воспитания, что я считаю безусловно необходимым его отдать в пансион — напр<имер>, в начале будущего года. Саша должен об этом думать. О переезде Ог<арева> в Брюссель я и не думаю. Он готов переехать, но, кажется, хочет забирать Генри и пр. Ходить Огар<ев> решительно может. М<ери> водит его в казино... и Ог<арев> ходит пешком и сидит в духоте. Кстати, в последнее время он опять пьет больше, чем следует. Но скорее в хорошем расположении. Вот подробно обо всем. Теперь к важнейшему.

Я к Ольге написал. Огар<ев> и N<atalie> тоже. Тебе и одной тебе предстоит отстранить весь ненужный характер — сообщение лично важного. Пойми, что на этом — и на ответах Ольги к N<atalie> может устроиться или новый покой — или еще худшее распадение. N<atalie> здесь в очень хорошем настроении, она годы не была так дружественна с Огар<евым>, и Огар<ев> это очень оценил. Она даже непрочь остаться в Женеве — но я полагаю, что год в Брюсселе (может, 1/2 года) на месте. Если б Мери была умнее и, может, пошире — я бы нанял двойную квартиру. Но она *хочет играть роль* — а Огар<ев> поддается и хочет при себе держать и Тут<са>

и Г<енри>. С этим не пойдет. N<atalie> и Лиза бывают у него. Но Лиза не знает еще всего. Теперь, Тата, ты должна всему помочь.

Во-первых, объясни Ольге — почему от нее все было скрыто; во-вторых, скажи ей, что никогда, ни одного дня не было лжи в отношении Огар<ева>. — Совсем напротив, ни одного обмана, ни одного объяснения не было с ним. Неприятные вещи, наделавшие столько бед, — все вышли после и именно из-за столкновения с вами.

Пусть Ольга пишет тотчас — ко мне и особо к N<atalie> — пусть пишет то, что, собственно, ее голова и ее сердце скажет. Пусть она пишет и к Лизе — но Лиза еще не знает, а потому ей надобно писать осторожно — напр<имер>, она может ее тут назвать сестрой — и ты прибавь, что хочешь ее так же называть и, пожалуй, что будешь ее звать «Герц<ен>-Огарева» — или иначе — но осторожно. Пиши и ты к N<atalie>. Странно, у нее всё разные мысли о тебе и Саше, а письмо Терезины и письмо Саши, а потом твое — ее без меры радуют. Она действительно не пришла к полному отчету всех отношений. — Теперь она несравненно лучше расположена к Саше — о тебе у нее *idée fixe**, что ты Лизу не любишь (долею в этом виновата твоя манера — это я тебе говорил уж). Отчего Саша не пишет об этом предмете? — Ну и довольно.

Целую тебя.

Прощай.

«Прерв<анные> рассказы» пришли.

А что же «Неделя», пришла?

Благосветл<ов> предлагает мне 100 руб<лей> сер<ебром> с листа — чтоб я писал в «Дело», и спрашивает Сапу, не хочет ли писать корреспонденции «об ученой Италии» — ему он все ж дает 50 руб<лей>, то есть *175 фр<анков>* с листа — если не надобно переводить.

Покажи письмо это Саше.

Пиши сейчас на адрес Тхоржевского.

¹ О полемике с Бакуниным и Огаревым см. во вступительной статье к настоящей публикации.

² О забастовочном движении в Швейцарии см. примеч. 3 к письму № 56.

³ О демонстрации 13 июня 1849 г. см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 44—54).

22 июня <1869 г.>. Всё Женева

Твое письмо получил и очень доволен спокойным впечатлением на Ольгу — теперь жду ее письма.

Наши дела и контroversы не так легко рассказать, как ты думаешь. Частно всё идет спокойнее и дружественнее, чем когда-нибудь. Даже Чернец<кий> развеселил свой угрюмый вид (но не Тхорж<евский>, стареющий на долгорук<овских> фундам<ентах>¹ — вечно тревожный и пр.). N<atalie> в большой приязни с Бакун<иным>. Он раза три ужино-обедает у нас, Ог<арев> почти всякий день. Но в общем зато идет война. Я — как и в Ницце — не согласен с Бак<униным> и петербургски-студентской пропагандой и тут совсем расхожусь не только с Бак<униным>, но и с Огар<евым>. Огар<ев> стал такой кровожадный — что и бог упаси. — Пугачают и стращают. Бакун<ин> не только на Волге, но и здесь, на Роне, проповедует светопреставление. Poleмика открытая будет напечатана, ответы писал Ог<арев>.

Противустоять я сил не имею — а потому все же не вижу возможности долго здесь заживаться. Иначе дойдет до неприятных споров, а может и до печатной протестации — что вредно и не хочется делать.

* навязчивая идея (франц.).

Конечно, новости в «Egalité»² немного раскрашены — но фон справедлив. Глупость правительств и двойная глупость буржуа таковы, что они всех скорее осуществят местами идеал Бак(унина).

Лето удивительное. Я опять надел зимние платья. Постоянная стужа, дождь и ветры. Все в пальто. От(арев) ездит с шинелью (на руке).

Лиза упала с лестницы — дня через четыре у нее стал болеть большой палец на ноге, и надобно было посылать за Майором. Теперь лучше.

Пиши мне dann und wann* о Г. Шифе. Мне эта курьезность потому и не по сердцу, что курьезность. Ты знаешь, что всегда (написавши предварительно) ты можешь ехать в Женеву и на первый случай — остановиться у Касаткиной, если меня нет. Но я откровенно думаю, что твое присутствие еще необходимо для Ольги.

Пока прощай.

Посылаю «Прер(ванные) расс(казы)» и V книжку Толстого. Последнюю, когда прочтешь (в ней много уродств, но много необыкновенно знакомого с тем временем, даже мой отец на сцене — но глупо и неверно)³, отошли непременно Марии Каспаровне.

От Пенизи письма не было.

Пришла ли «Мазурка»? Посылаю разные флугшрифты** наших Мара⁴.

¹ См. примеч. 3 к письму № 44.

² «Egalité» — орган женевской секции Интернационала; в это время выходила под редакцией Бакунина. Какие материалы имеются в виду — не установлено.

³ Об этом отзыве Герцена см. в вступительной статье к настоящей публикации.

⁴ Мара — то есть Маратов. Речь идет о прокламациях, выпущенных Нечаевым, Бакуниным и Огаревым во время так называемой агитационной кампании 1869 г.

Есть ли у Ольги продолжение «Histoire d'un paysan» Эрк(ана)¹ — если нет, купите непременно иллюстрированное издание — оно очень дешево, и картинки недурны, рельефнее трудно представить эту эпоху. Обращаю на это особенное внимание. Я сегодня утром и вчера вечером читал с большим интересом.

Благодаря тому, что швейцары ночью спят — мы должны были здесь переночевать, ночных trains*** нет. Едем в час в Страсбург и в семь будем там. Два дня была духота — и я действительно жара вовсе не могу выносить.

Вопрос — нужен ли Саше его зоологический лексикон Шенсо, если нет, — то не желает ли продать его за полцены. Я его тогда пожертвую тоже в интернациональную рабочую библиотеку — в которую отдал бездну книг, карт, атласов и пр. (В «Egalité» было спасибо.)

В Страсбурге буду ждать разных писем и, вероятно, в Брюссель приеду 4 или 5 июля.

Проезд Анны Платоновны прошел хорошо. Она была без Зубова, — дочь ее будет иметь 350 000 руб(лей) сер(ебром) дохода. — Огар(ев) во время оно страшно помогал им, Плаутин играл, проигрывал — Огар(ев) пополнял их дефициты. Теперь Огар(ев) в худшем положении, чем те когда-нибудь были... но он всё скрыл — а она ничего не открыла².

* время от времени (нем.).

** листовки (нем.).

*** поездов (франц.).

От Пенизи письмо получил больше длинное, чем дельное, — говорит, что ты ему давала уроки, «много выполнявшие недостатки его образования» — что за вздор. Отдай ему прилагаемую записку. Пусть Саша скажет ему насчет книгопродавца³.

Если будет второе издание на французском языке — мне будет необходим *второй том* — изд. Delaveau⁴. Я искал в твоих бумагах и шифоньере — но нашел только первый том. Есть у тебя?

А Саша только что расхвастался климатом и *авенто madame* в *mi-liair'e**.

Ольгу и Терезину и Сашу обнимаю,

Мейзенбург пишет — не ко мне (грамматика Полины вятской)⁵.

Итак,

Addio.

Пишите Bruxelles. Poste restante.

¹ В 1868—1870 гг. выходило четырехтомное издание произведения Э. Эркмана и А. Шатриана «Histoire d'un paysan» («История одного крестьянина»).

² Сестра Огарева, Анна Платоновна, была замужем за полковником С. Ф. Плаутиным (см. о ней в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 747—751). Граф Платон Александрович *Зубов* — муж дочери Плаутиных, Веры Сергеевны.

³ Об отношениях Н. А. Герцена с Пенизи см. выше, в письмах к А. А. Герцену.

⁴ Речь идет о трехтомном французском издании «Былого и дум» (1860—1862) в переводе и с предисловием Делава.

⁵ Вятская приятельница Герцена, Полина Тромпетер, изображенная в третьей части «Былого и дум» (глава «Разлука»), плохо говорила по-русски. ■

62

4 июля <1869 г.>. Bruxelles. Hôtel Belle Vue

Но вот и Брюссель. Мы приехали второго. Вчера был на почте, но писем нет от вас. Мы ехали от Люксембурга под ливнем и при грозе — несмотря на то, стужа продолжается. Наглазно, разумеется, Брюссель гораздо комфортабельнее Турина, Милана и всех городов Швейцарии. Это не только историческое воспоминание — но и живой узел. Во всяком случае, год здесь прожить можно — но моя программа не идет далее (на первый случай) декабря месяца. Не знаю как остальное — но квартиры дороги, отели очень.

У Лизы довольно сильный кашель. А *propos*, Тут кашлял всё время пока мы были в Женеве.

Получили ли письмо из Базеля или Страсбурга?

Засим жду ваших писем.

Прощайте.

В Страсбурге было получено письмо, через Тхоржевского, что m-lle Michel¹ разбил паралич и что она едва жива. Нам было ехать через Мец — и потому мы ночевали там. N<atalie> не могла видеть ее — доктор не пускает. Зато я видел Мец и Nancy (очень замечательный городок) и поверил все рассказы Erckmann et Chatrian.

5 июля

На этом месте застало нас твое письмо о Владимире — я писал об этом Саше. Я вспомнил при этом ряд детских смертей с ужасом и самую страшную — операцию в Париже².

Да, хорошо семейное счастье — но терний настолько больше роз — что почти безумно их рвать.

Пиши как пойдет дело.

* имели госпожу в лихорадке (итал. и франц.).

Je remercie très chaleureusement pour la bonne lettre de Malvida, je suis très content qu'elle ne va pas avec Olga *«tra le monte»*... Pourtant son désir et celui d'Olga est loin de se réaliser. Bruxelles me plaît beaucoup — c'est une ville active, moderne et qui s'occupe de tout avec fièvre.

Certainement nous resterons jusqu'au décembre. Peut-être plus.

Adieu.

J'écrirai à Olga. Nat(alie) veut lui écrire beaucoup, elle a pleuré de sa lettre — et la remercie*.

¹ Каролина Мишель — бывшая гувернантка Натальи Алексеевны и Елены Алексеевны Тучковых; на старости лет она поселилась в Меце. В XV главе своих «Воспоминаний» Н. А. Тучкова-Огарева рассказывает о болезни Мишель и о несостоявшемся свидании с ней.

² Речь идет о болезни новорожденного сына А. А. Герцена Владимира. В этой связи Герцен вспоминает о гибели своих детей-близнецов в 1864 г.

63

«Брюссель.» 13 июля (1869 г.). 18, rue de Paris

Милая Тата.

Насчет Брюсселя, то есть всей внешней части жизни, — я скажу одно, что, без сомнения, это один из самых образованных городов, с всеми удобствами и той выработкой, которую длинная история дает особенно латинской цивилизации. Жить здесь можно, дома очень хороши, все с печами. Но, разумеется, ни английской, ни швейцарской воли нет. На днях выслали одного француза — за участие в International'e.

Вчера я был в большом театре, давали «Patrie!» ** Сарду, сам автор приехал ставить. Шло хорошо, и постановка богатая.

О книгах и их изданиях еще ничего не узнал. Фонтан надоедает донельзя — это Миллер-Стрюб(инг), помноженный на Пана — за вычетом панского добродушия и стрюбинговского классического знания¹.

До сентября я и не советую тебе ездить сюда. Жаль, что беспокойная наша старушка² возит вас без толку. Жили бы себе покойно да занимались делом — а потом и придумали бы что-нибудь.

Что касается до всяческой деятельности — политической, артистической, ученой, социальной — здесь она кипит, в этом, как и во всем, — Брюссель очень похож на Париж. — Вероятно вы как-нибудь следите за новостями из Франции. — Двинулась и эта старуха.

«Комиссаров» — пойдет повешенным, одни говорят, что он убит, другие — что сам повесился³. Странная судьба!

Всё, что ты пишешь о Ш(ифе), — очень хорошо — но помни же мой совет и верь моему инстинкту — «Герой не моего романа» — лучше уезжай.

У нас была трагикомическая история. Хозяйка нас надула — то есть скрыла, что она хозяину должна. Вдруг явились huissiers***, разные альгвазилы — и сделали saisie**** мебели, поставили сторожа и пр. Хозяйка —

* Я горячо благодарю за милое письмо Мальвиды, я очень рад, что она не едет с Ольгой *«tra le monte»* («за горы» (итал.))... Однако ее желание и желание Ольги далеки от исполнения. Брюссель мне очень нравится — это деятельный, современный город — лихорадочно всем занимающийся.

Ну, конечно же, мы останемся до декабря. Быть может, долее. Прощай.

Я напишу Ольге. Нат(али) хочет ей написать много; она плакала от ее письма — и благодарит ее (франц.).

** «Родину!» (франц.).

*** судебные приставы (франц.).

**** опись (франц.).

седая, всклокоченная, как Бернацкий, — в слезы, я в бешенстве, — до 1 августа заплатил и жду сегодня опять всяких huissiers — того и смотри, что франков 600 так и лопнут.

Целую Ольгу. Ну, лучше ли ей на воздухе морском? Я ей посылаю на уроки 150 и тебе в хозяйство 100.

Ну а что ж мальвидино здоровье?

Вырезку, может, не надобно ей показывать. Не «Кина» ли писала?⁴

¹ О Фонтене (которого Герцен в шутку называл «Фонтаном») см. примеч. 1 к письму № 51.

² *Беспокойная старушка* — М. Мейзенбург.

³ О. И. Комиссаров, в 1866 г. официально объявленный спасителем Александра II от выстрела Каракозова. Комиссарову «пожаловано» было дворянство и были организованы чествования и сборы в его пользу. Дошедшие в 1869 г. до Герцена слухи об убийстве или самоубийстве Комиссарова не соответствовали действительности.

⁴ Речь идет о рецензии — очевидно, неодобрительной — на «Воспоминания идеалистки» М. Мейзенбург. В публикуемом нами письме к дочери от 8 июня Герцен писал: «Скажи Мальвине, что я m-me Кине (жене Эдгара Кине) поднес ее мемуары».

64

〈Брюссель.〉 19 июля 〈1869 г.〉

Тате.

Только несколько строк. Здесь недурно — и жить очень можно. Худшее, что выгоняют по-прежнему иностранцев. От решения дел в Париже будет зависеть, можно ли здесь остаться или нет. Это само по себе худо. После Брюсселя остается один Лондон (и Нью-Йорк). Швейцария — все же непроходимо скучна, грубые, аляповатые нравы ее — оскорбляют и подерживают раздражение и озлобление.

Меня один книгопродавец подбивает публично прочесть отрывки из «Был(ого) и думы» — в франц(узском) переводе. Не знаю еще.

Издается все плохо. Французские дела поглощают всё и всех.

Прилагаю критику Мальв(иде), которую забыл.

Что вы так мало пишете?

Пиши N(atalie) на мой адрес или на мое имя. Здесь так записано¹.

С Лизой N(atalie) много говорила, она очень понимает, очень умно понимает — но все это было рано и ненужно.

Ольгу целую. От Нефталы письмо — блаженствует в Америке.

Что здоровье Мальвиды? Скажи ей, что один д(окто)р написал книгу «О причинах болезней» — очень замечательную, в которой он приписывает болезни дурному социальному устройству — и между прочим говорит, что считать северные климаты нездоровыми — совершенный предрассудок. Что «локальные обстоятельства и образ жизни — сверх наследственных зол — подтачивают организмы», — а степень холода и жара — статистически никакого влияния не имеет.

Прощай.

У меня и у Лизы кашель — а погода теплая. Я его приобрел в театре, Лиза — на железной дороге.

Рукой А. А. Герцена:

Папаша, кажется, непрочь, чтоб ты оставалась здесь. Делай как знаешь и хочешь. Ничего нового. Ге прислал мне вчера два тома «Отечественных записок» для тебя; хочешь их иметь сейчас? Пенизи мне сказал, что он хочет прежде показать тебе свою работу об *responsabilità**, а потом пришлет мне. Напоминай это ему каждый день. Варга пустил нас с Терезиной в полный социализм. Терезина с неожиданной страстью принимает

* ответственности (итал.).

участие в социальных вопросах, и мы постоянно устраиваем вдвоем будущее общество; примет ли человечество нашу программу — это другой вопрос. — Критическую статейку о мальв'идиных мемуарах я тебе пришлю в другом письме — ты ей не показывай. Что же вы так мало пишете?

Сколько думаете еще оставаться в Antigniano?

Волдырьчик растет и толстеет и умнеет не по дням, а по часам.

¹ В июне 1869 г. Герцен сообщил Н. А. Огаревой, что, выехав из Женевы, они называются «одним именем».

65

29 июля (1869 г.). 18, rue de Paris. Bruxelles

Любезная Тата,

Переписка наша идет плохо. Я не могу понять, что за рассеянье или что за деятельность вас так сильно поглощает в Antigniano.

На днях месяц что мы здесь. Образ жизни, ресурсы и всё изучил я довольно хорошо. Брюссель именно таков, каким я себе его представлял. Все удобства и все интересы здесь представлены, даже все французские партии. Не только Женева, но и Флоренция отстали. Не знаю, что климат зимой — теперь очень хорошо. По всему остаться бы здесь год можно. Но... тут-то и пойдут *но...* в полицейском отношении нет никакой *sécurité** — может, до парижской грубости здесь не доходят — но деликатно вытолкают как ничего. Главное гонение, разумеется, обращено на социализм. Здесь царство буржуазии. — Ясно, что для нее нет злейшего врага, как соц(иализм). Я не намерен ни в журналах писать, ни речей рчить — но не позволю никакому правительству мешаться в мои знакомства и ни в одном разговоре не скрою моего образа мыслей — *that is the hoc* **. Ну и нанимай фатеру на эту манеру. Посмотрю еще до 1 сентяб(ря) — сроку довольно.

Если же ехать — куда? В Женеве можно бы жить. Огар(ев) очень в хорош(их) отношениях с N(atalie) и она с ним. Но нельзя себе представить — как удушлив Бакун(ин) и как Огар(ев) совершенно под влиянием дома — этой дурочки, и вне — разных юношей¹. Это составит тяжесть невероятную — и будет раздражать денно и нощно. Вот тут и ломай себе голову. Уж опять не в Турин ли?

Читаешь ли ты с Ольгой по-русски и что? Лиза начала ходить в школу... (до 500 учениц). До сих пор она с дороги сильно кашляла.

Пиши к Лизе (и ты и Ольга), и как можно милее, называя ее просто сестричкой.

Есть ли у Ольги порядочные платья и всё что нужно?

¹ Герцен имеет в виду, с одной стороны, влияние на Огарева Мери Сетерленд, с другой — бакунинское окружение, главным образом Печаева («юноши»).

66

⟨Брюссель. 9 августа 1869 г.⟩¹

Тате и Ольге вместе.

Так как Ольга опять начинает вспоминать по-русски — я и хочу писать к вам обеим. Хорошо, что вы догадались писать на днях — а то я сердился не на шутку, не имея никаких вестей с 12 июля. Письмо Ольги пролежало на почте две недели — потому что Лиза вовсе не была записана на почте. Досадно, что ты, Ольга, все хвораешь, — а то все твои желанья мало по малу исполняются и мы в Брюсселе не остаемся. Меня вызывали здесь к начальнику тайной полиции — и хотя он очень учтиво предлагал

* безопасности (франц.).

** в этом «случай» (англ. и лат.).

остаться — но я рассудил, что лучше ехать назад в нашу скучную и биз-
ную * Женеву — и там подумать, где нам съехаться. В Комо, Турине —
даже Неаполе или Венеции!!

К Один юрисконсульт русский передал мне, что дело о капитале ко-
стром(ском) — вовсе не пропащее и что если Ольга *приедет* — люди
берутся выхлопотать — но тут-то hic et hoc **2. Конечно, Тате легче это
сделать, имея все документы. Я полагаю увидеться с одним господином,
который мне даст совет.

Ну как на вас это действует? и какое мнение?

Malvida — la mémoriste et l'idéaliste m'a chassé de sa mémoire, l'idée
de m'écrire ne lui vient pas — tandis que moi je perds ma belle gigue. *O weh,*
*o weh, o weh!****

Из письма Таты, хотя она и говорит, что много занимается, я мало
вижу. Что вас особенно занимает? Что вы серьезно делаете? и пр. — Ка-
кую пятницу³ вы читаете — ту ли, что была у Робинзона, или ту, что бы-
вает перед субботой?

Вы имеете время написать письмо. Мы едем в Антверпен, Роттердам и
возвратимся к 17 — а 20 уезжаем совсем — на Парижи или на Гавр на сви-
данье с d(осто)г Ботк(иним). — Прощайте, целую вас.

А Долфи⁴ жаль.

9 августа 1869.

Мой «Доктор и умирающий француз» делают общий фурор⁵.

¹ На письме — пометка неустановленным почерком: «Recieved 15 august 1869»
(Получено 15 августа 1869 г.) (англ.).

² После отъезда Герцена за границу принадлежавшее ему в Костромской губер-
нии имение осталось, по выражению Герцена, «в лапах русского правительства». Гер-
цен считал, что его дети могут предъявить право на это имение.

³ *Пятница* — персонаж романа Дефо «Робинзон Крузо».

⁴ Участник итальянского освободительного движения Джузеппе *Дольфи* внезапно
помер. —

⁵ Речь идет об успехе повести «Доктор, умирающий и мертвые» в кругу знакомых
Герцена; впервые напечатана в 1870 г. в «Сборнике посмертных статей».

«Брюссель. Начало сентября 1869 г.»

Ваше письмо и портреты — все удалось как нельзя лучше — Лиза
в восторге. Она не в самом деле много учится — но в самом деле сильно
умна, и ум ее *пошибу*, как говорят русские, необыкновенного.

Вчера мы все, то есть и Лиза, обедали у Гюго, кто бы это думал год то-
му назад¹. Старик (ему 67 лет) очень мил... Саша судит по-студентски,
в Гюго есть сумасшедшие стороны — но неужели он может думать, что
можно владеть умами во Франции с 1820-х годов до 69 — даром.

Вырубовым я очень недоволен, у него растет ненависть — просто не-
нависть к России.

Недоволен я еще фотографией Саши — зато Терезиной и тобой очень,
это лучшая твоя фотография. Пойду сегодня и велю себя сфотографировать.

Думаю, что к 15—20 сентября будем просто в Париже (там ветер
совсем иной), может и останусь там до глубокой зимы, — против Неаполя
мало имею, но мало и за. Париж практичнее.

* от франц. «bise» — северный ветер.

** то и сё (лат.).

*** Мальвида, мемуаристка и идеалистка, изгнала меня из своей памяти; ей не
приходит в голову писать мне — тогда как я теряю свою прекрасную «гию». Увы,
увы! (франц. и нем.). — Во французском тексте каламбур: первая половина слова
«Belgique» (Бельгия) звучит как слово «belle» — прекрасная. — *Ред.*

Провел я там несколько дней с Тесье² — он всех вас любит. — Добрый человек, хорошо ведет свои дела (он получает 44 000 жал^уования) и еще всякую всячину) — но... но хорош и при дворе и носит красную ленточку.

Во вторник хотим мы сделать экскурсию — в Антверпен, оттуда на пароходе в Роттердам и Амстердам — на это надобно дней шесть — потом воротимся сюда и будем собираться в Париж.

В «Siècle» 1 сентяб^ря и в «Liberté» 31 авгу^ста были мои затрешины Швейцарии³. — Литературно я в Париже очень хорошо стою теперь и хоть с Лакруа⁴ поругался, думаю, что он издание сделает.

Прощай.

Во Флоренции, я думаю, положение N^{atalie} будет труднее⁵. Напиши мне об этом — тайны из рожд^ения Лизы теперь делать не нужно.

Получены ли деньги — 2000?

¹ См. об этом выше в письмах к А. А. Герцену.

² Давнишний друг Герцена, химик и бывший эмигрант Тесье дю Мотэ примирился в 60-х годах с правительством Наполеона III.

³ См. примечание 2 к следующему письму.

⁴ Лакруа — парижский издатель. Речь идет, очевидно, о задуманном Герценом новом французском издании «Былого и дум» и других своих произведений.

⁵ О трудности положения Н. А. Огаревой Герцен говорит в связи с принятым решением не скрывать более существовавшие между ними отношения.

Вот мы третий день на голландских сваях и плотинах. Из них сутки испорчены такой бурей и таким дождем, что я и не видывал. А то прогуляться интересно. Край оригинальный и не до того износившийся, как Швейцария. Все встречающиеся здесь люди — очень радушны и учтивы и коммуникативны*. Большею частью мы попадали на людей очень образованных. Вероятно здесь есть черты сходства в нравах с Данией и Швецией. Всё это в стороне — «La Olanda fara da se»**, как говорил «Шаривари»¹. Свободы много — она больше в нравах, чем в законах. Процесс по делам печати — неслыханное дело.

Опять вьюга и дождь. Есть от чего сойти с ума...

Мы уехали 10-го в обед из Брюсселя. Я послал Саше от Ротш^{ильда} 2000 фр^{анков} 27 августа и писал ему 28. Я всякий раз прошу *тотчас* писать о получении, и Тхоржевский, даже Огарев исполняют просьбу — Саша нет. Неужели письма так-таки все и пропадают? (одно твое наверное пропало или было перехвачено — то, в кот^{ором} ты писала об Обол^{енской}) — по этому делу творились такие подлости, что я всему поверю — впрочем, с кем было послано оно и как подписано?)

Из дела Обол^{енской} можно было сделать дело европейское — я и начал очень успешно — журналы в Париже начали небольшую перестрелку по этому делу — лучше этого нечего было ожидать². Но Утин & С^{nie} неспособны и на это. Бакун^{ин} по злобе на них не помогает. А пропос, он едет в Турин на житье³. А Ут^{ин}, Жук^{овский}, Щербак^{ов}⁴ и все вевейские русские — в Женеву...

Мы едем отсюда в Гагу сегодня, завтра оттуда в Роттердам — Антверпен и Брюссель — после двадцатого в Париж.

Что же Ольга, приехала из Мюнхена? Она и Мейз^{евбуг} телеграфировали в Женеву 4 сентяб^ря Лизе. Они так мало знают обо мне, что не имеют понятия, где я. Это почти замечательно.

* обшительны (от франц. «communicatifs»).

** «Голландия освободится сама» (итал.).

Здесь встретился на выставке Адол(ьф) Фогт — он что-то был оторопевши.

Всё, что ты пишешь о Терезине, очень радует — кланяйся ей.

Напиши или скажи Саше, чтоб он написал, как разделили вы деньги — это последние на 1869.

Обнимаю тебя.

Лиза путешествует от души — всё у нас тихо и идет ладно.

¹ «Шаривари» (*Le Charivari*) — французский юмористический журнал, основанный в 1832 г. Редакторы «Шаривари» сменялись, его политические установки испытывали колебания, но в основном журнал придерживался оппозиционной линии по отношению к правительствам Луи-Филиппа и Наполеона III.

² См. сообщение С. А. Макашина «Дело Оболенской» — «Лит. наследство», т. 63, 1956, стр. 74—78, а также выше, в письмах Герцена к А. А. Герцену.

³ Бакунин переселился из Женевы не в Турин, а в Локарно.

⁴ Речь идет об эмигранте Алексее Яковлевиче Щербакове, который с конца 1868 г. давал уроки Лизе Герцен.

(Париж.) 20 окт(ября) 1869 г.).
Hôte! du Louvre. Середа.

Любезная Тата,

По твоему письму к N(atalie) я ждал тотчас другого письма с ответом на мое и с окончанием истории о П(енизи) — но письма нет. Я писал Мейзенб(уг)¹ и спрашивал откровенный и окончательный ответ — зимой она хочет переехать или весной. Вероятно она этого письма (по ее адресу) вовсе не получила. Ответ мог быть 5 дней тому назад. Между тем, я не могу нанять квартиры, не зная ответа. Для чего вы всё это делаете, зная, что ждать — вещь для меня мучительная.

От Саши было письмо. Он настоящий философ, ничего не пишет о нашем переселении.

Теперь здесь холод.

Боткин уехал в Петерб(ург). Б(отки)на² едет сегодня через Флоренцию в Рим, она больна, отдохнет сутки в Ницце — примите ее хорошо. — Nat(alie) посылает что-то Волдырчику.

Pour couper court — je prie de télégraphier immédiatement une de ces formules:

1° Nous venons tous — nous partons... par...

2° Malvida et Olga restent à Florence jusqu'au printemps.

Je donne la plus entière liberté — je n'insiste pas — mais je prie de ne pas me faire attendre les réponses*.

Тебе — Тата — я думаю, необходимо ехать quand-même**. Я готов и опять в Ниццу или Геную — если бы это было нужно.

¹ Известно письмо Герцена к М. Мейзенбуг от 7 октября 1869 г.

² Анастасия Боткина — жена С. П. Боткина. 28 октября 1869 г. Герцен писал сыну: «Была ли у вас Боткина и привезла ли Волдырю биброн***?» (XXI, 512).

* Чтобы положить конец, прошу немедленно телеграфировать одну из этих формул:

1. Мы приедем все — выезжаем... через...

2. Мальвида и Ольга остаются в Флоренции до весны.

Предоставляю полнейшую свободу, ни на чем не настаиваю — но прошу не заставлять меня ждать ответов (франц.).

** несмотря ни на что (франц.).

*** соску (от франц. «biberon»).